

Акцент

Уважаемый читатель!

Третий номер журнала открывается рубрикой «Точка зрения». На этот раз речь идёт о фестивале ведущих «толстых» литературных журналов, проходившем в начале лета в г. Екатеринбурге. Читателю предлагается стать участником круглого стола главных редакторов этих журналов, и вместе с ними обсудить насущные проблемы журналов современной России, узнать о новых русских писателях, о новой русской литературе. Литературный раздел порадует читателя приключенческой повестью Сергея Торлопова «Хозяйка Выми». Кто виноват в смерти дайвера? Сюжет повести разворачивается вокруг ряда необъяснимых событий, происходивших на Выми в течение долгого времени. Коми проза представлена четырьмя небольшими рассказами Елены Афанасьевой, объединённых названием «Дуда Платтьёа». Немного мистические, они написаны на основе коми-удорского фольклора, по-новому и, можно сказать, по-доброму переосмысленному автором. Лесная девочка, помогающая детям – это образ-воплощение самой Природы, ищущей утерянного контакта с людьми. Мистическая тема продолжена в небольшом интервью Г. Ведерниковой с известной коми-пермяцкой народной целительницей из г. Кудымкара Тамарой Ососовой. Как и откуда она получила свой дар, как ей удаётся лечить людей – всё это в интервью. Кроме того, журнал предлагает читателю подборку стихов целительницы на коми языке. Большой раздел «Великая Пермь» открывается с сенсационной публикацией. Это первое литературное произведение коми автора, оно датировано 1841 годом. Поэма о Стефане Пермском написана учеником Яренского духовного училища Павлом Поповым по мотивам коми-удорского фольклора. Публикация и комментарии, а также сопроводительная и многое объясняющая статья подготовлены московским исследователем из Института славяноведения Борисом Морозовым. Историко-фольклорную тему продолжает статья Олега Уляшева, исследователя из Сыктывкара, в которой рассмотрены новые данные о коми героях-батырях, в том числе и о знаменитом противнике Стефана Пермского – Паме сотнике. Статья Светланы Королевой и Елены Четиной посвящена вопросу о легендарной чуди, чудским богатырям и чудским «родителям» – предкам коми-пермяков. «Арт-факт» открывает нового художника – это Виталий Оньков из г. Кудымкара. Творчество этого художника обращено к тайне прошлого народа коми, к его заветным преданиям. Закрывает журнал статья П. Лимерова об удивительном празднике Книги, который ежегодно на протяжении 30-и лет происходит в Удорском районе РК. Уникальность его в том, что Праздником является встреча Читателя с Писателем.

Павел Лимеров,
главный редактор

АРТ

6+

Содержание

Почка зрения

П. Лимеров. «Толстые» журналы в тощие годы:
круглый стол в рамках фестиваля «Толстяки на Урале».....4

Проза. Поэзия.

С. Горлопов. Хозяйка Выми.....16
А. Суворов. Белым по белому42
Е. Афанасьева. Дуда Платтьоа.....59
Т. Ососова. Кор енежыс воссис.....69

Великая Пермь

П. Попов. Повесть о Стефане Пермском в стихах,
писанная для зырян, по сохранившимся у них преданиям80
Б. Морозов. Неизданная поэма XIX в. о великом книжнике XIV в.
Стефане Пермском.....107
О. Уляшев. Родство по крови, родство по «духам»120
С. Королёва, Е. Четина. Юкся, Пукся, Бора, Мока
и другие «чудские родители»129

Арт-факт

Н. Носкова. Учитель из Кудымкара150
О. Орлова. «Живописная мораль» христианских сюжетов.....156

Празднику «Коми книга» - 30 лет

П. Лимеров. «Коми книга» - праздник читателей
и писателей на Удоре..... 178

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культууроология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Министерства массовых коммуникаций, информатизации и связи Республики Коми.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители:

Министерство массовых коммуникаций, информатизации и связи Республики Коми,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

**Руководитель – Новикова Н.М.
Главный редактор – Лимеров П.Ф.**

Адрес редакции, издателя: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136,
тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru, www.artlad.ru

© Журнал «Арт», № 3 (76) 2016 г.

Подписано к печати по графику 19.09.16. Фактически 19.09.16. Дата выхода в свет 29.09.16.
Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж – 1200 экз. Заказ – 6770. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов.
Адрес типографии: 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС 78503

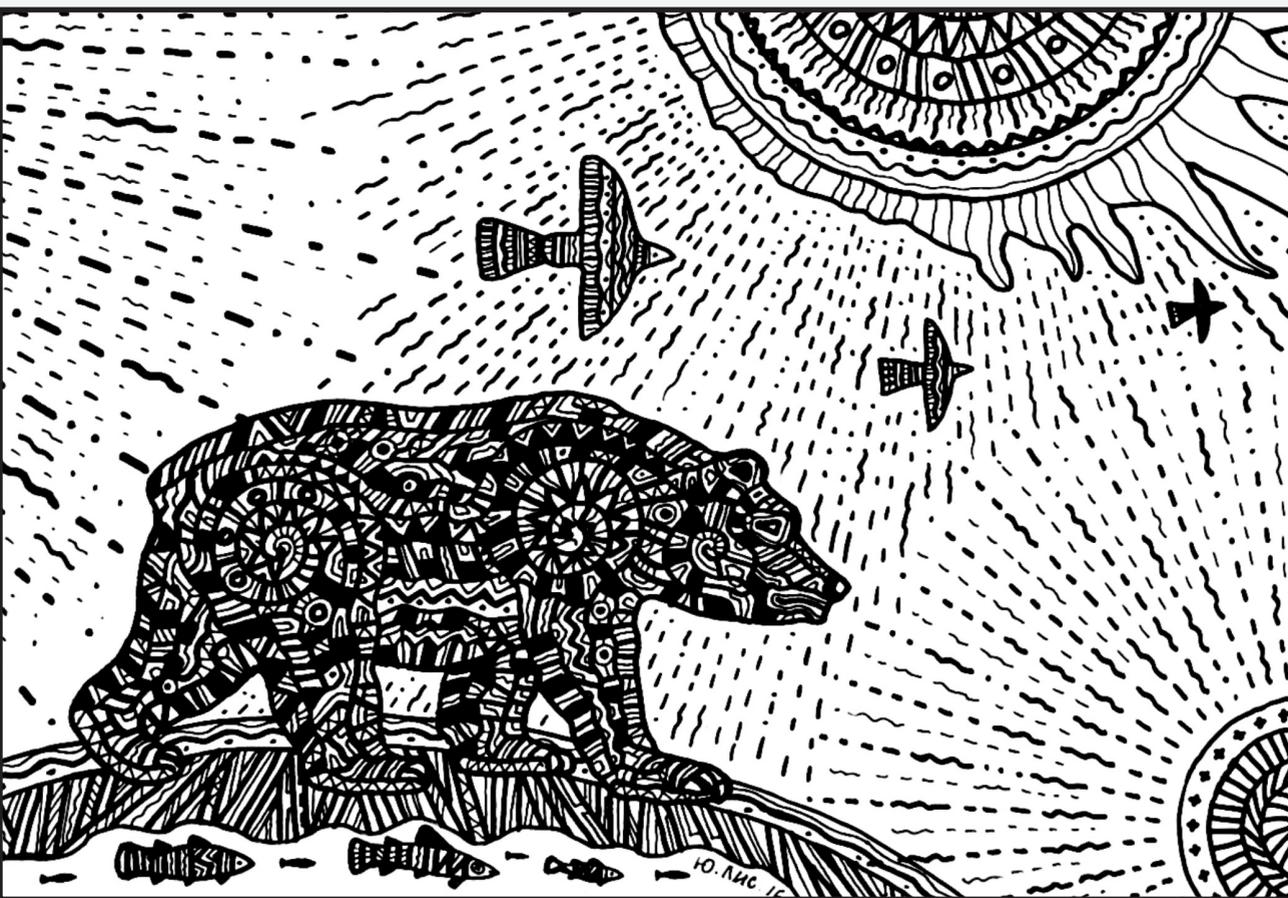
Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа (©) В. Онькова «Пера-воин».
В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам.
Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йӧзӧдтӧм гижӧдъяс редакция оз рецензируют и авторъяслы найӧс оз мӧдӧд. Редакция оз век во ӧти кывйӧ авторъяскӧд.

Точка зрения

«Толстые» журналы в тощие годы»:

круглый стол в рамках фестиваля «Толстяки на Урале» (г. Екатеринбург)

В Советском Союзе читали журналы. Обычная советская семья выписывала целый набор печатной продукции, в который, помимо местных и центральных газет, обязательно входили журналы. Самые юные жители СССР начинали свою читательскую биографию с журнала «Весёлые картинки», знакомясь с замечательными историями о приключениях фантастических человечков. Став постарше, дети читали «Мурзилку», а вскоре после принятия пионерской присяги наступала пора подписываться на журнал «Пионер», а затем и на «Костёр». Подростки читали журналы «Техника – молодёжи», «Знание – сила», печатавшие всевозможные полезные сведения, а наряду с ними – дефицитную фантастику; девочки-девушки-женщины обязательно подписывались на журналы «Работница» и «Крестьянка», вырезая прилагаемые к ним выкройки и аккуратно складывая их в отдельную папочку – а вдруг пригодятся! Популярны были журналы «Огонёк», «Вокруг света», «Наука и религия», читали «Смену» и «Молодую гвардию», огромный спрос был на журналы «Юность», «Роман-газету», а свердловский журнал «Уральский следопыт», благодаря публикациям детского фэнтези Владислава Крапивина, ходил по рукам годовыми подшивками. Журналов было много, они были на все возрасты, вкусовые и прочие предпочтения, и они читались. Чтобы ни говорили сегодня, но советские люди не только читали литературу, но и понимали её. Во всяком случае, разницу между производственными романами господствующего

соцреализма и классикой они знали, и за томиком А.П. Чехова в дешёвом издании серии «Классики и современники», накануне поступившей в книжный магазин, могла выстроиться очередь гораздо большая, чем за дефицитной колбасой. Классику читали все, но была ещё и литература «толстых» журналов, журналов с определённым именем и репутацией. Не могу сказать, что «толстые» журналы выписывали исключительно все, хотя и таких было много, но такие журналы, как «Октябрь», «Новый мир», «Иностранная литература», «Звезда», «Знамя» и др. – знали все, они всегда были на слуху, они были в центре литературной жизни. На страницах этих журналов печатались самые лучшие, самые продвинутые авторы, имена которых уже вошли или вскоре войдут в учебники по литературе. Для молодого писателя попасть на страницы «толстого» журнала значило не что иное, как оказаться на самом пике литературного процесса, и приобрести авторитет в литературном сообществе. С середины 1980-х гг. популярность «толстых» журналов возросла многократно. Это было связано с републикацией литературных произведений, ранее запрещённых к изданиям в Советском Союзе. Довлатов, Войнович, Солженицын, Домбровский, Дудинцев, Рыбаков, Пастернак и многие, многие другие авторы, чьи произведения появились в печати, вызвали небывалый подъём читательского интереса и обеспечили миллионные тиражи журналов. Эпоха читательского «бума» прошла к середине 1990-х. Но журналы остались. И они по-

прежнему заняты тем, чем им и положено заниматься – сотворением культуры.

В г. Екатеринбурге второй год проводится литературный фестиваль с символическим названием «Толстяки на Урале». Его организаторами являются Министерство культуры Свердловской области и редакция журнала «Урал». Фестиваль преследует вполне закономерные и понятные цели – привлечение читателей к литературе «толстых» журналов, восстановить во многом утраченный диалог между журналами и читателем. Фестиваль уже традиционно проходил 2–5 июня, и его Программа была чрезвычайно насыщена. Здесь были встречи с известными писателями – участниками фестиваля, а также презентации литературных журналов и книг. Параллельно проходили демонстрация фильмов по произведениям, увидевших свет на страницах литературных журналов. Читатели могли встретиться с редакторами толстых московских и не московских журналов, задать им вопросы. В рамках

фестиваля прошли и литературные чтения, названные организаторами «Толстые журналы: двести лет вместе». Кроме редакторов журналов, в чтениях принимали участие и критики, литературоведы, прозаики, выступившие с докладами о сегодняшнем состоянии толстых журналов. Но, пожалуй, наиболее зрелищным и впечатляющим был проведённый в последний вечер фестиваля так называемый «межпоколенческий поэтический батл», в котором приняли участие поэты разных уральских городов. Это была настоящая битва словом, сходная с мифическими словесными состязаниями древних эпических героев, и, что самое главное, многочисленные зрители и слушатели не остались безучастными к происходившему на сцене.

В первый день фестиваля в библиотеке им. В. Белинского состоялся круглый стол с участием главных редакторов российских толстых литературных журналов "Новый мир", "Знамя", "Октябрь", "Иностранная литература", "Вопросы ли-

тературы", "Наш современник", "Звезда", "Север", «Урал». Он назывался «Толстые журналы в тощие годы». Участникам круглого стола изначально был задан круг вопросов, на которые они должны были ответить в произвольной форме:

Для чего выпускается литературный журнал?

Современные толстые журналы – союзники или конкуренты?

Толстый журнал – лаборатория или клуб по интересам?

Чем измеряется успех или неуспех журнала сегодня?

Ирина Барметова, главный редактор журнала «Октябрь»: В творческих вопросах мы союзники, в вопросах выстраивания политики журналов мы, конечно, всегда будем конкурировать, и это здоровая нормальная конкуренция, которая создаёт движение. А в вопросах, в которых мы объединяемся, могу озвучить: месяца ещё не прошло, как ведущие толстые журналы Москвы и Петербурга объединились в Ассоциацию литературных журналов. То, что мы объединились на основе равноправного союза, позволит нам решать проблемы экономические и различные организационные проблемы, которые возникают у всех у нас и поодиночке нам не справиться. В этой ассоциации мы будем разрабатывать серьёзные большие программы, которые могли бы заинтересовать и Москву, и другие города, в которых наш уже творческий потенциал – всех наших журналов – мог бы открыться. Лаборатория или нет? Но это всегда, конечно, лаборатория. И всегда это клуб, одно не заменяет другое. В 90-е годы, когда было чудовищно, и когда все издательства занимались тем, что публиковали только детективы и всё прочее, а современный литературный процесс, современные писатели были отодвинуты как будто на самую нижнюю полку в

шкафу, именно журналы собрали вокруг себя писателей, и это был действительно клуб, и он был намного более результативен, чем Союзы писателей. Не побоюсь сказать, но благодаря журналам мы сохранили писателей, усилиями журналов сформировались те писатели, которые сейчас составляют наш золотой фонд, те писатели, которых сейчас посылают на различные ярмарки, на которых они сейчас представляют Россию как почётные гости. Мы будто бы себя хвалим, но мы рассказываем, что действительно было. Сейчас журналы также остаются клубом. Конечно, издательства пользуются работками нашими, и это нормально. Другое дело, что мы должны внедряться в другие проекты, разрабатывать другие проекты, которые не под силу издательствам. По своей направленности журналы более мобильны, они могут быстро сориентироваться. Конечно, это площадка для создания нового поколения писателей. Никакое издательство не культивирует новое поколение писателей, это дело очень тонкое и оно формируется на этом журнальном поле.

Сергей Костырко, зам. главного редактора журнала «Новый мир»: Сейчас во время ремонта нашего сайта посещаемость резко упала, сейчас равняется 15–17 тыс. заходов в день – это в районе 350 тысяч – если считать срок жизни свежего журнала активный месяц – соответственно в месяц к нам заходят 350–400 тысяч посетителей. В год получается 5–6 миллионов. Вот тираж толстого журнала. Мы стали исследовать аудиторию, она достаточно интеллигентная. Если говорить о том, чем измеряется успех – вот один из критериев, пожалуй. Это не только посещаемость, это посещаемость и уровень аудитории. Соперники или партнёры? – Разумеется, соперники, это естественно. Партнёры? – Разумеется,

партнёры, потому что если бы журналы все вместе не создавали бы это культурное поле, читательский круг – всё вместе, то ни один журнал не смог бы существовать. Вот если себе представить, что наш журнал возьмёт и всех в одночасье уберёт – нет больше журналов, один только «Новый мир». Ну и что, сдохнет «Новый мир». Так что, разумеется, партнёры, друг без друга мы жить не можем. Какой ещё вопрос был – лаборатория, клуб по интересам? Тут я абсолютно согласен с мнением Ирины Барметовой, но только лабораторию и не мастерскую – это не одно и то же, потому что недотянутые, недоделанные вещи, недомастеровитые вещи журналы не публикуют, журналы стараются публиковать вещи абсолютно состоявшиеся, поэтому это лаборатория такая своеобразная, скорее, лаборатория, в которой вынашивается, вызревает будущее – завтра, послезавтра русской литературы. Я позволю себе сказать ещё несколько слов о журнале «Новый мир». Я сотрудник и много лет в этом журнале работаю, поэтому имею право сказать несколько слов об этом журнале. Я скажу о той ситуации, с которой мы, сотрудники журнала «Новый мир», сталкиваемся постоянно, и которая нас, если честно, начинает раздражать. С одной стороны, у журнала славная история, традиции, есть такой намоленный образ прогрессивного журнала 60-х гг., с громкими именами: Сёмин, Домбровский, Солженицын, Трифонов, Можаяев – ну и так далее. И вот этот имидж, миф о журнале существует до сих пор. Я слышал недавно мнение одного прозаика московского, молодого, продвинутого, очень бравирующего своей авангардистской репутацией. И вот он сказал как-то, что «Новый мир» обязан оставаться тем «Новым миром», которым он был всегда, а другие журналы должны заниматься экспериментом, новой литературой – так далее, и так далее... Я всё

это слушал и не верил своим ушам, потому что передо мной сидел литературный человек, который в принципе бы должен был читать «Новый мир». Миф, который существует, конечно, можно сказать, что он имеет какое-то отношение к тому, что мы сейчас делаем, но это миф, потому что та проза, которую мы сейчас печатаем, та поэзия, которую мы печатаем, – это проза и поэзия сегодняшняя, абсолютно сегодняшняя. Мы не печатаем реинкарнации Виля Липатова, или там Тендрякова или там Ефима Дороша – славные имена шестидесятых годов. Но если взять из последних – два романа: это роман Дмитрия Данилова. Те, кто читал прозу Дмитрия Данилова, скажут, что это очень далеко от того, что писал Тендряков или, скажем, Виль Липатов. Или те очень сложные, неожиданные жанровые сдвиги, которые происходят в прозе, которая считалась фантастикой – это фантазмагорическая проза Марины Галиной, которые мы напечатали в «Новом мире» – это нынешнее лицо «Нового мира». Поэтому, когда говорят что-то о нас, я повторю слова Сергея Чупринина: «Коллеги, давайте хоть читать друг друга».

Елена Пеитиляйнен, главный редактор журнала «Север»: Что является секретом успеха? По сравнению со своими коллегами я сравнительно молодой редактор, я девятый год возглавляю журнал «Север», до этого я работала в системе образования, даже была учителем года. Судьба распорядилась так, что вытолкнула меня на путь литературы. Авторитетные коллеги помнят те времена, когда были огромные тиражи, и в беседах проскальзывает нотка грусти, что сейчас всё катится к сокращению. Я бы назвала подругому: да, больших тиражей уже не будет, всё равно электронные носители вытесняют бумажный вариант. Он останется, никуда он не денется, бумажный журнал, но не будет миллионных тиражей, и пла-

Сергей Чупринин, главный редактор журнала «Знамя».

кать об этом не надо. Те цифры, которые приводил Сергей Павлович Кострыко, я думаю, что подтверждают эту мою версию. Второй показатель успеха: в 2014 году, в год культуры, телеканал Совета федерации в программе «Академический час» приглашал главных редакторов литературных журналов выступить с лекцией. И там выступали главные редакторы журналов «Октябрь», «Знамя», «Новый мир» – если вы смотрели и пригласили меня. Я очень удивилась, я смотрела с огромным уважением на своих коллег, не будучи с ними знакома, и когда я приехала в Москву и спросила, почему позвали журнал «Север», мне сказали, что по интернету у журнала «Север» высокий индекс цитируемости. К стыду своему, я тогда не зна-

ла, что это такое, мне показали в «Яндексе». Да это самый читаемый журнал. Да, есть показатель «тираж», есть показатель «посещаемость сайта», а есть показатель «индекс цитируемости», т.е. насколько читают журнал, обсуждают, ссылаются в интернете. Вот этот показатель и говорит об успехе. Второй вопрос: сотрудничество или соперничество? Всем известно имя Василия Белова. Его повесть «Привычное дело», с которой он вошёл в литературу, впервые была опубликована в журнале «Север», когда главным редактором был Дмитрий Яковлевич Гусаров, он 36 лет возглавлял журнал, и именно он в 1970-е годы вывел «Север» на российскую орбиту. Потом «Привычное дело» стало появляться в столичных журналах, и сегодня

ня это национальное достояние. Я хочу сказать, что с одной стороны – это конкуренция, какой журнал успеет опубликовать раньше, с другой стороны – это сотрудничество, когда кто-то начинает в своём региональном издании: Белов – вологодский писатель, затем выходит на российскую орбиту: журнал составил славу писателю, а писатель этим своим произведением составил славу журналу. У нас есть конкурс «Северная звезда» для молодых авторов. Наверное, мы сегодня единственный журнал, который проводит конкурс для молодых авторов. Когда я пришла в журнал, нужно было ввести какую-то свежую струю. Здесь я частично затронула вопрос, что это – клуб по интересам? Что такое литературный журнал? Если он будет клубом по интересам своих авторов, а у журналов есть свой круг авторов, круг своих читателей, но мы не замыкаемся только ими, у нас ориентация на широкие границы, мы публикуем вне зависимости от принадлежности к какому-либо писательскому союзу или вообще присутствия в нём, и чем шире география, тем лучше. И восемь лет назад мы объявили конкурс «Северная звезда» для молодых авторов. И за эти годы у нас сотни молодых авторов шагнули в большую литературу и стали известными в других проектах, в других журналах, они получили престижные литературные премии, а начинали когда-то в «Севере». Так вот я считаю, что это тоже показатель успеха, а сотрудничество проявляется в том, что центральные журналы приглашают молодых провинциальных авторов на свои страницы. Вот сейчас журнал «Октябрь» готовит подборку писателей Русского Севера.

Александр Ливергант, главный редактор журнала «Иностранная литература»: Конкурентов у нас нет, потому что мы стоим особняком, и конкурентов среди русских толстых журналов у нас

нет и быть не может. Но у нас есть более серьёзный и опасный конкурент, которого у нас не было в советские времена. Это издательства, специализирующиеся на издании зарубежной литературы. Дело в том, что этих издательств сегодня стало гораздо больше, во-вторых, они гораздо активнее, я бы даже иначе выразился – агрессивнее. И если раньше «Иностранная литература» не имела конкурентов и выпускала романы, а они, как правило, выходили в книгах очень не скоро, то теперь всё время мы находимся в постоянной гонке и должен с прискорбием сказать, что часто проигрываем издательствам, которые выпускают литературу, правда, массовую, но в том числе и литературу достаточно серьёзную. В чём ещё проблема? Дело в том, что российский читатель очень не любит того, что с удовольствием читает зарубежный читатель, особенно англоязычный. Это «фрагментов». Вот мы часто получаем письма, где пишут: «Ну что же вы не печатаете роман целиком, а даёте какие-то фрагменты в вашей рубрике «Из будущей книги», или у нас ещё есть рубрика «Сигнальный экземпляр». Но печатать целиком роман, который через месяц или через два выйдет в издательстве – тоже вроде бы не самый благополучный исход.

Андрей Арьев, главный редактор журнала «Звезда»: Пушкин, когда начал издавать свой «Современник», очень надеялся на то, что дела его будут хороши, потому что вся русская литература у него в руках. Так оно и было. Он начал издавать «Современник» 2400 экземпляров, и там была напечатана «Капитанская дочка» – что может быть лучше! Жуковский, Вяземский, Тютчев – в общем, лучше представить тот век невозможно. Уже к концу года у него был тираж 700 экземпляров, и после смерти Пушкина только стараниями его друзей – Вяземского, Жуковского и других, некоторое время в пользу семьи Пушкина из-

давался этот журнал, с тем, чтобы как-то её поддержать. Дохода никакого он не приносил. И, тем не менее, лучший русский журнал по количеству авторов – закончился. Просто началась смена литературных вкусов и читателей тоже. Пушкин этого не уловил, а возможно, и не хотел, потому что его позиция была такова, – позиция уже довольно отчаянная. Он писал: «Было время, литература была благородное, аристократическое поприще, ныне это вшивый рынок». И он потонул в этом «вшивом рынке». Но, тем не менее, именно тогда начался расцвет нашей журналистики. Сначала действительно абсолютно рыночный, потому что это было делом рук очень ловких людей – Булгарина, Греча, Сенковского – человека очень пронизательного, образованного, который предпочёл выступать под псевдонимом «Барона Бромбеуса». Справедливо полагая, что этим массового читателя привлечёт. И для того, чтобы обратиться на тот высокий уровень, который заняла русская журналистика в XIX веке, нужно было, чтобы читатели немножко опомнились, и чтобы они начали путь к новой литературе. Слава Богу, тогда журналов было много, все друг с другом конкурировали: «Отечественные записки», «Современник», «Русское богатство» – и вот тогда начался расцвет русской литературы самого высокого класса. В начале XX века Александр Блок, великий наш поэт, в статье «Итоги литературного 1907 года» пишет буквально следующее: «Печатаюсь в умирающих русских журналах». Действительно, журналы умирали, и рынок захлестнули, с одной стороны, дешёвые всякие издания – литературные альманахи, сборнички отдельных литературных групп, составившие, в конце концов, знаменитую культурную эпоху, которую называли Серебряный век. Потом началась революция и с журналами, толстыми, было покончено окончательно. Никаких тол-

стых журналов с 1917 по, приблизительно, 1924 год просто не было. Надеялись, что революционное пролетарское искусство воспрянет. Оно, конечно, не воспряло. Отдельные группы – кого угодно – от символистов до ничевоков каких-нибудь издавали свои издания, но они ни к чему не привели. И оказалось, что без толстых традиционных журналов не обойтись. И 1924 году был основан журнал «Звезда», который я имею честь представлять. И журнал «Октябрь». И в 1924 году окончательно умерла всякая частная журналистика. И понимая, что толстые журналы нужны – Корней Чуковский, Замятин – создали «Русский Современник», журнал блистательный, но он был прикрыт, потому что он был частный. Вот тогда началась новая культура, новый взлёт толстых журналов. Я думаю, что сейчас тоже что-то такое происходит. Действительно, читатель как бы сломался, читатель перестал ценить настоящую культуру, которую распространяют толстые журналы. И этому во многом способствует интернет. Собственно, мы бы, наверное, и не собирались бы, если бы не было финансовое положение наших журналов. Дело же не в том, что в них нечего читать или их не хотят читать. Вот Сергей Костырко рассказывает, сколь популярны журналы в интернете. Действительно, там читают очень много, причём, читают даже обрывки, мы всё там не выкладываем. Но вот в чём дело, если бы все эти интернет-читатели платили бы деньги за это, ни один толстый журнал не стонал и не погибал бы. Потому что погибли журналы, благодаря такой мощной конкуренции. Мы добровольно раздаём свой труд миллионам людей, не получая за это ни копейки.

Сергей Чупринин, главный редактор журнала «Знамя»: С интересом слушаю своих коллег. Потому что, что ни журнал, то наособицу, что ни редактор, то наособицу. И хочу своё короткое высказывание провести от того, что только

что сказал Андрей Юрьевич Арьев. Начну с общего вопроса: для чего, собственно говоря, выпускается литературный журнал? Здесь возможны несколько ответов. Первый ответ – для читателей. Но для читателей выпускаются другие журналы. Те, за которыми читатели гоняются, где они узнают что-то новое, свежее, находящееся в тренде, ещё в чём-то. Мы не выпускаем журналы для читателей. Мы не гонимся за приращением читательской массы. Иногда приходят письма: «Если вы опубликуете мой роман, ваш тираж увеличится в 10 раз». Нам это не интересно. Тем более, что и автор ошибается – ни в какие разы увеличить не получится. Мы выпускаем журнал для литературы. Наш журнал для писателей – в первую очередь. Заботы и интересы русской литературы в сегодняшнем её виде, в том виде, и в каком она будет дальше – для нас важнее и приоритетнее, чем задача уловить в свои сети ту категорию читателей, а ещё и эту. Здесь нет какого-то особен-

ного конфликта, но внутри он существует, и все мы знаем, зачем мы это делаем. Потому что посмотрите, традиционные литературные журналы, как они выглядят. «Новый мир» как выходил с 1990-х, как он из серенького стал голубеньким, или вот журнал «Знамя» – традиционный цвет – цвет хаки. Так и будет. Не будет картинок. Не будет, даже если бы у нас деньги были. Мы хотим сохранять верность тому образу, который сложился и который существует. Это ответ на один из вопросов, поставленных ведущим – что такое литературный журнал – это лаборатория или что-то ещё. Нет, литературный журнал – это, в первую очередь, витрина, это подиум, на который мы выпускаем писателей, чтобы они показались всему белому свету. Чтобы было видно его значение. И главный наш капитал, символический, конечно, наш капитал, то, что мы ценим в журнале «Знамя» последних двух, двух с половиной десятилетий. Мы ценим, что у нас начал печататься Виктор Пелевин,

«Знамя» открыло Михаила Шишкина, В «Знамени» последние двадцать лет печатается Владимир Шаров. И в «Знамени» состоялась первая большая публикация стихов Бориса Рыжего, которая была отмечена Антибукеровской премией. Это для нас важно: в современной литературе находить не успешных, ловких, очень умелых беллетристов, а настоящих художников слова. Когда-то несколько лет тому назад мы серьёзно размышляли о том, что наше дело – дело толстых литературных журналов – это литература архаусного типа. Это как в кино – есть Голливуд, и есть издательства для Голливуда, а есть арт-хаус. Для этого нужны только толстые литературные журналы.

Наталья Иванова, зам. главного редактора журнала «Знамя»: Я хотела бы высказаться по поводу мифа, о котором говорил Сергей Костырко, мифа о «Новом мире» – был, нет. На самом деле мифы есть у всех толстых журналов. Этим они и ценны. И многие из тех, кто сегодня выступал, как раз и говорили об этих мифах. Но этот же миф перерастает в репутацию, и если журнал теряет репутацию, он теряет не только читателей, но и писателей. Поэтому миф о «Новом мире» необыкновенно важен, также как важны мифы о других толстых литературных журналах. Они проходили разные времена, в том числе и неприятные, о которых очень хочется забыть, но это всё было в истории толстых журналов советской поры. Второе. О 90-х годах. 90-е годы были тем временем, когда наконец-то были напечатаны все те произведения, которые были запрещены на протяжении нескольких десятков лет. И тиражи литературных журналов поднялись необыкновенно. Потому что печатали «Собачье сердце» Булгакова, «Реквием» Ахматовой, «Жизнь и судьбу» Гроссмана, «Доктора Живаго» Пастернака, наконец-то напечатали Солженицына, и журналы

боролись за право первой публикации Твардовского. За Твардовского боролись «Новый мир» и «Знамя» и, в конце концов, напечатали оба. Это было время публикации потрясающего нашего литературного капитала, который был утаён от читателя. Потом это пятилетие кончилось. И молодые, и не очень известные писатели, которые были в положении не первых лиц этих наших толстых журналов, наконец-то стали выходить к читателю. И тут случились две вещи. Первое: то, что прочитав весь этот золотой капитал, читатель к молодым не очень-то повернулся лицом, а второе – молодые писатели начали другую, новую литературу. Её надо было понять, её надо было представить. И этим занялись литературные журналы. Хотя мы понимали, что тиражи упадут, и они упали. Поэтому сказать об успехе или не успехе литературных журналов можно только в связи с историей и с настоящим этих журналов. И этот успех зависит от того, что поддерживаем мы или не поддерживаем друг друга, союзники мы или конкуренты. Есть такая вещь, как полемика. Полемика на самом деле движет литературой. Литература движется не только тем, что она печатает новые замечательные произведения, но и тем, как журналы видят друг друга, как они расписывают это пространство. А в 90-е журналы стали как-то более жаться к друг другу, поскольку читатель стал их оставлять. И жалеть друг друга. Не очень-то полемизировать. Кроме журнала «Наш Современник», с которым мы были и стоим отчасти в некоторой полемике, более никто и не полемизирует. Я думаю, что возвращение того, чтобы мы видели друг друга, а не только поддерживали друг друга экономически, юридически – это очень важно. И то, что журнал «Урал» завёл новую рубрику «Толстяки на Урале», где видит то, что печатается в других толстых литературных журналах.

Это очень важно, потому что мы печатаем очень много рецензий, мы вас наводим примерно на 400 книг в год, если прочитать все те рецензии и аннотации, которые мы печатаем. Но почему-то в упор не видим то, что печатаем сами. Ну и последнее: кто мы – лаборатория, клуб по интересам или создатели новых форм. Конечно же, мы и то, и другое, и третье, но самое главное, это то, что своей критикой, публицистикой, публикациями мы поддерживаем и движем литературу.

Александр Казинцев, зам. главного редактора журнала «Наш Современник»: Не стану рассказывать о журнале «Наш современник», любой образованный человек должен знать журнал Белова, Распутина, Астафьева, а сейчас – журнал Захара Прилепина, Сергея Шаргунова, Романа Сенчина. Не стану и отвечать на вопросы – сегодня на ЕГЭ отвечают миллионы школьников, оставив занятия. Я расскажу частную историю, которая, может быть, даст ответ на какие-то общие вопросы, поставленные здесь. Перед нашим выступлением мы фотографировались, у Натальи Борисовны было желание сфотографироваться со мной, я благодарен ей за это. Я помню, как замечательно мы ругались в Липках, где проходят каждый год совещания молодых писателей, на которых многие из нас ведут семинары. Ругались по поводу фильма Бардина «Россия-88». И вот представьте, в тех же Липках через несколько лет, три года назад, приходит на наш семинар девушка и приносит рассказ, который во многом напоминает сюжет этого фильма. И в отличие от фильма рассказ мне понравился. Не сочувствием, конечно, к главному герою, главный герой – убийца, такому сочувствовать нельзя. Но стремлением понять, почему же он стал таким. Я подумал, что это рассказ для журнала «Знамя» и понёс его к писателю, который вёл мастер-класс от журнала «Знамя». Он

говорит: «Хорошо?» Я говорю: Хорошо!» Он: «Ну что же, прямо так и печатать?» Я понял, что печатать придётся мне. Хотя это было совершенно невозможно, противоречило и эстетике, и представлениям журнала «Наш современник». Ну, с текстом я немного поработал, но рассказ напечатал. Это был рассказ Елены Тулушевой «Слава». С тех пор она стала нашим автором, с тех пор её перевели на китайский, арабский, на некоторые европейские языки. А два года назад к нам пришёл прозаик, туда же на семинар в Липках, Андрей Тимофеев – интеллектуал, он закончил МИФИ. Он тоже оказался ко двору в «Нашем современнике» и, кстати, и в «Знамени» тоже, и в «Октябре» напечатали. То есть сегодня такого чёткого деления, что только у нас, а если к ним – то тебя печатать не будем – такого деления, слава Богу, уже нет. Год назад к нам пришёл прозаик Платон Беседин, тоже печатается во многих изданиях, и сейчас на страницах журналов начало складываться молодое поколение прозаиков, к ним я отношу и Андрея Антипина – это изначально наш писатель, земляк Распутина и, мне кажется, наследник Распутина – молодое поколение и много обещающее. Мы уже знаем, что скажем друг другу и читателю. Как-то год назад здесь же Сергей Чупринин решил спародировать меня и говорил то, что говорил обычно я на выступлениях. Мы действительно знаем. А вот то, что скажут молодые – мы действительно не знаем. И это интересно. И я сейчас отдаю все свои силы работе с молодыми, продвижению их, защите, потому что любой талант сразу же подвергается нападкам. Я верю, что они могут сказать что-то интереснее нас. В любом случае, они могут сказать что-то новое, то, что мы уже не скажем. Поэтому я привёз вам не только наш последний номер – майский – за этот год, я принёс десятый номер 2015 года, который мы из-

дали тиражом 26 тысяч экземпляров для того, чтобы читатели узнали наших молодых. Это молодёжный номер – я дарю его библиотеке – читайте молодых.

Игорь Шайтанов, главный редактор журнала «Вопросы литературы»: Когда уже так много сказано, можно попытаться подвести итоги. Функция журнала «Вопросы литературы» именно такова, поскольку мы художественной литературы не печатаем, мы печатаем «нон фикшин» во всех жанрах. Я откликнусь на один вопрос и на одну метафору. На вопрос, который обсуждался: о том, что скажут, что говорят и как думают молодые. Приведу один пример, который ничего не исчерпывает, но тем не менее, показателен. Журнал «Вопросы литературы» тех самых семидесятых годов – он всегда мыслил себя стоящим рядом с «Новым миром» и поэтому в последнее десятилетие многое из архива Твардовского печаталось в «Вопросах литературы». И мне как-то говорит один наш молодой автор, также и прозаик, после одной из наших публикаций из этого архива. Я спрашиваю: «Ну как?» – «Да Вы знаете, какая-то странная картина вырисовывается. Одни бегут к одним членам ЦК, другие бегут к другим членам ЦК – вот и вся полемика». Видимо, что-то надо и объяснять из той борьбы, из той полемики, из того противостояния идей, но было очень приятно услышать от представителей «Знамени» и «Нашего современника», что то стало уже историей. Боюсь, что нет. У меня по ощущению не журнальных отношений, а по ощущению нашей атмосферы в целом – старая мысль о том, что русская литература всё предсказала, но ничего не предотвратила – она снова мне кажется верной. Потому что у меня снова возникает ощущение, что я снова живу в каком-то узком пространстве, с одной стороны которого герои Щедрина, а с другой стороны которого – герои Достоевского. Как-то ни того, ни другого не хочется. И откликнуться на метафору Сер-

гея Ивановича о том, что журнал сегодня находится на подиуме. Метафора подиума, может быть, хороша. Но журнал не находится на подиуме, он выпускает на подиум, и находится вокруг подиума. И вот это мне кажется особенно важным. Отвечая на первый вопрос: что такое журнал, я бы произнёс слова, которые теперь стали рубрикой журнала «Вопросы литературы» – это экспертная оценка. Кстати, сегодня всё чаще приходится слышать – чего нам не хватает: почему рухнула реформа образования, почему рушатся те или иные реформы – нет объективной, независимой экспертной оценки. Вот журнал – это экспертная оценка того, что в нём печатается, того, как работают редакторы, того, что делается в отделе критиков в каждом журнале. Экспертная оценка – это настолько горячая на сегодня вещь, что год назад мы завели рубрику. Это отдельная история отношений журнала «Вопросы литературы» с интернетом, с интернет-версией. Мы одни из первых закрыли для свободного доступа весь журнал, ибо это я полагаю, нравственно неправильно позволять пользоваться плодами труда – они обесцениваются. Данное бесплатно обесценивается. Но мы открыли рубрики на нашем сайте, которые теперь разнообразнее, такие как «Экспертная оценка». Очень рекомендую зайти посмотреть. Первым предметом экспертной оценки стал шумный, рекламный учебник «Поэзия», выпущенный группой поэтов и поддержанный грифом Института языкознания. Вот там оценка с выводом «Не рекомендовано». Сейчас мы будем делать экспертную оценку книги Дмитрия Быкова «Советская литература», а потом что-то более спокойное, более профессиональное, но, тем не менее, подходящее под эту рубрику.

**Публикация подготовлена
П. Лимеровым**

Проза. Поэзия

Сергей Торлопов

Торлопов Сергей Егорович родился в 1957 году в Сыктывкаре. Окончил филологический и экономический (заочно) факультеты СГУ.

Член Союза журналистов России. Работает в ГТРК "Коми гор" руководителем информационного вещания радио. Известны его радиоочерки о природе Коми земли "Граница чистой воды" (путешествие по р. Шугор), "Диалог с потомком" (о проблемах бассейна р. Вымь). Автор фильмов о людях, населяющих верхнюю и нижнюю Печору ("На пути к истоку"; "Территория ветра"). Его фильм "Ильч как зеркало нашей эволюции" (оператор А. Ильин) стал лауреатом фестиваля телефильмов на экологическую тему в г. Элисте; фильм "Вымь, слеза чистая..." (оператор А. Ильин) стал лауреатом фестиваля "СЕЗАМ-2002" в Санкт-Петербурге в номинации "Лучшая авторская публицистическая работа".

Заслуженный работник Республики Коми. Женат, имеет двоих детей.

Хозяйка Выми

Северная быль

На Выми в начале августа бесследно исчез дайвер. Первыми тревогу забили его друзья – компания суперэкипированных богатеньких молодых людей, увлекающихся экстримом. Они прибыли на место отдыха к устью реки Коин чуть позже пропавшего, и никто не подумал плохого: на берегу, привязанная к близким деревьям, «отдыхала» его резиновая лодка «Badger370» с новеньким мотором «Honda», одежда была аккуратно сложена в ней, тут же лежала кобура от подводного ружья и мобильник. Было ясно, что парень спокойно облачился в костюм и нырнул поохотиться в прозрачные воды Выми, как он делал это в Адриатическом, Красном, Средиземном и других морях планеты.

Прибывшие сначала сделали то же: надели костюмы, ласты, маски, взяли ружья и нырнули. Минут через двадцать все вышли из воды, кроме одного. Ожидание на берегу, крики и бесчисленные ныряния ни к чему не привели, тогда было решено подключить к поискам приятеля

государственную машину.

Спасатели МЧС искали долго, но не нашли парня. Летели дни, и вдруг в отделе районной полиции раздался звонок. Звонил турист – одиночка, который, спускаясь по Выми на байдарке, видел у берега в воде тело человека в чёрном костюме дайвера. Турист сообщил координаты места, где он обнаружил жуткую находку – выше устья Кедвы.

Это почти в сотне километров вверх по реке.

В сотне?!

Выехала оперативная бригада – через Чиньяворык, затем по пыльной бокситовой дороге до моста, а там вниз по Выми на лодках. Тело погибшего было найдено именно там, где указал звонивший. Дайвер был без трубки и маски и с одной ластой. В руке несчастный держал разряженное подводное ружьё. Станным показалось то, что малиновый шнур – лить – был обмотан вокруг тела и вытянутой руки, сжимавшей рукоять ружья, словно

человека тащили за этот шнур. На наконецнике гарпуна остался шмоток белого рыбьего мяса.

Изучая местность, оперативники обнаружили неподалёку весёлую компанию подвыпивших парней и девушек, отдыхавших здесь уже несколько дней. Тут же стояли их лодки. Резкие возражения, едва не переросшие в бунт, не помогли: отдых пришлось прервать, компания была «этапирована» в Емву для дачи показаний в качестве подозреваемых.

Допросы ничего не понимавших молодых людей были в разгаре, когда в дверь следователя Кайданова постучали. В кабинет вошла женщина лет семидесяти, одетая в ветровку и брюки, очень стройная для своего возраста. Густые седые волосы аккуратно уложены в каре, как у Мирей Матье, взгляд живой и цепкий. Во всём её облике угадывалась красивая и энергичная в прошлом женщина.

– Я по делу вашего дайвера, – сказала она, глядя на Кайданова.

Но следователь не хотел общения, он только что получил «нагоняй».

– Да неужто? И, наверно, знаете, как дело было! Ай, расскажите! – Кайданов был раздражён и склонен к иронии, если не сказать – к грубости, потому что допросы ничего не давали, факты не склеивались, дело трещало по швам, грозя перейти в стопудовые «глухари», которых у него и так предостаточно.

– Отпустите детей, – произнесла женщина очень спокойным голосом, что, впрочем, Кайданова не успокоило.

– Каких детей? У нас детей никаких нет. Есть группа молодых неадекватов, и если вы имеете ввиду этих, так я вам скажу: расколом, расколом, будьте спокойны! Я вас не задерживаю, уважаемая... как вас?..

– Наталья Матвеевна.

– ...Наталья Матвеевна. До свидания.

– Отпустите детей, – повторила жен-

щина и вновь посмотрела на него взглядом, от которого исходила уверенность, какая бывает у владеющих знанием. – Не теряйте зря время. Они не виновны.

Странно, но Кайданов неожиданно почувствовал, что под этим взглядом падает с прежнего пьедестала иронии и злости. Понимая, что терпит поражение, он не без усилий заставил себя остыть и снова стать следователем, и, сменив тон, спросил:

– Так вы действительно знаете, кто это сделал?

– Знаю, иначе бы не пришла сюда.

– И кто?

– Никто из живущих на земле людей, – сказала женщина. – Никто.

I

Очень давно началась эта история...

Шла первая мировая война. Русский фронт растянулся от Немана на юг до самой Турции. На Кавказском театре царская армия в тот год успешно била германских союзников турок в Западной Армении. Зимой первый Кавказский корпус русского генерала Берхмана готовился к наступлению на Эрзерум. Его дивизии остановились на ночлег в вёрстах тридцати, разбили лагерь. Пехота Сарыкамышского отряда, названного так после геройского захвата турецкого плацдарма в местечке Сарыкамыш, расположилась у речки. Горная речушка звалась то ли Шурукшу, то ли Шоруксу – всё одно русскому не выговорить.

Винтовки стоят «шалашиком» у палаток, постная каша булькает в котелках, изредка слышится ржание мёрзнувших лошадей, и повсюду костры. Пехотинцы сидят молча, думы о завтрашнем дне не отпускают – как оно там сложится? Странная, невоенная тишина висит над горами, над речкой, над людьми...

И вдруг среди тишины раздался крик.

Пронзительный и невероятный крик боли. А потом человек застонал, моля о помощи. Это где-то рядом, у реки. Несколько солдат вскочили и, схватив винтовки, побежали в ночь, откуда доносился стон, и через минуту из темноты к ближнему костру вынесли кричавшего, молодого светловолосого солдата. Вокруг стали собираться любопытные. Раненого положили возле огня, и мрачное удивление появилось в глазах людей. Всем показалось странным ранение: оно не было таким, к каким они привыкли на этой войне – в правое плечо были воткнуты вилы с необычайно длинным черенком из струганого дерева. «Откуда ж быть вилам-то здесь?» – пронеслось в солдатских головах.

Сбежали за батальонным лекарем. Он подошёл, сонный и недовольный человек, уставший от ран и смертей. Но, увидев причину переполоха, и он поменялся в лице, и живое сочувствие к необычному раненому наполнило его. Доктор принялся осторожно вытаскивать железо из плоти, успокаивая: «Терпи, драгун... И бог терпел, и нам велел...»

Пока он делал своё дело, раненый, сперва только стонавший, стал будто бы бредить:

«Нашла... она меня нашла... здесь...» – и дальше на непонятном языке.

– По-какому говорит-то, по-турецки што ль? – тихо спросил один из солдат.

– Сгинь ты, малоумный, – грубо осёк того другой. – Это ж свой, аль не видишь? Третьего взвода стрелок, Арсений.

– А не по-нашему лопочет-то, – заробев, оправдывался первый, видно, из новобранцев.

– И што? По Расее вона сколько языков намешано! А это наш, православный.

– А-а... – успокоился «новобранец». – Чудной такой язык-то.

– Про зырянскую губернию слышал? То-то ж! Он из зырян и есть, а язык у него,

стал быть, зырянский. К реке он пошёл водички черпнуть.

Когда «орудие» было вынуто из плеча, оно немедленно привлекло всеобщее повышенное внимание. Острия были толще и короче, чем у вил, и прямые, их было шесть, а на концах кованые зазубрины.

– Братцы, это ж острога, рыбу бить, вот те крест острога! – вскрикнул какой-то знающий солдат, оглядывая необычный предмет.

– Рыбаки, значь, тута промышляют, – сказал другой. – Шугнуть бы их надо-ть!

Но никто не решился идти к реке. Чем-то мистическим потянуло в холодном ночном воздухе, и выдавшие виды люди, пряча подкрававшийся страх, разошлись по своим.

Караул у спуска к реке всё же был поставлен.

Утром весь отряд знал о происшествии. Поход на Эрзерум откладывался, поэтому командир, поручик Стельнов, распорядился обыскать окрестные берега и найти покушавшихся на жизнь солдата Арсения. Поблизости никого не нашли. Тогда группа из десяти человек перешла речку вброд, с большим трудом взобралась на высокий скалистый берег и вскоре набрела на лачугу среди камней. В ней обнаружена была армянская семья, сбежавшая из Эрзерума от злобствующих турок, как сотни других таких же семей. Армяне слышаны были о скором пришествии русской армии и ждали её с надеждой. И вот она явилась в лице десятка злых уставших людей, жаждущих мести.

Командир группы рыжий ефрейтор Стеценко в сердцах хотел было сразу учинить самосуд, но Бог образумил его, велел сперва показать орудие покушения, которое несли с собой, и объяснить суть дела. Немолодой седой армянин, по всему видно глава семейства, хорошо понимал и говорил по-русски. Выслушав, он взял в руки острогу, осмотрел, выра-

зительно покачал головой и сказал, что не только в этих краях, но и по всей его стране Армении таких шуток никогда не выдвигали, потому что реки на Кавказе мелкие, а рыба стремительна, как стрела, посланная из лука. Речь старика была столь убедительна, а непричастность этих бедных людей так очевидна, что Стеценко решил немедленно прекратить поиски и вернуться в лагерь.

Через два дня Сарыкамышский отряд в авангарде Кавказского корпуса Берхмана ушёл штурмовать крепость Эрзерум, где русских солдат ожидала встреча с двумя почтенными дамами, имя которым Победа и Воинская Слава.

Не всем только суждено было на той встрече гулять...

Прощаясь с Арсением в походном лагере, сослуживцы велели ему скорей догонять отряд, чтобы вместе «воевать бусурмана за царя и отечество». Но другая судьба уже скулила под его окном: рана Арсения не заживала, сломанная кость ключицы долго не хотела срастаться, вдобавок правая рука стала сохнуть, как подпиленное дерево. Полгода провалялся он по госпиталям и, наконец, дали ему бумажку о полной непригодности к военной службе. И отправился списанный солдат через всю Россию домой, туда, где почти два года тому назад его обрили в рекруты царской армии, – в деревушку Отла на реке Вымь, в коми-зырянскую землю. На груди солдата сверкала начищенная до блеска медаль «За храбрость» первой степени, полученная за бесшабашный героизм в Сарыкамышской операции.

II

Вверх по Выми резово шла гружёная доверху лодка «вымка». Новенький движок «Москва-25» ровнёхонько рычал уже девять часов, когда рулевой решил причалить к берегу. Рулевой был местный,

вымский, Данила, тридцати семи лет, известный на всю Вымь рыбак и охотник. При весёлом природном нраве, он известен был жёсткими до матерной грубости выходками: если кто из заезжих был на реке вместе с ним, тот не имел права делать что-либо без его на то «добра». «Для вашего ж блага, – с ударением на последней «а» говаривал он, смягчаясь после крутой выволочки. – Потом спасибо скажете».

Случалось, товарищи обижались до смерти. Иной с досады в глубь леса пойдёт, пиная сыроежки. А через десяток минут сучья затрещали, как под медведем-шатуном: это обиженный топает назад, вымученно улыбается и извинения просит. Отходили быстро, понимая, – характер, и ничего тут не поделать.

Вместе с рулевым на берег вышли двое. Старший, Андрей Никодимович Хромов, крепкий пятидесятилетний мужчина, был большим начальником. Это видно было по экипировке и постоянной выбритости, а также по манере говорить законченными фразами. При этом он умудрялся приправить всё анекдотцем, которых знал множество. Хромов был из тех немногих счастливых, кого не коснулись напрямую ни репрессии, ни война, ни потом кадровые лавины и лавинки. Ведь бывает же: пронесётся бешеный ураган над городом, большие каменные строения сровняет с землёй, а посреди руин целёхонький стоит неприметный домик. Вот так и с Хромовым.

Поэтому сейчас, в шестидесятых, Андрей Никодимович находился на пике жизненной комфортности в общественном и материальном её понимании. Он прилично пошлялся по миру за свой и казённый счёт, а на Выми не был и давно мечтал съездить порыбачить. Но больше хотелось ему увидеться с неким таинственным стариком, о котором в городе ходили легенды. Говаривали, что дед жи-

вёт один в избушке в верховьях Выми и может заговаривать рыбу и зверя.

Когда Никодимыч обсуждал план поездки с проводником, то спросил про старика, на что Данила ответил, хитро так ухмыльнувшись: «Будет, будет вам старик».

Второго, помладше, звали Марик, то есть Марат – тридцатипятилетний молодой человек интеллигентного вида с губами, пухлыми, как у ребёнка. Среди друзей имел он прозвище «Ковпак», потому что не болтал лишнего. Работал Марик в ведомстве Никодимыча, был прожжённым путешественником и, как знаток флоры и фауны, помогал начальнику в самых трудных поездках, которые сам же и организовывал. Сойдя на берег, он тут же принялся готовить «перекусон» – обычное своё дело.

Место, где причалила лодка, называлось Сеноель. Берег был высоким, а песчаный склон его неестественно ровным, как бы укатанным, и повсюду пробивался молодой соснячок.

– Катище, – сказал Данила, упреждая вопрос внимательно разглядывавшего берег Хромова, – Устьвымлаг хозяйничал. Сверху скатывали брёвна в реку, и моль шёл по течению. Внизу лес поднимали, грузили и отправляли на стройки народного хозяйства. По Выми много катищ, все политические.

«Сейчас про культ личности зайдёт...» – подумал про себя Андрей Никодимыч, отмечая проклёвывающееся лёгкое раздражение. Ему не нравилось всё нынешнее: «вольница» в умах, фразёрство этих «детей двадцатого съезда» и «долбаная оттепель», как он называл. Не нравилось, только никто не догадывался об этом, даже любимая жена Тамара. Хромов твёрдо решил тему не ворошить, чтобы не портить отдых. Но беспокоился он зря: Данилу эта тема тоже «грела» мало. Он причалил сюда, чтобы совсем про другое

рассказать попутчикам. И, пока чаёвничали, поведал им быль:

«Начальником этого лагпункта Сеноель в сороковых был полковник Ерофеев Герман Антонович. Мужик тяжёлый: два плана по заготовкам вынь да положь. Зэки и давали, только при этом сотнями мёрли. Так вот, у Ерофеева была одна слабость – малосольная сёмужка. Местные вольнонаёмные его иногда снабжали, но однажды осенью решил он устроить себе праздник души: лично поострожить красненькую. Родом он был с Сибири и в молодости, как оказалось, этим делом – лучением рыбы то есть – баловался всерьёз. Решено – сделано. Заготовили сухих дров для факела, снасть тяжёлую, выкованную специально для лель-чери*, к ней струганую сухую жердину метра три длиной, и с двумя «спецами» из местных, одного из которых звали Игнатий, поднялись на старом лагерном баркасе выше устья Ворыквы.

Как стемнело, закрепили на носу лодки «козу» – это такая сплетённая из железных прутьев корзина, в которой горят дрова, – запалили факел и вниз. Ерофеев впереди с острой, помощники сзади подгребают, чтобы посудина плыла как надо: баркас-то громадный, неповоротливый, одному не развернуть.

Рыбалка была, скажу я вам, редкая. Сёмга выстреливала из глубины и подплывала к огню, замороженная непонятно откуда взявшимся светом. Ерофеев сперва мазал и громко при этом матерился, мазал и матерился. Но приноровился и наколол первую. Потом ещё. Через пару часов в лодке лежали уже пять крупных рыбин. Адреналин бил через край, лишал разума.

В какой-то миг полковник замер, вглядываясь в воду у лодки.

«Мать честная... – произнёс он не своим каким-то голосом, невольно подготавливая в руках острогу для удара. – Вот

так чудище! Ну, плыви, плыви ко мне, рыбонька...»

И он, не раздумывая, вонзил железо. Хотел приподнять – безуспешно. Ещё попытка – та же история. Рыба даже не шелохнулась. Она медленно стала уходить в сторону, увлекая острогу. Полковник изо всех сил пытался удержать шест в руках, но не смог, и тот поплыл влед за рыбой, постепенно погружаясь, как перископ подводной лодки, пока совсем не исчез под водой.

Долго полковник Ерофеев отходил от только что пережитого, бормоча проклятья вперемежку с матом. Игнатий, продолжая грести на корме, спросил:

– Что там было-то, Герман Антоныч?

– Крокодил настоящий! Глаза аж светятся! Таковую отпустил, мать твою!..

– Ты, Антоныч, гляди в оба, с острогой в хребте-то она далеко не уйдёт. Шест всплывёт, мы её и возьмём.

Прошёл час, но шест не всплыл. Другой остроги не было, значит славная охота закончилась. Тёмная беззвёздная ночь стояла вокруг. Факел продолжал гореть в носу лодки, и плыть бы им к берегу скорей, но они этого не сделали, а зря...

Баркас тихо сплавлялся по течению. Сидящий на корме с гребным веслом Игнатий подправлял его ход, чтобы шёл по фарватеру. Второй помощник для свету подбрасывал дрова в факел. Командир задремал. Начался поворот реки, там глубокий омут и течения почти нет...

...Сначала был один удар – снизу, по днищу баркаса. Люди насторожились, пытаясь сообразить... Прошло полминуты – второй удар, потом третий. В нескольких местах днище пробило, и в лодку многочисленными фонтанчиками хлынула вода. А по дну всё били, пробоин становилось больше и фонтанчиков тоже. Паника, переполох, мат, крики... Через три минуты баркас был на дне Выми.

Когда начальник лагеря полковник

Ерофеев не вышел на работу, Сеноель подняли, как по военной тревоге. Отправили вверх по реке на поиски плавучую моторную технику с автоматчиками и через какое-то время на берегу увидели Игнатия, который единственный и спасся. Позднее на допросах он рассказал как: потому что не стал медлить после первых пробоин, а сразу бросился в ледяную воду и погреб что есть мочи. Доплыв, рванул, как сумасшедший, в глубь тайги, спотыкаясь и падая, бормоча и оглядываясь, хотя никто не гнался за ним. Потом опомнился и пошёл по лесу вниз по течению, как зверь, опасаясь приближаться к реке. Постоянно двигался, чтобы не околеть в мокрой одежде. Через сутки, услышав тарахтение дизелей на реке, осмелел и вышел на берег, где его подобрали и повезли показывать место происшествия.

Военизированная поисковая бригада подрулила к злополучному омуту. Игнатий знал это место, как знал всю реку, на которой вырос и которую любил. Но сейчас его бил озноб, но не от холода – от страха. Только присутствие солдат с автоматами успокаивало.

В чистых водах Выми на глубине до пяти метров видать каждый камень, поэтому затопленный баркас увидели сразу. Он лежал на дне слегка на боку, утонувших людей рядом не было. Их стали искать по течению ниже – дно реки везде хорошо просматривалось – но безуспешно. Не было никаких следов и по берегам. После долгих напрасных поисков решили доставать баркас. День тяжких трудов – и посудину подтащили к мелкому берегу. То, что увидели очевидцы, их, мягко говоря, озадачило: все пробоины были сделаны... острогой, которая осталась воткнутой в днище, только шест был сломан. И это была та самая острога, понимаете, та самая!..»

– Вот так-так, – произнёс впечатлён-

ный рассказом Марик. – Кого же это заострожил полковник Ерофеев? Подводный немецкий десант что ли?

– Была и такая версия, да вся вышла, – продолжил Данила. – Поскольку никаких фактов, подтверждающих наличие вражеских диверсантов, обнаружено не было, то всю вину повесили на Игнатия и дали ему червонец за убийство крупного советского работника.

– А откуда тебе, мой друг, известны все подробности? Игнатий же не мог тебе их рассказать, – спросил Андрей Никодимович, который не очень-то поверил в правдивость истории.

– Правильно, мне не мог – он отцу моему рассказал. Отец как узнал про этот случай, засобирился и уехал. Игнатия он отыскал в Княжпогостской кутузке, где тот дожидался этапа. Ему даже разрешили встречу с арестантом, как герою первой мировой. Тогда он ему и рассказал, а отец уж мне.

III

Гружёная «вымка» с тремя путешественниками, преодолев долгий путь и перекаты без потерь, не считая десятка шпонок, приближалась к конечной точке маршрута. Данила повернул к берегу на быстром плёсе недалеко от устья реки Ворыквы. У берега, где они причалили, покачивалась на волнах точно такая, как у Данилы, деревянная плоскодонная лодка «вымка», только пустая. По крутому берегу вверх вела лестница, аккуратно выкопанная, ступеньки которой выложены были из плоских камней. Когда все сошли на твёрдый берег, Данила сказал:

– Вот это оно и есть – историческое место. Здесь обитает ваш знаменитый старик. Только просьба: про то, что я рассказал, не трепаться – не любит...

Трое поднялись на берег, прихватив с собой съестное. Тропинка шла дальше между сосен, и вскоре появилась лесная

изба, добротная, хотя и потрёпанная ветрами времени. За ней виднелись ещё постройки: банька, дровяник, сарайчик.

Хозяин стоял возле избы в короткой овчиной душегрейке и в валенках с калошами, несмотря на тёплый ещё сентябрь. Был он седой, но без былинной бороды и усов, как представлялось Хромову. Гостей старик ждал: в руке его была ложка, тут же на костре дымился чайник, рядом с чайником бурлил котёл.

Старику недавно исполнилось семьдесят лет.

– Знакомьтесь, всемирно известный затворник Арсений Афанасич Лапин, – весело сказал Данила. – Мой отец. Батя, здорово!

Данила протянул отцу правую руку для рукопожатия, а тот, положив ложку на столик у кострища, протянул ему левую. Правая рука в шерстяной перчатке была неподвижна. Так же левой поздоровался с остальными. Старик заметил их некоторое при этом замешательство и сказал:

– Не заводится моя правая. Такая, вот, масленица...

Дальше начиналось волнующее незабываемое действо, которое называется «подготовка ужина у лесной избышки на таёжной реке». В котле «дошёл» глухарь, которого дед добыл вчера, проверяя глухаринные ловушки – «пурхалки». Данила принёс мучительно вкусно пахнущий пакет, переданный матерью. Альбина Тимофеевна, не имея возможности напрямую выразить свою нежность мужу Арсению (он с мая по октябрь жил на реке), компенсировала это выпечкой. Она выводила у односельчан, кто в ближайшее время собирается плыть вверх по Выми, и, получив информацию, тщательно готовилась. Когда подходило время, принималась печь, чтобы шаньги были горячими к моменту отплытия. Альбина Тимофеевна подсовывала мужикам пакет «для Арсюши», и другой для самих доставщиков.

Когда Данила вывалил содержимое пакета на стол, от вида и запаха пирогов да шанег у Марика свело скулы, а Андрей Никодимыч крякнул и проглотил слюну. Гости в свою очередь достали из рюкзака невиданную в здешних краях сырокочёную колбасу и прочие городские вкусности, а с ними и бутылочку «Московской», так что ужин грозил получиться знатным.

– А это от племяшки Наташки, – Данила развернул свёрток и передал отцу серую вязаную безрукавку с большим воротником. – Сама вязала для любимого деда, из шерсти редчайшей гуцульской овцы.

– Чего ж не привёз её? – старик взял вещь, было видно, что он растроган. – Хотела ведь захватить, два года не видались.

– Не смогла, батя. Она теперь – молодой специалист-гидробиолог, отбыла по направлению к месту работы.

– И куда ж?

– На Волгу-матушку, Рыбинское водохранилище.

– Пропала Наташка...

– Да почему пропала-то? Три года отработает и домой.

– Ты что думаешь, рыбинские парни дураки что ль? Думаешь, они её отпустят, такую звёздочку? Замуж заберут.

– Значит, судьба ей такая.

– Судьба – баба ряба... Я Наташку хотел хозяйкой видеть здесь, вот судьба, – сказал явно огорчённо старик и пошёл доставать с огня глухаря.

Ужин у лесной избушки подходил к концу, когда Андрей Никодимыч спросил у старика совета, как им завтра лучше порыбачить и на что. «Покажи снасть», – коротко сказал тот. Марик сбегал к лодке и притащил баул, в котором что-то позвякивало, развязал и стал доставать катушки, коробки с блеснами, мотовила с лесками и прочую такую дребедень, ко-

торой полно в каждом рыбацком рюкзаке. Старик осмотрел весь предъявленный арсенал, выбрал две блесны и сказал: «Это хариус возьмёт».

«Ещё «мухи» есть самодельные... да где ж завалились...» – Марик рылся в бауле, пытаясь найти, чтобы показать старику. Но коробка с мушками не попадалась, зато на траву упало что-то тяжёлое, завёрнутое в матерю. Старик поднял: это была новенькая свежевывоканная острога. Поймав взгляд деда, как-то сразу поменявшийся, Марик замялся:

– Взят... на всякий пожарный... вдруг удастся поострожить... Запретите или как, Арсений Афанасич?

– Рыбинспектор я што ль тебе, запрещать, – буркнул дед. Он смотрел на острогу и было видно, что хочет Арсений Афанасьевич вымолвить что-то важное, но выбирает – как, и поймут ли его правильно. И он сказал:

– Запрещать не моя работа. Я от себя скажу совет: спрячь это подальше! Хозяйка теперь сердает.

– Хозяйка? – спросил Марик. – Какая хозяйка?

Старик не ответил.

IV

Долго добирался списанный солдат русской армии Арсений до родных мест. Путь через всю разбитую войной империю был тяжёлым: вокруг нищета, злость и уныние. Лишь когда переступил порог родительского дома в Отле – лишь тогда пришёл покой: и мать с отцом и младшие брат и сёстры – все, слава богу, живы-здоровы. Родня и земляки встретили его как героя, соответственно этому было выпито сура* и съедено солёного сига с хариусом. Медаль «За храбрость» единодушно была признана односельчанами высочайшим орденом.

Отдохнув с недельку, Арсений устроился в лодочную артель, где делали

«вымки», большие и малые. Взяли его учётчиком материалов, но он нёс везде пользу, был охоч до любой работы, если только её можно делать одной рукой. Лишь было у него условие – подальше от воды. Все заметили, что Арсений стережётся приближаться к реке. Это странное поведение объясняли, конечно, войной – мало ли что там могло случиться? Вопросы поэтому не задавали, но всё ж в деревне само собой родилось и утвердилось беззлобное, с лёгкой иронией прозвище – Арсений «храбрый». Также и про правую руку не спрашивали: война на то и война, чтоб людей калечить. А если кто приезжий по делам артели интересовался, чтоб поддержать беседу, для вида сочувствия, мол, как так получилось и всё такое, Арсений отшучивался:

– С царь-батюшкой я махнулся «на интерес»: медалька уж больно приглянулась.

Но один человек понял всё – это был отец Арсения.

Как-то утром, когда отставной солдат умылся, отец увидел его оголённое плечо с затянувшимися рубцами. Афанасий Матвеевич подошёл к сыну, помял плечо руками, словно изучая, и посмотрел взглядом, в котором содержалось нечто, понятное только им двоим. Арсений кивнул, отвечая на незаданный вопрос. Тогда отец спросил:

– Где было?

Арсений рассказал про Шоруксу.

Отец не удивился, как будто был внутренне готов услышать про то, что произошло, словно знал, что так именно и должно было случиться. Тогда он сказал:

– Надо будет поехать задобрить ЕЁ, а то не отпустит.

Настал день, когда Афанасий Матвеевич Лапин велел сыну Арсению собираться плыть вверх по реке, чтобы получить ЕЁ прощение. Путь предстоял нелёгкий:

надо было подниматься против течения на шестах не один десяток километров до ТОГО места. Поскольку однорукий Арсений на шесте был не очень работник, отец взял с собой и младшего сына, шестнадцатилетнего Ивана, который был телом покрупней старшего и уже несколько лет помогал на реке и в тайге. Арсению стоило нервного труда подойти к воде, чтобы влезть в лодку. Сердце колотилось, как бывало на войне – вот ведь напасть!..

«А то как младшой Ванька узнает об его «речной» болезни? – думал он. – И кого болезни? Его – Арсения Лапина, героя Сарыкамыша, получившего из рук самого Георгия Эдуардовича Берхмана медаль «За храбрость»! Не-ет! Этому не быть! Э-эх, масленица!..»

И он запрыгнул в гружёную уже лодку так решительно, что сбил приготовленный котелок с сложенными внутри мисками, и тот свалился за борт. Доставать уплывающую посуду из воды пришлось Ивану.

Трое суток поднимались Лапины на лодке вверх по Выми. Шестами работали только днём, как смеркалось – уходили в лес на ночлег. Наконец, к полудню четвёртого дня Афанасий Матвеевич повернул на берег.

– Здесь, – сказал он и обратился к Арсению. – Место помнишь не-е?

Тот не помнил, поэтому покачал головой.

– Отсюда мы тогда начали, отсюда и сейчас пойдём, как стемнеет.

– Батя, скажи ты мне, – заговорил Арсений, которого этот вопрос мучал с самого начала похода. – Зачем было нам сюда жилы рвать, когда ОНА везде сама может быть? Когда ОНА даже там смогла быть?

– Она везде может быть – да! – Афанасий Матвеевич ждал такого вопроса, поэтому ответить хотел попонятней, чтобы и младшему сыну досталось знания. – Она

езде и есть. Для таких других, чтоб покарать. Но в другом месте она не появится, чтоб отпустить...

До вечера Лапины нарубили сухих дров для факела, приготовили снасть. Отец научил Арсения, что надо делать, когда ОНА явится. Но первой ночью ничего не произошло. Пришлось снова подниматься на шестах до того же места и ждать новой ночи. Арсений, смертельно уставший от долгого напряжения, спросил отца:

– Может, и не будет ничего, зря всё?

– Она уже знает, что ты здесь, – ответил отец.

День прошёл в привычных на реке полезных хлопотах. Выспавшись, наловили хариуса для ухи и «про запас»; Иван, побродив по лесу, принёс пяток рябчиков. Поужинали. Когда опустилась густая тень, оттолкнули лодку от берега.

Арсений полусогнувшись стоял впереди возле ярко горящего в железной корзине огня и вглядывался в воду впереди лодки. Иван сидел ближе к корме и наблюдал за братом: ему всё происходящее казалось полуреальным, полусказочным, хотя в важности дела он не сомневался – «значит так надо, раз отец велел». Афанасий Матвеевич правил ходом лодки, ловко управляясь однолопастным веслом. Вдоль борта лежала большая острога.

Было около полуночи, когда Арсений, вдруг выпрямившись в полный рост, и, словно выдохнув всё напряжение, произнёс: «Я её вижу. Она плывёт сюда».

– Острогу возьми, – сказал взволнованный отец. – Покажи ей, ну!

Арсений взял тяжёлую снасть здоровой своей рукой, поднял высоко над головой и бросил в воду плашмя, зубьями в сторону верховьев, как учил отец. Через пару мгновений, как острога опустилась на песок, огромная рыба проплыла над ней возле самой лодки...

– Теперь в воду, – почти скомандовал

отец.

– Но она уплыла, – попытался вмешаться потрясённый Иван.

– Молчи. Сейчас вернётся. В воду, говорю, быстрее!

Арсений знал и был готов. Он сбросил бушлат, оставшись в нательном, снял сапоги с помощью брата и суконные охотничьи штаны. И тогда увидел, что рыба снова медленно подплывает к носу лодки снизу. «Пресвятая Богородица, не покинь мя...» – било в его мозгу, когда он спрыгнул и оказался по грудь в холодной осенней воде, держась левой рукой за борт лодки.

– Держись крепче, – уже почти командовал отец. – На неё гляди, не бойся её теперь.

Два светящихся глаза рыбы приблизились к лодке, и Арсений увидел её огромную голову и шевелящиеся передние плавники. На миг рыба как будто остановила ход. Огромная пасть её приоткрывалась и закрывалась, жабры при этом раздвигались. Рыба прошла близко-близко, так что он почувствовал, как по ногам скользнуло массивное холодное её тело. «Пресвятая Богородица, не покинь мя...» – повторял он про себя.

– Слова читай, – закричал отец. – Забыл или што?

Арсений от страха и впрямь чуть было не забыл. Это были слова на родном ему коми языке, похожие на молитву раскаяния, только кающийся обращался не к богу, а к Хозяйке реки. Небольшой текст выучен был накрепко, поэтому не составило труда его мгновенно вспомнить и начать говорить полушёпотом, как велел отец.

Тем временем рыба делала новый круг. И отец и оторопевший Иван видели, как две светящиеся точки появились выше по течению, это означало, что рыба развернулась. Потом она стала двигаться вниз, пройдя в метрах десяти от лодки.

Огоньки исчезли в темноте, но через минуту зажглись вновь ниже по течению – значит, рыба опять развернулась. Глаза её стали приближаться, и когда рыба подплыла к лодке под свет факела, все увидели её. Теперь она шла у самой поверхности воды и, проплывая мимо бледного от страха и онемевшего Арсения, сыграла огромным хвостом, так что волна с брызгами залила дно лодки. На этот раз тело рыбы скользнуло, коснувшись бесчувственной правой его руки.

И рыба уплыла...

На мгновения в лодку опустилась жутковатая липкая тишина: все подумали об одном – ждать ли её опять? Слово очнувшись, первым заговорил отец:

– Пособи брату, што рот разявил, – прикрикнул он на младшего, совсем потерявшего дар речи. – Да сухое, сухое дай ему скорей!

Иван мигом помог окоченевшему Арсению влезть в лодку, развязал для него узелок с сухим бельём и одеждой, приготовленной для этого случая. Переодеваясь с помощью брата, Арсений, которого бил озноб, посматривал на реку, то и дело пристально вглядываясь. Страх ещё не оставил его. И отец заметил и сказал:

– Это уж не надо – не придёт. Она тебя отпустила.

После их возвращения в деревню все заметили, что Арсений изменился. Страх реки исчез, поэтому жизненное пространство, где мог он себя проявлять, расширилось. В лодочной артели он стал ещё более полезен, до всего ему было дело, и всё он делал правильно. Поэтому за год вырос до начальства: стал давать «добро» на выпуск готовой продукции. Теперь без него ни одна лодка не могла коснуться воды. К нему уже обращались уважительно – Арсений Афанасич, несмотря на молодость.

Но одного изменения, которое произошло, не могли заметить чужие люди. За

Арсением, как верная лайка за хорошим хозяином, невидимо и неслышно увязалась Удача. Отец, Афанасий Матвеевич, первым обнаружил связь между успешной охотой и присутствием на ней Арсения. На путике куньи ловушки были с кунницей почти всегда, силки на рябчика тоже; поставленные на лося громадные петли работали безотказно. И на реке: когда брал он с собой на рыбалку старшего, в сетях был и крупный сиг и хариус, а если шли сырпом* – сёмга словно их ждала, чтобы скорее ткнуться в сетной «кошелёк», только не ошибись вовремя поднять шесты и вытряхнуть её в лодку. Когда же по разным причинам Арсений оставался дома, они с Иваном нередко возвращались с верховьев до обидного налегке.

Афанасий Матвеевич понимал, что это неспроста, что ОНА стала благосклонна к его старшему сыну, и однажды, после раздумий, дал Арсению старую, исписанную от руки печатными буквами тетрадь. Показал место пальцем и сказал: «Это читай обязательно, как на реке будешь, и Ивану накажи. Всегда читай. Это надо!»

Арсений уже знал, что всё велено отцом имеет важное для него значение, поэтому подлежит обязательному исполнению. Как и тогда, он усердно выучил текст, смысл которого в переводе с коми языка был примерно таким:

«Хозяйка Реки, Царица Воды! Дай зачерпнуть из твоего колодца, чтобы напиться. Дай поймать твою рыбу, чтобы утолить голод, и добыть твою дичь, чтобы накормить семью. Не надо мне из твоих запасов, что будет лишнее, только то, что нужно для пропитания моего семейства и меня самого. А если алчность одолеет меня – приплыви и покарай меня, Хозяйка Реки, Царица Воды!»

Он выучил эти слова и не забывал уж никогда.

V

Арсений Лапин поначальствовал немало. На Выми пришла власть Советов, хозяина артели увели как-то ночью и больше его не видели. Артель умерла. Арсений стал счетоводом в нарождающемся колхозе, выучился писать левой рукой. Женился на покладистой работающей девушке Альбине из соседней деревни Онежье, и за десять лет родилось у них четверо детей: Матвей, потом девочки Сашенька и Оля, и младший Данилка.

Летели годы. Семья была крепкая, но война разломала: старший Матвей погиб под Белгородом. Слава богу, осталась от него малюсенькая дочка Наташка, которую Арсений будет больше других внуков любить всю жизнь.

Похоронив незадолго перед войной отца, Арсений с младшим братом Иваном живо взялись укреплять родительское дело: инвентаризовали путики, починили охотничьи избушки по Выми и Ворыкве, которых у Афанасия Матвеевича было пять, подлатали старые сети и другую снасть да засмолили пару новых «вымок». Хозяйство у них было разное, но в тайгу и на реку братья всегда отправлялись вдвоём. Иван делал самую тяжкую работу, «шток старшему брательнику полегше было с одной-то пешней», а тот работал всё остальное, чтоб и младшему было время отдохнуть. Видя такую редкую братовскую дружбу, многие завидовали, да немногие знали, что это та давняя поездка с отцом чудным образом сблизила их.

Но не долго братьям привелось ходить по вымской тайге вдвоём. Сорокалетнего Ивана призвали на войну, а осенью сорок третьего он вернулся на костылях, в нескольких местах продырявленный и с медалью «За отвагу». По этому поводу деревенские пошучивали: «Старший брат, вишь ты, храбрый, а младший – отважный, а кто ж главней-то будет?»

Лишь два года ещё трудно пожил Иван

Афанасьевич на этом свете и ушёл в самый канун Покрова.

Арсений остался один.

Теперь вся надежда была на подрастающего Данилу, который по году рождения на войну не попадал, а дальше и не страшно – пусть забирают. Но в армию Данилин год призвали только в пятьдесят первом. За пять лет, что ждали посылку в военкомат, отец успел передать сыну всё, чему научил его покойный отец Афанасий Матвеевич. Секреты, повадки, хитрости и тонкости Данила усваивал лихо, потому как был парнем пытливым и резвым, хотя, порой и «психоватым», как говаривал Арсений Афанасьевич, когда упёртый Данила, не осилив убедить отца в своём, вдруг замолчал и прекращал всякое словесное общение с кем бы то ни было. Хорошо, что ненадолго.

Когда Данила демобилизовался, отслужив три года в артиллерии, Арсений Афанасьевич как раз стал пенсионером. Его слёзно просили остаться на работе в колхозной бухгалтерии, но тот – ни в какую.

«Хватит мне счётными костяшками стучать. Об своих пора думать», – сказал он, сдал дела и тёплым июньским деньком отправился с сыном вверх по Выми, чтобы строить избу в месте, которое давно присмотрел: возле устья реки Ворыквы. Трудились день и ночь, и к концу сентября лесной домик был почти готов. На следующее лето сложили в доме печь, поставили баньку. Так и стал Арсений Афанасьевич жить отшельником, на зиму лишь перебираясь в Отлу, где, скучая, смиренно ждала его жена Альбина Тимофеевна и внуки.

Шли годы. Место, где обитал Арсений, стало знаковым ориентиром для всех путешественников по Выми рыбаков, охотников и туристов. Чтобы было понятно, где происходило то, о чём хотел поведать один собеседник другому, пользовались

обозначениями: «выше Старика», «не доезжая до Старика» или «у Старика».

Вот, и на этот раз встретились две лодки в местечке Божьюдор. Одна идёт по реке вверх, другая вниз. Мужики поприветствовали друг друга, и – жестом, мол, давай к берегу поговорить. Причалили. С утра на реке покрывал дождик, поэтому все, словно инкубаторские, были в светлозелёных прорезиненных плащах армейского образца. Тот, кто плывёт вверх, по фамилии Троянов, спросил:

– Утка есть нетверху?

– Мало, да пуганая, – ответил тот, кто плывёт вниз, его все звали Митрич. – В одном месте взял с десяток – выше Старика в километрах пяти.

– Ниже Старика, говорят, оленей видали, к самой речке вышли шесть штук. Врут или как? – спросил Троянов.

– Не врут. Это ж мы с Сеней видали красавчиков, шесть штук, да! Вот так телеграф у нас на Выми, а Семён? Уж все в курсе! – и Митрич весело посмотрел на того, кто сидел в его лодке.

Мужчине на вид было лет сорок пять. На голове его была шапка-ушанка, уши которой были подняты, но не подвязаны. Одно ухо свисало вниз прямо, а второе с изгибом вверх, отчего он был похож на добродушного потрёпанного зайца. Мужчина кивнул и стал как-то усиленно прислушиваться к разговору.

– Ну, и?.. – наседал Троянов на Митрича.

– Что «ну, и»?

– Сколько взяли? Из шести? – Троянов многозначительно подмигнул.

– Огорчу тебя, товарищ Троянов: мы запретного зверя не бьём, законы чтим. И тебе советуем.

– А что Старик, как? Видел его? – спросил Троянов, спешно уходя от темы, завершившейся для него неудачей.

– Видал. Старик молодцом! Харьюзами нас потчевал. Удивляюсь на него: по

всей реке тишина, будто вымер хариус, а у него, у однорукого – свежак. И все – о! Молодцом!

– Я слышал, что Старик... как бы это сказать, заговорённый, что ли... Бабы-богомолки болтают, будто в молодости он с нечистью якшался и руку свою ей отдал, чтобы всегда хорошая рыбалка была. Слышал нет?

– Брешут. Баб слушать – тыква треснет. Старик трудовой. Хотя загогулина в нём есть. Я заметил: прежде чем закинуть снасть, он бормочет, будто бы как молитву читает, только что не крестится. И ведь прёт ему рыба.

– Слова бы переписать... – сказал вроде бы шутя Троянов и вдруг неожиданно для всех обратился к Семёну, напарнику Митрича:

– Перепишешь, а, Семёнчик?

Троянов не мог не знать, что тот не уловил сути разговора, так как не слышал. Об этом знали все. И это неприятно задело Митрича. Семён же, увидя к себе внимание, мотнул головой, мол, да, я понимаю.

Всегдашнего напарника Митрича, Семёна, все называли Сеня-глухарь. Такое прозвище он получил недавно, когда после страшного гриппа от осложнения стал терять слух. Процесс шёл стремительно, через год общаться с ним можно было только находясь очень близко. Но Семён был опытен и трудолюбив в поездках, поэтому Митрич по старой памяти всегда брал его с собой, как будто не случилось с тем такого несчастья. Сам Семён очень переживал свалившуюся на него ущербность, но всячески старался сделать так, чтобы никто этого не заметил: или уходил в сторону от говоривших, найдя какое-либо занятие, или кивал, если ему казалось, что к нему обращаются, делая тем самым вид понимания.

Сейчас Семён сидел в лодке с незадачливым видом и, несмотря на усилия, из-за

ветерка на реке решительно не слышал ничего из того, о чём говорят Митрич с Трояновым. Но Троянов явно хотел подшутить, что было в его характере, и продолжил к нему обращаться:

– Ну, так как, Сеня, насчёт переписать заговор у Старика?

Сеня понял, что дело плохо – придётся что-то отвечать. Смятение изобразилось на его добродушном лице. Он опять кивнул, думая, что, может, теперь от него отстанут. Но Троянов продолжал с ухмылкой в уголках губ глядеть на него, подчёркнуто ожидая ответа. И тогда Семён, сделав подходящее, как ему казалось, выражение, покачав даже головой для значительности, произнёс:

– Да... вот она, жизнь-то...

Троянов громко рассмеялся, потом, будто сразу забыв разговор, стал собираться со своим напарником, которого он звал Веня, плыть дальше вверх по реке.

«Чтоб тебя приплюснуло...» – подумал про него Митрич, а вслух сухо сказал:

– У Старика гости. Сын приехал с двумя городскими, кто такие, не знаю.

В тот момент Митрич не мог и предположить, что мысли иногда материализуются.

VI

Наутро Андрей Никодимович с Мариком и Данилой отправились поблеснить хариуса. Рыба брала неохотно и только на блесны, которые Арсений Афанасьевич вчера выбрал. Это казалось Хромову особенно странным, потому что у него-то блесны были же лучше! И подороже, и поизящней, и давно доказавшие на разных водоёмах свою уловистость – странно, странно... Тем не менее, к вечеру они втроём едва наловили на добрую уху. Старик Арсений, взглянув на улов, рыбаков похвалил, потому как «неделю почти хариус не жрёт, барином прикидывается».

На костре уже попевала уха (над ней колдовал Марик), когда с реки послышался гул лодочного мотора. Арсений Афанасьевич на несколько мгновений замер, вслушиваясь, как он всегда делал в таких случаях. За это время он успевал определить не только тип мотора и мощность, но и его хозяина, при условии, конечно, что тот уже бывал здесь со своей техникой.

Данила знал эту способность отца, похорошему завидовал и пытался делать то же, но достиг пока только первой ступени развития: определять марку двигателя, благо что на речных просторах страны в те годы их было немного. Он знал, что отец никогда не ошибался, поэтому его тянуло «попижонить» перед гостями:

– Слышите мотор снизу гудит? Даю на съедение рыбам лучшую блесну: сейчас на ваших глазах маг и волшебник Арсений Лапин определит по звуку, кто к нам едет.

– Ну, чего дуришь, – осадил незлобно Арсений сына. – Делом займись, баню иди затопи гостям.

– Вы действительно определили, Арсений Афанасьевич? – спросил Хромов.

– А чего ж не определить? Определил. Этот мотор я давно знаю.

– И кто ж это, батя? Калединов нет?

– Не-е... У Калединова ж на малых движок пукает, будто молока натрескался с чесноком.

– На Полещикова «Вихря» похож... вроде... – неуверенно сказал Данила, продолжая вслушиваться.

– Не он. Троянова мотор.

Тем временем звук с реки приблизился до максимальной громкости и стал постепенно отдаляться. Значит, лодка прошла мимо, что бывало редко. Обычно все, кто проезжал здесь – вниз или вверх – причаливали к берегу, чтобы поздороваться с вымским затворником, попить вместе чайку, поговорить, сидя у избушки.

Троянов сегодня не причалил, и это озадачило Арсения: все заметили беспокойство на его лице.

Трифон Трофимович Троянов (из-за такого сочетания его меж собой недобро называли «тритон») был почти из местных, работал в снабжении и отличался тем, что возил «на природу» только полезных ему людей: милицейских начальников и граждан «при должностях», прокуроров, партийных чинов разного уровня. А однажды умудрился привезти на Вымь даже московскую «шишку» – помощника завхоза банно-прачечного треста столицы, пьяницу и матерщинника, каких поискать. Поэтому от Троянова и тянуло всегда запахами личного успеха: путёвочки, повышение по службе, «Москвичок», квартирка, – в общем, как и должно быть при таких стараниях. С людьми же вообще он был ироничен и бесцеремонен, поскольку в душе презирал всех, кто ниже его на лесенке жизни.

– Экий булыжник пластилиновый, – произнёс как-то пару лет назад Арсений, когда Троянов отчалил от его берега с очередным «важняком».

– А это как так? – спросил рядом стоявший Данила.

– А так. Для выгоды он во что хошь вылепится: хошь в ковшок для воды, хошь в горшок для нужды. А кто помельче – кирпичом да по башке.

Недолюбливал Арсений Трифона Троянова и за жадность: у старика были подозрения, что рыбы и дичи тот добывал много больше, чем надо. Недолюбливал, но никогда не показывал этого, был дружелюбен, как со всеми. И то, что он сейчас проскочил мимо, не обидело. Это было другое: Арсений почувствовал беду...

Плохие мысли старика прервал Андрей Никодимыч.

– А что значит это слово? – спросил он, стоя возле двери избы и разгляды-

вая конструкцию, похожую на крест, над верхним косяком и вырезанные на ней буквы. Он даже погладил их рукой, словно изучая. Буквы потемнели, но видны были отчётливо: ИНЦИ.

– Не знаю я, что оно значит, – ответил старик.

– То есть, не Вы буквы резали?

– Как же не я, на моей избе... Я резал, да только что они значат – не знаю. Вырезал и всё.

Уха была готова. Марик стал орудовать черпаком, разливать ароматное варево по мискам. Все сели ужинать, конечно, с ней, с «Московской». Андрей Никодимыч, по обыкновению в таких случаях, рассказал пару модных нынче анекдотов про Хрущёва и кукурузу. Все развеселились. Отхлебнув несколько ложек ухи, помягчел и Арсений Афанасьевич.

– Ты про слово спросил, – обратился он неожиданно к Хромову, – слушай, расскажу...

«Вот так-так! – удивился про себя Данила: отец не отличался склонностью рассказывать про свою жизнь даже родным, чего уж говорить о малознакомых. Старее батя, засентиментализовывается...»

– С первой германской войны я, комиссованный, возвращался пешком, – рассказывал Арсений Афанасьевич. – От самых Армянских гор на своих двоих! В какой губернии не помню, у дороги стоит высоченный деревянный крест, а на нём это слово. И больше ничего не написано. Я посмотрел да пошёл дальше. Иду себе и чую, как эти букочки во мне будто зазвенели, тонко, как словно пчёлка на цветке. Домой уж я пришёл, а в голове букочки звенят. Мы люди верующие, да на Выми крестов с таким словом не видали. У кого спрошу – не знают. А тут как раз революция – и спрашивать не смей! Так и жил почти сорок лет. Чуял, что буквы эти в слово неспроста собраны: какая-то меж

ними натянутая струнка есть. Когда мы с Данилкой избу поставили, я над дверью их вырезал, а почему – и сам не знаю. То ли от озорства какого, то ли от упрямства, то ли просто так. Зато как вырезал – буквочки в голове звенеть перестали, вроде как я их на свободу выпустил. Такая, вот, масленица...

– А между прочим эти буквы избу хранят, – сказал Данила, которому не терпелось включиться в разговор. – Не верите? Сам бы не поверил, кабы своими глазами не видал.

Данила посмотрел на гостей. Ему всегда было важно знать: хотят ли его слушать дальше? Эти, кажется, хотели, и он стал продолжать:

– В той стороне (он показал рукой), если пойти вглубь, будет горельник. Это пожар шестидесятого года. В июле было дело. Мы уж спали тут в избе, когда громыхнуло. Молния в ёлку бабахнула, и пошло! Ветер огонь погнал сюда, а дождя нет. Лес трещит, дымища... Мы с отцом к реке бежать – и в лодку. Отдышались, мотор завели. Глядим – а всё меняется прямо в глазах, да так быстро, как не бывает: ветер сначала стих, потом закрутил и в обратку подул. И ливануло, как из бочки. Пожар остановился в полсотне метров от избы – не чудо ли, а?

– Это может быть стечение природных обстоятельств, – сказал Хромов, который был материалист и в чудеса не верил. Разговоры о божественном и потустороннем вызывали в нём иронию. Но это в обычных условиях города. Здесь, на природе, находясь в отличном расположении духа, он испытывал иные позывы: его тащило в философию. – Со мной случалось подобное, если вам интересно...

Не дождавшись, впрочем, подтверждения, интересно или нет, он продолжил:

– Люди часто естественные вещи пытаются объяснить вмешательством каких-то сил. К примеру, заболела корова –

сглазили соседи! Сгорел дом – это божья кара! А другой украл тыщу у государства и попался – бес попутал, что ж ещё! А на самом деле у плохого хозяина корова обьяелась белены; у другого плохого хозяина в доме замкнуло старую проводку; ну, а казнокрадство? Казнокрадство – это состояние души русского чиновника! И при чём тут, извините, демоны? Сейчас появились новые писаки: сочиняют гороскопы. Для чего? Чтобы людей окончательно запутать мистикой. Вместо того, чтобы преодолевать трудности, изменять мир, люди бегут к гадалкам и попам облегчать душу, а проблемы остаются нерешёнными. Всё можно объяснить законами природы и стечением обстоятельств. И ваш случай тоже.

Данила посмотрел на отца, словно запрашивая разрешения на дальнейшую дискуссию, но одобрения не получил и сказал:

– Стечение стечением, а изба стоит целёхонька.

– Так вот со мной случалось подобное, – продолжил Хромов, сочтя себя убедительным. – Мы с коллегами пошли за груздями, но забыли компас. Идём по лесу и радуемся, как дети: груздей хоть косой коси. Конечно, увлеклись. Наполнили все ёмкости, снимали даже плащи, сделав такие сумки-кошёлки. Собрались выходить. А куда? Утром было солнце, а теперь небо свинцовое и нет ориентиров никаких. Блуждали час, два, три, ближе к вечеру вымотались до не могу. Силы на исходе. Перспектива ночевать в лесу, сами понимаете, не радовала. Что делать? Решили пожертвовать добычей, чтобы спасти здоровье и жизнь – именно так уже стоял вопрос. Грибы покидали и пошли налегке. И что вы думаете? Через полчаса небо стало синеть и мы увидели долгожданное светило на закате. Теперь, как вы понимаете, вычислить, в какую сторону идти, не составило

труда. Через час вышли к дороге. Оказалось, блуждали по кругу. Нас просто задело краешком атлантического циклона. Стечение природных обстоятельств!

«Жадность это человеческая», – подумал Данила, но, конечно, промолчал.

Наступило молчание, все доедали уху.

«Сейчас или никогда», – думал лихорадочно Марик. Ему не давала покоя история с полковником Ерофеевым, и он ждал повода, чтобы подрулить к теме, да так, чтоб Данила не почувствовал, что его ослушались. Сейчас, как казалось Марику, тот самый момент.

– Арсений Афанасьевич, а Хозяйка... ну, про которую вы говорили, что она сейчас сердает... это с магическим словом на избе как-то связано? – спросил он и по быстрому взгляду старика понял – мимо! Повод «притянут за уши» и, вообще, всё вышло глупо.

Но Марику повезло: Арсений был умный старик.

– Хозяйка? – он пристально и заинтересованно посмотрел на Марика, лицо которого при неярком свете костра было совсем мальчишеским. – А вот ты как думаешь, дорогой человек, Полярная Звезда с Четласским Камнем связана нет?

Марик покачал головой, что означало «нет, это ж очевидно».

– Хозяйка, дорогой человек, ни с кем не связана, ни с какой силой на земле и небе. Она сама по себе, она хранит реку, – в глазах старика появился странный блеск, в его взгляде и интонациях пульсировала тайна, готовая выскочить, но Арсений сдерживал себя и не выпускал её. – А слово это что? Это стихия земная. Оно чтобы люди бога помнили и душу сохраняли. Бог ведь прощает любое зло, так? Если покайся. Прощает! А Хозяйка – нет. Ей не раскаянье важно, а кара!

Над головами шумно захлопали крылья. Арсений перевёл взгляд на птицу, севшую неподалёку на жердь для сушки

сетей. Это был его знакомый филин, совершенно белый, прилетавший к избе уже несколько лет. Старик дал ему даже имя Лодырь, потому что ни разу не видел, чтобы тот добыл себе пищу сам, охотясь, зато жадно клевал всё, что ему давали.

И в эти мгновения Арсений словно вдруг вспомнил что-то такое, что опровергало произнесённые им слова, и ему стало неловко за сказанное. Он посмотрел на Марика как-то по-другому и голосом, совсем уже без тайны, сказал:

– Да было, что и простила. Раз и было за сто лет.

А через секунду добавил:

– Два раза... Париться будете нет?

Данила выполнил просьбу отца, как делал всегда, поэтому вечер завершился баней, жаркой, с хвойным духом и берёзовыми вениками.

VII

Наутро всех поднял на ноги Хромов, у которого было странное взволнованное лицо.

В последние годы его одолевала утренняя бессонница. Вот, и сегодня, проснувшись до солнца, Андрей Никодимыч, чтобы не терять зря время, решил пройтись по берегу со спиннингом. Поднявшись выше по течению и сделав несколько десятков пустых забросов, он наткнулся на объёмистый деревянный ящик, прибитый к берегу течением. Ящик был специальный, в таких рыбаки перевозят в лодках продукты. Хромов открыл его, отстегнув кожаный ремешок, внутри были четыре целые буханки отсыревшего белого хлеба, пакеты с гречкой и макаронами, тоже отсыревшие.

«Напились, разгильдяи», – подумал Никодимыч про неизвестных ему людей, потерявших столько продуктов. Он поднял ящик и переставил на берегу повыше, чтобы можно было увидеть с реки.

«Найдут, если захотят», – решил он и

пошёл блеснить дальше. Но рыба не брала совершенно, не было даже намёка на её присутствие в реке, и это удивляло и нервировало Хромова: он не любил неудачи, даже самые безобидные.

Лучи солнца уже начали лениво пробивать листву на противоположном берегу, по воде стал стелиться кусками белый туман. Пологий вымский берег, покрытый плотной галькой, позволял спиннингисту идти уверенно, бросая снасть, без опаски споткнуться или зацепить блесной кусты.

Никодимыч прошёл ещё пару километров, не почувствовав на руке ни одного удара хариуса. Уныние всё больше овладевало им.

И тут его внимание привлёк неестественной формы большой предмет впереди. Подойдя ближе, Хромов увидел камень в воде у берега, на который течением навалило полотно брезента, и стало понятно, почему издали, на фоне лёгкого тумана получившаяся конструкция казалась огромной и причудливой.

Никодимыч взялся руками за край брезента и вытащил его, сколько смог, на берег, думая о том, что растяпа-хозяин будет непременно искать пропажу и увидит её. Хромову было ясно, что кто-то там, выше по реке, «расслабился» так основательно, что «посеял», кроме ящика с продуктами, ещё и главнейшую часть снаряжения: брезент, которым накрывают лодку, пряча груз от дождя и посторонних глаз.

«А кому-то сегодня не везёт поболее, чем мне», – подумал Андрей Никодимыч, пытаясь успокоить своё уставшее и огорчённое рыбацкое естество. И тут в нём стало появляться предчувствие чего-то неправильного, нехорошего, что произошло или происходит где-то, и с этим нехорошим и неправильным ему предстоит ещё столкнуться.

Он решил идти дальше по берегу, влекомый больше уже любопытством, чем

желанием поймать рыбу, на которой поставил крест.

Хромов прошёл перекат, за ним начинался плёс, ещё перекат, омут, опять перекат и плёс. Берег, по которому он шагал, оставался таким же твёрдым, каменистым и ровным, поэтому шагалось легко. Вдруг что-то неестественно белое впереди бросилось ему в глаза. «Почему ж это белое? Откуда? Разве снег? Какой, к чёрту, снег в эту теплынь?» – невольно подумалось Андрею Никодимычу.

Он слегка ускорил шаг и, подойдя к месту, оторопел: на берегу лежали сотни рыбьих мальков. Мальки были разной величины и разных видов: гольянчики, и плотва, и ельцы, и хариуски, и сижки. Рыба была снулая, но то, что не было птиц вокруг, подсказывало, что всё произошло недавно, ночью или даже перед восходом солнца: птицы не успели ещё пронохнуть и слететься на пиршество.

Осторожно ступая, чтобы не давить маленькие рыбки тела, внимательно всё осматривая, Хромов прошёл по кладбищу мальков, которое растянуто было на добрый десяток метров. Он вдруг вспомнил про спиннинг, который держал в руке, тот выглядел теперь как насмешка, а мысль о том, чтобы продолжать блеснить, сейчас показалась ему нелепой. И Андрей Никодимыч решил идти сейчас же назад, в избу.

По дороге он мучительно пытался найти объяснение увиденному, но его версии рассыпались:

«Если предположить, что ходили мелкочейистым бреднем, крупную рыбу забрали, а мелочь оставили, то где следы? – думал он. – Бредень же подгребаёт водную растительность: камыши, траву, которая растёт здесь повсюду, – всё это вместе с рыбой выволакивается на берег. Но ничего этого нет, берег чист. Нет и признаков людей, тянувших бредень, нет сапогами раздавленных рыбёшек, окурков,

да мало ли как наследит человек?»

«Бывает, мальков выбрасывает на берег волной, – продолжал рассуждать Андрей Никодимович. – И какая ж это должна быть волна?! Это крейсер должен быть, чтобы в одном месте выплеснуть такое количество молоди! Но по Выми крейсера не ходят, а у местных лодок мощи не хватит на такое, даже если они заглиссируют здесь всё одновременно».

Хромов сделал вывод: данный факт гибели массы мальков в одном месте необъясним с точки зрения его жизненного опыта; с точки зрения существующей науки он необъясним тоже. Значит, объяснение таится где-то в неведомой ему сфере, но в какой? Тут ещё этот ящик с хлебом и уплывший брезент... Как-то это всё связано, но как? Вновь появилось чувство, что вскоре его ждёт открытие, малоприятное и нежелательное, связанное с увиденным. Почему-то вспомнился рассказ проводника Данилы, и в голове зашевелились образы: баркас, ночной факел, таинственная рыба, острога в днище, исчезнувший полковник Ерофеев, несчастный Игнатий... К чему бы всё это?

Что-то внутри говорило Андрею Никодимовичу: сегодня случилось на реке нечто, связанное с тем событием двадцатилетней давности.

«Кстати, где он сейчас, тот Игнатий, жив ли? – думал Хромов, шагая по берегу. – Если верить рассказу, срок его заключения давно истёк, интересно было бы поговорить с ним о том странном происшествии, если оно, конечно, было на самом деле».

Он решил, что обязательно расспросит деда об Игнатии.

Старик Арсений молча выслушал краткий, но обстоятельный рассказ Андрея Никодимовича о странных находках на берегу. Велел Даниле немедля готовиться отплыть.

– А мы? Нам с вами можно? – спросил

Марик, которого охватило чувство, какое бывает у подростка, грезившего о велосипеде и, наконец, услышавшего от отца: «Идём покупать велосипед!»

– И то правда – может, и мы на что согдимся, Арсений Афанасич? – поддержал Марика Хромов.

Старик «добро» дал, но при этом в глазах его все заметили смятение. Данила, когда спускались к лодке, отвёл гостей в сторону и сказал:

– Главное, ребята, без вопросов – а... Делайте, что скажет, и – без вопросов... Тут дело такое, тут заварушка ой-ё...

Четверо сели в пустую «вымку» старика, Данила завёл мотор, и лодка неспешно поплыла вверх по течению.

Набирал силу тёплый сентябрьский день. Лес по берегам уже зажигался то тут, то там ярко-жёлтыми всполохами берёз и ярко-красными – осин. Река текла навстречу гладкой прозрачной лентой, и стыдливые россыпи камней на дне куда не могли спрятаться от этой прозрачности, обречённые демонстрировать свои доисторические тайны любому, кто, проплывая, взглянет на них...

Деревянный ящик, найденный Хромовым, хорошо был виден с реки. Андрей Никодимович энергично показывал туда рукой, но старик, сидевший в носу лодки, сделал знак Даниле не останавливаться. Также проскочили и оставленный брезент. Потом увидел Хромов и место мёртвых мальков. По нему разгуливали птицы, скопище птиц. Наглые вороны, крикливые сороки и галки кормились непривычно мирно рядом с чайками – своими вечными врагами, с осторожными свиристями и трусливыми сойками – каждому хватало еды.

И это место прошли, не сбавив газа. Арсений Афанасьевич лишь короткий взгляд бросил на берег; всё его внимание было приковано к вымской воде, прозрачной, как слеза, которая открывала

ему сейчас тайны не доисторические, а последние тайны сегодняшней ночи.

Наконец, все увидели «вымку» на берегу.

Когда позднее, много позднее их спрашивали, вся ли была она на берегу или нет, и в каком положении – ответы разнились в деталях. В одном только их рассказы совпали полностью: лодка лежала неестественно! Так не может лежать на берегу восьмиметровая «вымка», если её вытащили из воды люди. Расположение этой было такое, как будто на берег её выбросило: наискось и полубоком; тяжёлый подвесной мотор воткнулся в песок винтом, неуклюже подвернувшись и потеряв при этом «колпак», как шапку теряет пьяный, падая на скользкой дороге. «Колпак» серебристого цвета с надписью «Вихрь-20» валялся тут же, у воды.

Такую картину наблюдали наши герои, пока причаливали к месту крушения. И Марику, и Хромова вдруг охватило одинаково странное чувство, что это уже когда-то где-то было.

Когда все сошли на берег, то увидели: под лодкой человек. Он был в мокрой одежде и лежал поперёк, как-то изогнуто, словно большая сломанная кукла, и хрипел. Было очевидно, что лодка обрушилась на несчастного сверху.

«Как домик Элли на Гингему!» – вдруг мелькнула мысль в голове начитанного Марику, но он тут же устыдился своей кощунственной сути.

«Предчувствия его не обманули», – подумал о себе ироничный Андрей Никодимыч, и понял, что не знает, откуда эта фраза? – «Из какой-то поэмы? Или оперы? Да при чём тут опера, чёрт...» – в голове Хромова начинался лёгкий хаос, как и раньше бывало, когда он сталкивался с неожиданным форс-мажором, но он всегда находил силы выкинуть «мусор» и собраться с мыслями. Вдруг Хромов сделал вывод: загадка деревянного ящика и бре-

зента, кажется, близка к разгадке. А мальки на берегу? А вот тут полный туман.

Хрипевший человек под лодкой был Троянов.

Вчетвером приподняли нос тяжёлой «вымки» и не без труда отодвинули в сторону.

Арсений и Данила подошли к лежавшему, наклонились, чтобы расспросить. Лицо его не выразило радости, хотя, казалось бы, люди – его спасение. Лицо его изобразило безумный страх, и он прохрипел:

«Веня утоп... Мистика, ужас! Напали, сволочи, надо схватить их!»

Троянова попытались поднять, чтобы отнести в свою лодку, но тот дико взвыл от боли: у него был сломан позвоночник. Арсений велел Марику с Хромовым отодраить от аварийной лодки досчатый поддон, что и было сделано с невероятной быстротой. Доски постелили на песок, осторожно положили на них раненого, потом перенесли в другую.

В это время Арсений внимательно осмотрел лодку Троянова, медленно пройдя вокруг. То, что он сделал дальше, Хромову и Марику показалось в высшей степени странным. Старик отошёл метров на тридцать-сорок по берегу вверх по течению, и все увидели, как он единственной своей рукой легко поднял голенища «болотников» и вошёл в воду до предельной для сапог глубины. В реке он постоял неподвижно с минуту, затем стал произносить что-то вслух, но негромко, поэтому услышать что-либо остальным было невозможно.

«А Арсений Афанасич-то колдун, – подумал в этот миг Андрей Никодимович, – Колдун, точно!»

Дальше стало происходить ещё более невероятное. Спустя какое-то время (Марику показалось минут пять) сверху, из-за поворота реки, по гладкой поверхности воды пошла острая волна. Она дви-

галась по самой середине плёса и, приближаясь, становилась больше.

«Торпеда! – сделал для себя открытие эрудированный Марик. – Так режет воду торпеда, когда несётся к цели!»

Волна достигла места, где стоял Арсений, и отхлынула, её движение прекратилось, только волны кругами стали расходиться по сторонам. И тут все увидели торчащий из воды плавник и верхнюю часть хвоста.

«А вот и Хозяйка!..» – подумал Марик с охватившим его необъяснимым восторгом.

Саму рыбу разглядеть было нельзя с расстояния, на котором они находились, но было хорошо видно, как плавник стал медленно двигаться по большому кругу перед стоявшим в реке человеком.

Арсений общался с существом, которое приплыло к нему.

При этом он делал странные жесты: поднимал руку, поднося ребро ладони к губам, и отводил в сторону, шепча что-то. Непосвящённый человек со стороны тут же решил бы, что старик свихнулся. Андрей Никодимович Хромов решил бы точно так же, найди он Арсения Афанасьевича за этим занятием хоть часом раньше, но теперь! Теперь весь материалистический мир рушился в голове Хромова, и это представлялось ему крайне нежелательным.

«Однако ж, как я об этом расскажу потом? Кому? Никто не поверит! – думал Андрей Никодимыч, наблюдая за стариком и плавающей около него невидимой рыбой. – Не поверят! Ещё и сумасшедшим сочтут!»

И это тоже представлялось ему крайне нежелательным. Поэтому он твёрдо решил никому не рассказывать; с Мариком придётся договориться отдельно.

Тем временем рыба вдалеке сделала огромный бурун, и на поверхности воды мелькнул её нереально огромный хвост, показавшийся Марику светло-

коричневым. Затем гладь реки успокоилась, и нельзя было понять, куда рыба делась: ушла ли по течению вверх, откуда приплыла, или вниз, или она опустилась на дно и замерла на месте?

Арсений Афанасьевич тяжело вышел из воды и пошёл к месту, где его ждали трое потрясённых мужчин, видевших всё своими глазами, и четвёртый, лежавший на дне лодки, ничего не выдавший.

Старик был бледен, седые волосы его взмокли, он только сказал: «Домой!»

Лодку столкнули в воду, и Данила завёл мотор. До самой избы никто не проронил ни слова.

Когда приехали, Арсений Афанасьевич велел сыну срочно везти Троянова в Княжпогост к врачам. Марик, желая выказать благородство, предложил себя в помощники Даниле, но Арсений запретил, объяснив малым уровнем воды в реке: у лодки должна быть минимальная усадка, чтобы пройти перекаты. Данила пошёл собираться в дорогу, а старик попросил гостей оставить его с раненым наедине, велел им подняться к избе, разжечь костёр да вскипятить чаю.

Когда те ушли, старик вошёл в воду в своих высоких сапогах, продвинулся вдоль борта лодки, чтобы быть ближе к лежавшему неподвижно лицом вверх Троянову, и спросил: «Говорить можешь?»

Тот кивнул, потом не без труда достал из бокового кармана мокрого бушлата отсыревшую пачку сигарет «Друг», и почему-то запихнул её обратно в карман, и только потом начал говорить:

– Перевернуло нас... Кто-то будто снизу ковырнул лодку, как детское корыто, и – вверх дном! Брезентом Веню накрыло, и под лодку...

– А ты? – спросил Арсений.

– Я поплыл, а лодка утонула... Утонула! Я видел.

– Ты доплыл, значит?

– На песке я долго лежал, пока оклемался, устал, хоть подыхай! А потом ужас пробрал меня: Веня утоп, а у него брат – прокурор в Сыктывкаре, я ему «красную» обещал привезти... У-ум-м... – застонал Троянов то ли от боли, то ли от мысли, что придётся объясняться с прокурором. Говорил он прерывисто, тяжело дыша и при этом сжимая и разжимая пальцы рук, словно проверяя, работают ли? На какое-то время раненый замолчал, вспоминая, что было дальше, и что было для него, видимо, самым страшным:

– Я хотел сырое снять, что-то делать, да не могу; на песок сел и вою, как собака; душит меня Веня утопший: это ж милиция, прокурор вцепится зубами, значит, суд, тюрьма!.. У-ум-м-м...

– Чего мычишь, как телок, дальше что?

– На реке стихло. И вдруг заплескалось внизу, и всё шумней плещет, словно там пережат открылся. Я подумал ещё: может, Веня на вёслах? Да сам понимаю – бредятина! Нету Вени! Смотрю на реку и вижу: чёрный столб по реке несётся, с брызгами, и плеск от него...

– Да неужто столб?

– Столб!.. Это я сперва так подумал, в темноте. Он по центру реки летел, а потом к берегу, в мою сторону. Понимаешь ты? Ему поворот кто-то придал! Тогда я и успел разглядеть, что это не столб, а лодка! Понимаешь ты? По воде без мотора СТОЯ прёт лодка! Вер-ти-каль-но!

Троянов замолчал, собирая разбегающиеся мысли и подбирая слова:

– Потом её вверх выбросило из воды, как... как... ракету, и – на меня. И – всё! Отключка. Посветлу очнулся: лежу под этой лодкой, и дышать не могу и шевельнуться. И увидел я – по доскам на бортах, по окраске, лодка-то моя! Понимаешь ты? На меня шарахнулась моя же лодка, которая утонула! Мистика?! Ничего, я найду, кто это сделал, сукой буду, найду! Ответит мне эта сволочь!..

– Чего не хватает тебе, Трифон? – спросил вдруг неожиданно «не в тему» старик. – Разве у тебя нет уж всего?

Троянов одними глазами при неподвижной голове как-то странно посмотрел на него и не ответил.

– Данила тебя в больницу сvezёт, в Княж, – сказал Арсений Афанасьевич; он увидел, что сын спускается по берегу с канистрой бензина, рюкзаком и одеалом для раненого. – Там много любопытных с вопросами к тебе, Трифон, будет. Вот, ты и подумай в дороге, как про столбы правильно рассказать всем «почемучкам».

«Вымку» оттолкнули от берега, рыкнула несколько раз на заводке «Москва-25», взревела, и лодка, набирая скорость, помчалась вниз.

Данила Лапин вернётся сюда через неделю, чтобы увезти Хромова с Марином. А Трифону Троянову не плавать по Выми уже никогда. До конца своих дней.

VIII

У потрескивающего костра трое мужчин ужинали молча. Им было о чём молчать. Но долго так не могло продолжаться, потому что им было о чём говорить. Молчание прервал Хромов:

– Как думаете, Арсений Афанасьевич, тот человек в лодке поправится?

– Что с ним станется? Отойдёт, – ответил старик.

– Он говорил на берегу про какого-то Веню...

– Напарник его, кто колол. Этого не найдут. Их никогда не находят.

– А кто будет искать?

– Кому положено: следовательно, водлазы, милиция, но не найдут.

– Как полковника Ерофеева? – задавая вопрос, Хромов шёл на провокацию, помня предупреждение Данилы. Но после увиденного сегодня ситуация изменилась: все стали «посвящёнными». Арсений Афанасьевич хоть про себя и

ругнулся на Данилу за болтливость, но теперь уж что... Он даже виду не подал, что тема ещё вчера была запретна, и сказал:

– Ерофеев не первый. До него пропадали и после. На моей памяти таких двенадцать человек, сегодня – тринадцатый.

– А как сложилась судьба Игнатия? – спросил Хромов, который решил идти напролом.

– Отсидел срок да живёт.

– А вы не виделись с ним после того случая?

– Его здесь больше никто не видел. Он после зоны сразу подался в Казахстан, к целинникам.

– Почему же в Казахстан?

– Думаю, потому что степь, в степи реки нету.

Всё время, пока они говорили, Марик покусывал губу, сдерживая непреодолимое желание задать старику свой самый важный вопрос. Но приученный «не вступать», пока говорит начальник, он молчал. Хромов же, почувствовав, что у старика сейчас можно кое-что выпытать, продолжал:

– А мёртвая рыба на берегу? Как она там оказалась? У вас есть версии, Арсений Афанасьевич?

Старик ответил не сразу.

Он готовился к неизбежному: отпустить на волю тайну. В его глазах снова появился странный блеск, и он стал говорить:

– Это Хозяйка освобождалась от боли... Когда ей хребет пробивает острога, она испытывает страшную боль. И тогда она уплывает далеко от этого места и начинает бороться с болью. Она делает страшные круги, она переворачивается в воде, сбрасывая железо, она бьёт хвостом, так что брызги поднимаются к верхушкам деревьев, она выносит своё громадное тело из глубины, взмывает в воздух и падает, оглушая всё вокруг шумом, похожим на шум водопада. И огром-

ная волна обрушивается на берега. Тогда и погибают эти несчастные мальки.

– А что потом? Что происходит потом? – не выдержал Марик.

– Потом приходит кара. Она настигает того, кто вонзил острогу. Настигает, где бы он ни был. Часто настигает и тех, кто был с ним.

– То есть вы хотите сказать, что лодку на этого несчастного выбросила из воды рыба-ба? – удивление в голосе Андрея Никодимовича было искренним, как у семилетнего ребёнка.

– Разве ж рыба такое может? Смешной ты человек... Это сделала ОНА.

– А она – не рыба? – спросил Хромов с тем же удивлением. Он помнил огромный хвост и плавник сегодня утром, и это не вязалось с тем, что «она не рыба».

– Она – Хозяйка Реки.

– А как вы узнали, что она сердает? – спросил Марик, вспомнивший острогу из баула, и вдруг почувствовавший и вину и страх одновременно. – Два дня назад вы сказали, что Хозяйка сердает.

– Сказал... – Арсений Афанасьевич, помешивая ложкой чай, бросил взгляд на жердь для суши сетей: белый филин Лодырь уже сидел на ней неподвижно, как чучело в музее. – Сказал... За трое суток до вас заявили ко мне мужики с похмелья, злые как собаки. Спрашивают, не в курсе ли, кто у них сети из воды поднял, порезал да в кучу собрал. Нет, говорю, сынки, по реке никто кроме вас не проезжал, ищите промеж своих. Я ж знаю эту шайку-братию – Трояновская обслуга, меж них всяко могло быть по пьянке. Я сперва так и подумал. Но потом...

Они неводами реку перегородили в двух местах, чтоб и голян не проскочил. Сутки пьянствовали, а потом решили рыбки черпнуть. А невода-то и нет! Поплыли ко второму – тоже нету. Вот, такая масленица!.. А у них невода тяжёлые, метров по сто длина, крепёж на вбитых ко-

лах – попробуй сыми!

– Это она сделала? Хозяйка Реки? – спросил Марик.

– Оба невода были брошены высоко на берегу, – продолжил старик, будто и не обратив внимание на вопрос. – Их что-то сгребло в рваный ком, вместе с кольями, корягами, камнями и мёртвой рыбой. Кто это смог бы?

Теперь забеспокоился Андрей Никодимович: в такие минуты он начинал пощипывать ус, хотя на его тщательно выбритом лице не было ничего.

– Значит ли это, Арсений Афанасьевич, что Хозяйка Реки, кроме ненависти к этим лучильщикам с острогами, не жалует и всех прочих, например, спиннингистов... – спросил Хромов, который вдруг с ужасом представил, что могло быть, если бы сегодня утром его блесна не понравилась такой... рыбке.

– Ничего такого это не значит, – ответил старик. – Поймать ЕЁ нельзя, тем более на железку. Эти ж хапужники перегородили реку, и ОНА не могла плыть. ОНА этого не любит.

Ужин закончился. В тишине неуклюже и робко ухнул филин Лодырь. В его крике слышалась обида на то, что ему не уделяют достаточного внимания и не собираются кормить. Хозяин понял старого приятеля, поднялся и, взяв котелок с остатками глухаря, высыпал их неподалёку от птицы. Лодырь при этом шевельнул крыльями и самодовольно поёжился...

Потом мужчины долго сидели молча, но никто не думал уходить от костра. Каждый понимал, что не достаёт главного вопроса и главного ответа. Старик знал, что этот последний вопрос будет именно сейчас, и он ответит, и тогда все точки будут расставлены.

И Марик задал этот вопрос:

– Арсений Афанасьевич, как случилось, что она выбрала Вас?

IX

«Мне было восемнадцать, – начал свой рассказ Арсений. – И я был глупый неслух. В начале сентября отец взял меня в верховья лучить рыбу. Несколько дней поднимались шестами. Когда прибыли, отдохнули малость, заготовили сушняка для факела, посадили снасть и ночью поплыли. Я – с острогой, отец сзади на вёслах. Опыт кой-какой у меня был, поэтому бил я без промаха. Хариусы, сиги, сёмга – всё, что проплывало, всё брал. Отец был мной доволен.

Плыли по глубокому плёсу. И вдруг я увидел в глубине два светящихся глаза, как два фонарика. Потом появилась тень огромной рыбы. Она была такая огромная, что у меня захватило дух. Рыба стала подниматься к поверхности, от этого глаза её светились ярче. Меня охватил дикий азарт. Отец заметил это и спросил: «Что увидел?»

«Два глаза светятся, – сказал я дрожащим от волнения голосом. – Огромная рыба идёт на меня!»

«Не бей её! – вдруг закричал отец. – Не бей!»

«Но почему? Это большая рыба!» – я уже не мог совладать с охватившим меня азартом охотника, настигшего зверя. И я приготовился бить.

«Это Большая Щука – Хозяйка Реки. Не тронь её», – в голосе отца была даже не просьба – мольба, но это меня не остановило. Я был молод и беспечен. И я воткнул острогу в хребет...»

При этих словах рассказчик здоровой своей рукой сделал резкое движение сверху вниз, показывая, как это было.

«Рыба стала медленно уплывать, – продолжил Арсений Афанасьевич после короткой передышки. – Я пытался удерживать шест, но куда там...»

Дальше случилось странное. Отец стал очень напуган. Не сказав ни слова, он спешно погрёб к берегу. Причалили,

он прыгнул на гальку и велел идти за ним.

Мы уходили в глубь леса через буреломы молча. Когда я спросил, зачем и куда мы идём среди ночи, он не отвечал, был суров, и только шёл и шёл. Я, конечно, думал, что отец сердится за потерянную острогу, но чтобы так?..

Наконец, остановились у большой, с мой рост, полугнилой колоды. Отец велел мне снять верхнюю одежду и шапку. Рыбацкий мой зипун он натянул на колоду, застегнул все пуговицы, а на самый верх гнилушки положил мою шапку. Потом сухо сказал: «Пошли отсюда прочь».

На этот раз ушли недалеко. Постелили лапник под ёлкой и переночевали, не разжигая костра, не разговаривая. Это была холодная ночь, скажу я вам...

Как рассвело, встали мы и двинулись к вчерашней колоде. Подошли, глядим – а в ней наша острога! Воткнута точно в грудь моего зипуна! Точно в грудь! Представить такое можете нет?..

Забрал я зипун и шапку, а острогу отец брать не велел. Оставили её в той гнилушке. И зря оставили, потом это мне боком вышло, да ведь не мог отец знать наперёд.

Назад возвращались быстро, днём плыли, ночью уходили в лес. Причалили в Отле, зашли в дом, а мать вся в слезах: были, говорит, государевы люди и велено мне собираться на царскую службу. Через два дня побрили меня в солдаты и – на германскую войну. Она к тому уж второй месяц громыхала...»

– А боком вышло, это как, расскажите? – спросил Марик, имевший склонность помнить детали и возвращаться к ним до полной ясности.

«Рассказать ли этому мальчишке про холодную ночь в горах Западной Армении? – думал Арсений. – И про страх смерти, который тогда, перед штурмом Эрзерума, вселился в души его сослужив-

цев? Страх на той войне всегда приходил накануне боя и всегда исчезал в ходе. Но никто не говорил про страх. И в ту ночь солдаты грелись у костра молча, переживая каждый своё. И очень захотелось пить. Может быть, от страха смерти всем захотелось пить так сильно? И он, Арсений, вызвался сходить к речке за водой. Речка со странным названием Шоруксу текла где-то рядом, в тишине можно было слышать, как она журчит.

Арсений собрал в руках несколько котелков и пошёл.

Он спустился к воде. Круглый глаз полной луны недружелюбно застыл в небе как раз напротив. Гладкая лунная дорога стелилась по чёрной реке от противоположного берега прямо к ногам солдата.

Когда он наполнял последний, четвёртый котелок, вдруг раздался шум, похожий на плеск небольшого водопада. Арсений поднял голову и увидел, что гладь лунной дороги разорвана в клочья каким-то неведомым движением на воде и неизвестно откуда взявшейся волной. Он не успел понять, что было это – нечто тяжёлое и острое, прилетев с реки, вонзилось в его в плечо.

Страшный удар остроги свалил солдата наземь. Это была их с отцом острога.

Дальше была только боль.

Надо ли рассказать об этом его новым друзьям?..»

– Расскажите, Арсений Афанасьевич, – повторил Марик.

Но старик сказал:

– Тут сказке будет конец. Вы сегодня много чудес насмотрелись и наслушались, хватит до скончания века. Спать пора, спать.

И Арсений поднялся, чтобы идти в избу.

– Скажите, а почему она вас простила? Единственного из всех... – голос Хромова прозвучал неожиданно смело.

– Я не единственный, – сказал Арсений.

– Значит, есть ещё кто-то? Кто? – спросил Андрей Никодимыч.

– Этого не знаю. Отец мой знал, да расспросить я не успел его.

– Всего два случая милосердия, а смертей? Мрачный дисбаланс, – сказал Хромов, как всегда склонный к философии.

– Я говорил разве про всего два случая? – сказал Арсений, собираясь уйти окончательно. – Не говорил.

– Вы говорили, говорили, Арсений Афанасьевич, – включился, как лампочка, Марик. – Когда рассказывали про Полярную Звезду и Четласский Камень, помните?

– Я сказал, что было два случая за сто лет. Лишь за сто последних лет...

Ещё несколько хороших дней провели они в гостях у Арсения Афанасьевича. И Андрей Никодимович и Марик поездкой остались, в общем, довольны.

* **Лэль-чери** – коми название сёмги.

* **Сур** – хмельной напиток у коми.

* **Сырп** – способ ловли рыбы, применяемый ранее только на Выми и её притоках.

Александр Суворов

Суворов Александр Васильевич родился в 1946 г. на станции Бира Еврейской Автономной области. В 1947 году его родители переехали в Сыктывкар. Окончил Коми государственный педагогический институт. Работал журналистом. Автор нескольких поэтических сборников и книги прозы. Печатался во многих альманахах, коллективных сборниках, журналах: «Север», «Наш современник», «Техника – молодёжи», «Дальний Восток», «Южный крест» и других, в антологии «Молитвы русских поэтов».

Белым по белому

Соседи

Человечество, в котором я живу,
начинается с соседей.
Дорогие мои соседи,
для вас человечество начинается
с меня!

Прислушайся к ребячьему гомону
во дворе детского сада.
В звонкой разноголосице
столько деловитого оптимизма,
что даже верится
в светлое будущее человечества.

Ну и зачем мы всю жизнь
завязываем хитрые узлы,
если их рано или поздно
приходится разрубать?
Не лучше ли завязывать
добрые знакомства?

Большая душа –
большая надежда.
Или великая любовь.
Или огромное разочарование.
Или безграничное счастье...

Или маленький червячок цинизма,
который всё это превращает
в скользкие комочки грязи.

И тогда – пустая душа.

Кровожадное зло
уже сотни тысяч лет
пытается перегрызть горло добру.

Дотянуться не может.

Лекарство от нежности

Ненависть
регулярно покупает в адской аптеке
лекарство от нежности
и не забывает принимать его
по таблетке три раза в день.

В этой аптеке такие скидки!..

Миллионы

За стройной красавицей Единицей
нередко выстраивается очередь Полных нулей.
Мы в суете принимаем эту очередь за миллионы.
И пристраиваемся в конце,
после запятой.

Насос

Однажды назвали сердце
кровяным насосом –
и оно утратило способность
страдать и сострадать.
Только болит часто.

Пока у тебя ничего не попросили,
ты не знаешь размеров своей жадности.

Пока ты ничего не подарил,
ты не знаешь размеров своей щедрости.

Пока ты не подал милостыню,
ты не знаешь размеров своей любви к Богу.

Ты ничего о себе не знаешь.
Узнаешь...

Биться за правое дело
левой рукой
неудобно.

Хищники

В каждом,
в каждом человеческом сердце
тайно живёт лохматый хищник,
готовый к людоедству.
А мы с умным видом рассуждаем
о преимуществах цивилизации...

Некоторые при этом ковыряют в зубах.

Слышите грохот
и раздражённые крики
на разных языках?..

Вавилонская башня
разваливается до сих пор.

Мы кузнецы своего счастья?
За-блуж-де-ни-е!

Всё, что с нами происходит,
объясняется тем, что с нами произойдёт.

Будущее правит миром.

Гонители преодолевают
тот же путь, что и гонимые.
Но им ещё возвращаться...

Дон Кихот

Бедный, бедный рыцарь печального образа!
Его не вылечили бы и современные психиатры.
Сегодня он закончил бы дни свои
в смирительной рубашке.
В психушке строгого режима.
Она, кстати, для донкихотов и построена.

А ветряные мельницы всё вертятся...

Жар

1.

Ты не чувствуешь кожей сердца –
из будущего веет
смертоносным жаром последней войны?
Ты не слышишь ушами разума

рёва пожаров и криков о помощи?
Ты не видишь очами души –
в ракетных шахтах индевеют от предчувствий
ядерные монстры?

Да-да, из будущего веет
смертоносным жаром последней войны...
Он опалает
ресницы наших прищуренных глаз.

2.

Послушай, давай разжалуем
всех офицеров Земли
в дворников и официантов!

Жертва

Так было всегда!
Так будет всегда!
Агнцу
никто не собирается объяснять,
почему именно он выбран
для жертвоприношения.

Как быстро и незаметно
кавалерийские шенкеля и шпоры
переродились в автомобильную коробку передач,
плётка превратилась в педаль газа,
а лошади – в лошадиные силы!
Вот и стоим на проспектах цивилизации
в бесконечных «пробках».

Призыв

Соплеменники!
Вступайте в партию честности!
Во всех остальных партиях – лгут.

Нищий, зато честный.
Или нищий потому, что честный?
А может, честный оттого, что нищий?

Человек!
Если ты не сын своего Отечества,
то и предкам не потомок...
Что унаследуют твои дети?

Разводы

Кто-то разводит мосты,
а кто-то – золотых рыбок.

Кто-то разводит облака,
а кто-то разводит руками.

Кто-то разводит костры,
а кто-то – лохов.

Все заняты...

Молодожёны!
Знали бы вы, сколько пчёл
в цветущих лугах бытия
изо всех сил работает
на ваш медовый месяц!

Свадьбы

Свадьба для кого-то –
широкие ворота в семейное счастье,
а для кого-то – лаз в подземный ход,
ведущий к разводу...
Горько!

Посмотри, беременная женщина
несёт живот, как сокровище.

Не своё несёт – Божье.

Наливаются сладким соком,
круглятся на яблоне яблоки...
Что она чувствует?
То же, что и беременная женщина?

На вершине незнания
топчется торжествующий дурак.

На вершине знания
тоже кое-кто бывает.

В неведомую даль

Тысячи дорог зовут в неведомую даль,
а человек всю жизнь идёт по одной –
к самому себе.

Никак дойти не может.

Возвращаться незачем –
там уже всё другое.

Но остались следы.
Словно шрамы.

Волжья душа

Если у тебя душа зубаста,
значит, она предназначалась волку,
а досталась тебе.
Не удивляйся, когда однажды
студёной лунной ночью
ты вдруг завоюешь
и тебе ответят из ближайшего леса.

Волки и овцы в рестораны попадают
через разные двери.
Овцы – в виде баранины.

Только родился,
а уже времени в обрез.

Жизнь

1.

Жизнь настолько коротка,
что не успеваешь
за всю её вторую половину
вспомнить первую.

2.

Как трагически мало жизни
отпущено нам на этом свете!
А мы ещё тратим время
на скуку!

3.

Считаешь, не стоит тратить
такую короткую жизнь
на поиски её смысла?
Однако, ты оптимист, сударь.
Я бы три жизни прожил,
чтобы понять, для чего!

4.

Жизнь нужно жить, как кроссворд,
по вертикали и по горизонтали,
иначе останутся незаполненные клетки.

Если бы представилась возможность
прожить жизнь сначала...
О, если бы!..

Орфографические ошибки судьбы
исправлять приходится
красными чернилами жизни.
А потом врачи говорят:
– Гемоглобина в крови маловато...

Это – глупое заблуждение, про свободу!
А чаще злонамеренное враньё!
Человек не принадлежит себе, –
говорю я вам, – не принадлежит
от первого до последнего вздоха.
Право на собственную жизнь
он делит с теми, кого любит.

И я – делю...

Старость – не радость,
юность – не мудрость...
Слава богу, не наоборот!

Вечность искать не нужно –
она вот тут,
прямо за этим мгновением.

В стране, у которой есть будущее,
не проклинают прошлое.

В стране, у которой кровавое прошлое,
не верят в светлое будущее.

В стране, у которой отняли настоящее,
нет ни будущего, ни прошлого.

Время протекает сквозь наши сердца.

Не мы живём во времени –
время пульсирует в нас.
В ритме нашей жизни.
А мы только подводим
стрелки часов.

Дивные письма пращуров
непонятны и неизвестны большинству потомков.
Не читают...

Когда-нибудь и я стану таким же пращуром.
Не прочтут...

И как умудряется время
перемалывать мудрость прошлого
в мелкие вечные истины?

Когда ещё не было времени,
была абсолютная неподвижность.
Но только шевельнулось что-то
в груди Вселенной –
тут же побежала секундная стрелка
на невидимых часах бытия.

Теперь её не остановить...

Сиюминутное живёт всего 60 секунд.
Но это мои секунды!

Юдики

Храповик твердит:
«Тик-так, тик-так...»

Маятник, качая головой, стучит:
«Нет-нет, нет-нет...»

Время с недоумением слушает
их бесконечный спор.

Людовик XIV – король-солнце,
князь Владимир – Красно Солнышко.
Какая разная историческая интонация!

Остановись на мгновение,
оглянись в прошлое –
ты оттуда пришёл.
Туда же и уйдёшь.

Бутылище

Из осколков бутылочного стекла,
скопившегося на нашей планете,
сегодня, наверно, можно изготовить
бутылку величиной с Эверест.

Что это там блестит, в траве?

*И звезда с звездой говорит...
М.Ю. Лермонтов*

Бесконечен солнечный круг общения!
Светские звёзды и созвездия,
чёрные дыры и квазары,
галактики и скопления галактик...

О ком они там, во Вселенной,
так оживлённо
друг с другом разговаривают?
Не о человечестве же.

Последняя?

Звёзды, звёзды над головой!
Вечное ночное миллиардозвездье!..
Кто ответит, сколько в этой бездне
обитаемых планет?
Может, наша Земля – последняя?

Если последняя, ответить некому...

Как странно, безграничный космос
совершенно безразличен
к пылинке-планете по имени Земля.
Он даже не подозревает
о существовании на этой пылинке
многомиллиардного человечества.
А исчезающе крохотная человеческая жизнь
для него вообще ничто.

Космос, посмотри:
вот он – я!..

О превращении

1.

У человечества всё пока впереди!
Ведь человек ещё не произошёл...
Мы все – лишь промежуточная стадия
превращения обезьяны в человека.

Ты нас не торопи, эволюция –
мы растягиваем удовольствие.

2.

Обезьян, от которых произошёл человек,
на Земле не осталось – они все стали людьми.
Хотя – кто их знает, этих обезьян...

Памятник деньгам

Когда всё богатство человечества
окончательно переплавится
в кредитные карточки,
из монет, отчеканенных на Земле,
вполне можно будет отлить
гигантский памятник деньгам –
этакую безумную монетищу
на сумасшедшем постаменте.

Развалины

Пройдут по Земле безжалостные века,
и про наши дома и дворцы скажут:
вот, развалины древней цивилизации...

Слава богу, мы этого уже не услышим.
Мы даже не вздохнём в ответ.

Сердцебиение

Пульс Земли – 364 удара в год.
И один добавочный – раз в четыре года.

У нашей планеты большое сильное сердце.
Дай Бог ей здоровья!

Стань тишиной –
и услышишь
весь мир.

Тунгусский метеорит?
Это на перекрёстке времён столкнулись
прошлое и будущее.

– Человек, ты откуда?
– Ниоткуда.
– Человек, ты куда?
– Туда, откуда...

Вне поля моего зрения
столько отвратительного и ужасного,
что я благодарен горизонту.

Камень, который за пазухой,
рано или поздно полетит в мой огород.
Хорошо, если в этот момент
меня там не будет.

Никогда

– Вернись, – умоляюще шепчу я ей вслед.
– Никогда! – улыбается в ответ молодость. –
Между нами всё кончено...

Уговор

Судьба, хочешь,
буду каждое утро приносить тебе тапочки?
Но с одним условием:
однажды ты принесёшь тапочки
мне.

Когда-нибудь обязательно стану
тёплым летним дождём,
чтобы дети могли
босиком бегать по лужам.

После пышного юбилейного застолья
письменный стол кажется таким маленьким!
Бутылку таланта и рюмку вдохновения
некуда поставить...

Ожоги

Летит над нашим городом поздний самолёт,
гудит тревожно.
С высоты авиаполёта
ночные огни так похожи на ожоги...

Ничего, утром всё заживёт.

Сон – тихая ночная переправа
через усталость.

После дождя сгустилась вокруг
такая мокрая тишина,
что слышно было,
как высыхают на оконном стекле
последние капли.

Счастье

За дождевыми облаками сияет
прекрасный солнечный день.
Словно счастье
за плотной завесой его ожидания.

Вода в колодце чиста,
словно до возникновения экологии.
Предки завещали.

Земляне

Мы не одни на планете.
Дождевые черви, к примеру,
гораздо больше земляне,
чем люди.

Человек в тайге

В тайге одинокий человек
становится равным самому себе.

А тайга сама себе равна всегда.
Молчит, к человеку приглядывается –
прикидывает, чего от него ждать,
от одинокого...

Они уже – почти на равных.
Только топор за поясом немного смущает.

Шорох –
шёпот грохота.

Зима

Утро опоздало на полдня,
а вечер пришёл на полдня раньше.
Север съел целый зимний день.

Ароматы

Любой запах –
на самом деле, комбинация запахов.
Даже в густом аромате коровьего навоза
можно уловить
тончайшее благоухание потной доярки.
Если хорошенько принюхаться.

Грипп

Опять на востоке эпидемия гриппа.
Высокая температура.
Насморк.
Больное воображение...

Если китайцы чихнут все разом,
человечество оглохнет.

Женский род

Женщины мои дорогие, вы не знаете,
почему жизнь и смерть женского рода?..

Ладно, не отвечайте.
Любовь – тоже женского.

Елена Афанасьева

Афанасьева Елена Евгеньевна чужис Удора районса Важгорт сиктын. Помалис Сыктывкарса государственной университет. Йӧзӧдліс кывбура да висьтъяс некымын книга. Гижӧдъясыс петалисны «Арт», «Войвыв кодзув», «Наш современник», «Дон», «Юность» журналъясын, «Белый бор» альманахын. Пырӧ Россияса гижысь котырӧ.

Дуда* Платтьӧа

Висьтъяс

Мырпома дзуяс

Ӧти гожся асылӧ сетчи мӧдлапӧв нюрӧ мырпомла. Медводдзаясь ӧтнам. Эг на во ю дорас, видзӧда, кодкӧ пыжӧн сибӧдчӧ мӧдлапӧв берегӧ. Тшукӧдчис нырнас, и улис лыа вылӧ чечыштӧс яръюгыд дуда платтьӧа нывка. Киас сылӧн вӧлі шондӧ рӧма сямӧдысь кыӧм набурука. Видзӧдӧ и эг вермы гӧгӧрвоны: «Кодӧ нӧ тайӧ? Быттӧ абу миян сиктса». Бергӧдчыліс кӧ мелань... кӧтъ здук кежлӧ.

Но кокни вӧраса нывка тэрыба кавшасис джуджыд берегӧд да воштысис бадьяс костӧ.

А меным ӧд колӧ вӧлі сэтчӧ жӧ. «Гашкӧ, вержитчис...» – такӧдӧ ачымӧс. Но ӧд пыжыс эм, сійӧ коли син водзӧ и некытчӧ эз воштысь. Но вежӧрӧй бара на вотйӧ: «Татшӧм платтьӧӧн нюрйӧд оз ветлыны». И сэки жӧ мӧд мӧвп вевтыртӧ: «А гашкӧ, тайӧ ачыс Пекнича Параскеваыс... и ӧні, кӧнкӧ, бадьяс сайсянь лӧня ме бӧрся кыйӧдчӧ».

И друг кодкӧ сэні, мӧдлапӧлас, гылыда серавны пондӧс. А берегдор пожӧмъяс вуджӧрсорыс кык пӧв ыдждӧсны да лоины мoidвывса багатыръясӧн. Тайӧ здукас яг сайысь быйс петӧс шондӧ. И сійӧ вӧлі налӧн дӧрапасӧн. И став тайӧ араваыс мӧдӧдчис мелань.

Шондӧн рӧммӧдӧм ваын вералӧсны югыдвиж изъяс. И ме шӧпкӧдӧ налы ассъым полӧмкылӧмӧс да кори мездыны пожӧм-багатыръясысь. Изъяс шӧпкӧдчыштӧсны ас костаныс да чуйдӧсны меным пӧртчыны лэбачӧ. Ме эг на эскы, но тешкодья шевкнитӧ киясӧн и ачым эг тӧдлы, кыдзи кыпӧдчи... перво галька берега ю весътас, а сэсся вылӧджык, вылӧджык и вылӧджык. И ки пыдӧс вылын моз воссис мӧдлапӧвса яг, и сы сайын мырпома нюр. Лэби сы весътті, но сэтшӧм улӧті, мый аддзи весиг вутшъяс вылас гӧрддзассъом тусьясӧ и дзордзалысь турипув. Сэсся качӧдчи вылӧджык и быд здук юаси ассъым: «Кӧні нӧ эсійӧ дуда платтьӧаыс? Мырпомсӧ ӧктӧ либӧ вӧйи нюр

синмас?..» Но некодарын сійö эз тыдав.

Коркö-некоркö бөр вои аслам берегö. Гортö локті куш киөн.

Некымын лун мысти сэтчö жö мөдöдчим мамöкөд.

– Кодкö тай вуджöма нин! – шуис мамö.

Менö быттö кöдзыд ваөн киськовтис: сійö жö пыжыс сулалис сійö жö местаас. «Сідзкö, дуда платтьöаыд абу и мунлöма», – мөвпыштi ас кежысь. Но мамöлы нинöм эг висьтав.

Вуджим мөдлапöлö, лун сьöмөссö вотчим. Но сійö здукъясас, кор веськөдлi мышкөс, пыр виччыси: друг да көнкö вуджөртас? Но эз петкөдчыв. И сöмын мырпома дзуяс вылö веськалiгөн вежöрам воліс, мый тайö шондi рöма вотöсыс киссялöма дуда платтьöа нывкайдлөн рыжмөм наберукаысь.

**Дуда – уд. длинный балахон.*

Мырпома на берука

Лун мысти сёрнитчим Ёлякӧд вуджавны мӧдлапӧлӧ. Водз асывнас лэччим ю дорӧ.

– Талун некод на абу вуджӧма – став пыжыс ас берегын, – шуис Ёля.

– Но и бур. Сідзкӧ, став мырпомыс миянлӧн, – радлыштӧ ме.

Сӧлім пыжӧ да вуджим мӧдар берегас. Нюрас нуӧдіс вошласьыс ордым. Ляпкыд баддя да джуджыд керча турунаин вуджӧм бӧрын пондісны шедавын ӧтка мырпом тусьяс. Кодъяскӧ вӧліны чорыдӧсь на, но банйыштӧмаӧсь нин, алӧй рӧмнас ылӧдлісны миянӧс, мӧдъяс быттӧ абу на и гӧрддзасьӧмаӧсь – дзебьясьӧны веж кор тупыль пытшкас. Но вӧлі нин и воӧмыс, ӧтка-ӧтка.

Тусьӧн-тусьӧн вотӧссӧ ӧктігмоз мунім водзӧ. А сэсса друг миян син водзын воссис мырпома эрд, быттӧ шондіа дӧра вольсалӧма. Босьтчим вотны тусьяссӧ, и сэк жӧ думайтӧм: мыйта тани вотӧсыс... Но кутшӧмкӧ здукӧ юр лэптӧм и аддзим: всё, быри. Быттӧ бордйӧн чышкисны. Эз-ӧ кодкӧ мун ми водзын, эз-ӧ кодкӧ орды миянӧс.

– Мый пондам вӧчны, Ёля? – юавсис менам. Синъяссӧ лэптывтӧг сійӧ вочавидзис:

– Ог и тӧд. Джынъя дозмукӧн гортӧ бергӧдчыны абу окота.

Сетчим веськыдыв. Но и сэні миянӧс виччысисны сӧмын вутшьяс да мугыд ваа гӧпьяс.

Пуксим шойччыны. Кутшӧмкӧ здукӧ видзӧдласӧн кытшовті матігӧгӧрсӧ, и нюрывьса кондаяс костыс аддзи мыйкӧ сэтшӧмтор – асья шондіыс кутшӧмкӧ гӧптӧ кольӧма ли мый ли да ӧнӧдз вералӧ сэні... Татшӧм дивӧйд кыскӧмӧн кыскис ас дорас.

– Мый эськӧ сэні, ветла да видзӧдла, – шуи Ёлялы да воськовті сэтчань.

– Ёля, воы! Мый ме аддзи!

Сійӧ матыстчис да чуймӧмӧн горӧдчис:

– Мырпом тыра на берука! Дивӧ тай! Вай тайӧс босьтам! И вотчыны оз ков!

– Кыдзи босьтам? Тайӧ жӧ кодлӧнкӧ крещенӧйлӧн.

– Тайӧ на берукасӧ, тыдалӧ, кодкӧ тӧрыт нин кольӧма, – шуис Ёля. – А сэсса корсьясӧма эськӧ, да абу аддзӧма, – асьсыс чайтӧмсӧ висьталіс.

– Гашкӧ и, талун, – паныдалі ме. – Локтас кӧ да корсьны мӧдас?

– Видзӧдлы, видзӧдлы, кутшӧмкӧ визь нуӧдӧмаӧсь, – Ёля мышкырчтӧмӧн пондіс видзӧдавын на берука гӧгӧрсӧ.

– Ёля, вай вешъям татысь, – кыскыштӧ сійӧс сой пӧлӧдыс.

– Гашкӧ, тайӧ на берукасӧ вӧрсаыс вайис да. Миян вылӧ, – дорйысис Ёля.

– Некутшӧм вӧрса абу! – скӧрми сэсса ме. – И кӧсьян кӧ, вуджа тэнсьыд визьтӧ! – дӧзми ме да синмӧс куньӧмӧн воськовті кытш пытшкас.

А кор восьті, ме водзын вӧлі мичалӧз ты, отасьыс-ота. Кӧні тайӧ ме?.. И кӧні Ёля?..

– Ёля-а-а! – горӧді ӧртӧс.

– Ме тани! – вӧлӧмкӧ, сулалӧ мыш сайын. Уськӧдчи сылань да сывъялі.

– Тэ мый, визьсӧ вуджин жӧ?

– Вуджи, дерт. Видзӧда, тэ абу. Быттӧ сылін. И – тэ бӧрся!

– Эн и повзьи?

– Дерт, повзи. Но тэӧ ӧд ог энот, – тэрыба шуалис Ёля, а сэсса бӧрдан гӧлӧсӧн нин содтіс: – Но... мый пондам вӧчны? Кӧнӧсь ми, тӧдан он?

– Думайта, веськалім кытчӧкӧ мӧдлаӧ, видзӧдлы, тан дзик абу миянлӧн кодь, ставыс мӧд нога. Но кыдзи бӧр воӧдчыны асланым нюрӧ, ог тӧд, – майшаси ме.

– Колө мыйкө вöчны! Тадзитö миянöс воштасны.

– Вай медводз лэччылам ты дорас да юыштам, – вöйи сылы.

Но кор матыстчим, некутшöм ва эг аддзöй. И тыыс, буракö, миянлы сöмын вержитчис.

– Видзöдлы, видзöдлы! Эстөн кодкө быттö югыд платтьöа вуджöртис, – индис Ёля. Ме видзöдлi сэтчань, но некодöс эг казьяв.

Но мыйлакö пыр жö казьяшті некымын лун сайын аддзылöм дуда платтьöатö.

– Тайö вермас лоны эсйö!

– Коді?..

– Да аддзылі... некымын лун сайын кузь платтьöа нывкаöс. Сідзкө, колö корсьлыны. Чайта, öні миянлы вермас отсавны сöмын сйö.

– Кыдзи? Кок туйсö öд миянлы эз коль.

И ми мöдöдчим корсьыны Дуда Платтьöаöс. Тайö здуксяньыс ме да Ёля костын сылөн лои татшöм ним.

Неыджыд чурк йылын сулаліс гажа яг. Воим сэтчö, пырим. Туй ни ньöв. Восьлалам полöмпырысь, и быд здукö виччысям, вот öні кодкө петас кутшöмкө пу сайысь и сёяс миянöс.

– Ёля, видзöдлы, мырпом тусьяс! Кытысь найö татчö воисны?

– Збыль öд, яг шöрас...

И мырпом тусьяссö туялöмön ми мöдöдчим водзö.

– Ёля, тайö Дуда Платтьöаыд таті мунöма! И öні ми вермам аддзыны сйöс.

Дерт, польштім, но мöд туй миянлы эз воссьы. Коліс öд кытчöкө петны. Ме вежöрті тадзи: ми дöзмöдiм вöрса нывкасö, и öні сйö миянöс новлöдлö. Дерт, визьсö вуджны эз ков. А öні сёрнин каитчыны.

Коркө ми водзын пуясыс быттö вешйисны, и син водзö петкöдчис латшкөсіник керкатор.

– Тайӧ и эм сылӧн оланіныс? – юалис Ёля. – Ме сэтшӧма кӧсья юны.

– И ме кӧсья. Вай пыралам керкаас.

Пырим. Мегыр кока пызан шӧрын сулаліс наберука, но сійӧ эз вӧв чукійӧн тыр. Буракӧ, нывкайдлӧн и киссялӧма вотӧсьыс, – гӧгӧрвоим ми.

Видзӧдласӧн гӧгӧрті керка пытшкӧссӧ: лабич, джадж, нейдждьд пелькиник кудъяс да кӧрбъяс. Но медся ёна чуймӧдіс ӧшинь дорас сямӧд дозмукин сулалысь дзоридз. И сійӧ вӧлі тувсов енеж рӧма. Татшӧм дзоридзсӧ ме ӧнӧдз некор на эг аддзыв. «Тайӧ абу муыввса, – думышті ме. Тайӧ, дерт, енеж видз вывсьыс... А збыль кӧ ӧні ми сэнӧсь?..»

А Ёялы шуи:

– Тэ кывліл татшӧм чӧв-лӧньсӧ? Тан весиг лэбачъяс абуӧсь. Вӧліны кӧ, эськӧ шыасисны. И ваыд тані абу. Вай ӧдійӧджык петам.

– И кытчӧ, сідзкӧ, мӧдӧдчам?

Тайӧ кывъяс бӧрас кыськӧ сынӧдсьыс миян водзӧ петіс содз тыръя юкмӧс. Ми кыв шутӧг сибӧдчим сы дорӧ да пӧттӧдз нылалім ыркыдсӧ. Татшӧм чӧскыдӧн ваыс некор на эз вӧв.

Сідзкӧ, Сійӧ тані, сӧмын оз петкӧдчы миянлы.

– Дуда Платтьӧа, тайӧ тэ?

Но менам лов шы йӧлӧгаӧн разаліс гулыд яг морӧс кудйӧ.

– Атьӧ...

И йӧлӧга нуис лов шыӧс яглӧн быд пельӧсӧ. И сувтіс чӧв-лӧнь.

А сэсся вӧрпу йывсӧ вӧрзъӧдіс тӧвру визув, и меӧдз воис: тайӧ нывкаыс – шувгей*...

И кодкӧ кӧнкӧ быттӧ кыліс тайӧ мӧвпсӧ: другысь пӧлыштіс тӧв ныр, да сэтшӧм вына, мый ми ляскысим му бердас. Пуяс нюклясисны, увъяс чегъясисны да лэбисны тӧв бӧр. Вот-вот и миянӧс босьтас да чаг моз лэбӧдас код тӧдас кытчӧ.

Кор лӧнис, ачым ачымӧс эг кыв, сӧмын шуалі:

– Кора прӧща. Эг кӧйы мырпомтӧ босьтны. Лэдз мунны гортӧ.

Тайӧ кывъяс бӧрас воис еджыд лэбач. Абу гулю ни абу байдӧг. Дивӧ кодъ лэбач. Кытшовтіс ми гӧгӧр да шынь кайис енежас. Сы вылӧ видзӧдӧмӧн и ми мӧдӧдчим.

Со и ягыс нин помасис, лӧз ты дорад воим. Ӧні кыдзкӧ колӧ асланым нюрӧ воӧдчыны. Но кыдзи? А еджыд лэбачыд бӧр лэччис му вылӧ, кытшовтіс ми гӧгӧр шонді паныд да шпоркнитіс вывлань. И та бӧрын сявкнитіс шонді.

– Шонді! Ёля, шонді!

Восьті синмӧс и аддзи, мый, вӧлӧмкӧ, сулала асланым наберукаяс дорын. И коркӧ ӧд удитсьӧма тыртны.

Мый тайӧ вӧлі?..

– Вай нин гортӧ мунам, – шуис Ёля. – Керч туруныс дзикӧдз кольмӧдіс.

«Ӧні позьӧ и гортӧ, – мӧвпышті ме. – Дуда Платтьӧакӧд коркӧ бара на аддзысьлам».

*Шувгей – уд. нечистая сила.

Кунтэя* нывъяс

Войнас вѳталі Дуда Платтьѳаѳс – синмыс вѳлі видзвывса дзоридз кодъ кельыдлѳз.

– Мыйла локтін? – юалі ме. – Мун!

И Дуда Платтьѳа ру моз сыліс.

Садьми. Вѳлі водз на. Мамѳ чуймис, а сѳссия шуис: «Гашкѳ, талун бара ветланід. Ёляыдкѳд. Луныс мича. Оз зэр. Тѳрыт тай бура уна вотѳстѳ вайинныд».

Дерт, татшѳм вѳт бѳрын нюрѳ эз кыскы.

Но Ёлякѳд...

Ѳні

Ме нинѳмысь эг пов.

Шондѳ югѳр окалѳ васѳ, пельыс лоптъяслысь уджалѳмсѳ. Ловлы окота мѳдлапѳлѳ, рапаньяса берег дорѳ, кысянь котѳрѳн сорѳн каан вужляа веретясѳ и веськалан... мырпома нюрѳ нуѳдысь ордым вылѳ.

Кутшѳмкѳ кад мысти Ёля пондѳс копрасыны туся-тусья. А ме сулалѳ и чѳвталѳ син видзѳдласѳс: кытчѳ корасны мичаджык тусьясыс, сѳтчѳ и мунам.

Друг тыдовтчис зарниѳн ымралысь дѳтор.

Чуньясным асьныс пондѳсны тѳрыба босьтавыны вотѳссѳ. Кутшѳмьяскѳ, вывтѳ воѳмаыс, войтышталѳсны нюр соддзѳ.

Сѳссия тѳвзис, и миян пельѳдз воисны ылыс гѳлѳсьяс.

– Мый тайѳ? – бергѳдчис мелань Ёля.

– Оз-ѳ сьывны кодьяскѳ?

– Нюрас? – тешкодья видзѳдліс сѳйѳ.

– Сѳдзкѳ, гашкѳ, лѳбачьяс...

– Ветлам видзѳдлам, – кывкѳрталѳс Ёля.

И ми мѳдѳдчим гѳлѳсьяс вылас.

– Су-лав! – шѳпкѳдѳ ме, кор аддзи нюр шѳрын йѳктысь гѳрд кунтѳя нывьясѳс – ки киѳ кутчысьѳмѳн шондѳ паныд ветлісны кытшѳн да кикимеритчисны.

– Дуда Платтьѳаыс сѳні жѳ? – юалѳс Ёля.

– Тайѳ вѳрсясыс повзьѳдчѳны. Вай ѳдѳйѳджык вешьям татысь!

Ѳти на пиысь, буракѳ, казяліс миянѳс, мыйкѳ шѳпкѳдѳс орчаыслы. Налѳн кокни серамыс йѳлѳгаѳн разалѳс нюр пасьтала. Тѳдлытѳг ми воим нывьяслѳн кытшѳ. Найѳ нѳшта на ѳна ыззисны: пондѳсны чамавны да лѳкысь гигзьѳмѳн йѳктыны ми гѳгѳр.

Ми быттьѳ веськалім бипурьяс пытшкѳ – сѳтшѳм ярьюгыдѳсь вѳліны налѳн кунтѳяйясыс. Нывьяс водзѳ сѳмын ыззисны. Кутшѳмкѳ здукѳ ме вежѳртѳ, мый найѳ миянѳс... кытчѳкѳ нуѳны: ки ни кок оз кывзысь, му веркѳсѳ инмѳдчывтѳг тувчалѳ на бѳрся.

«Нинѳм али мый оз сувтѳд найѳс?!» – горзѳс ме пытшкын вермытѳмлунѳй. И тайѳ здукас кѳнкѳ гыпмуніс мыйкѳ. Джуджыдсьыс-джуджыд пожѳм пѳри либѳ кодкѳ вынѳн вачкис енѳжас ѳшалысь кѳрт пѳданѳ... И таысь тур-тар повзисны гѳрд кунтѳя: ѳвтыштісны ковта сосьясананыс, пѳртсисны чуднѳй лѳбачьясѳ да воштысисны морт син улысь.

Ми Ёлякѳд колим кыкѳн. Кок уланым лайкьяліс кадья нюр. Кытчань мунны?

– Гашкѳ, Дуда Платтьѳанымѳс чукѳстлам да? – юалѳ ме.

ДУДА ПЛАТТЬӦА. ВИСЬТЪЯС

– Колӧкӧ, сійӧ миянӧс и шувкӧдіс татчӧ. Корам, да бара биа синъясыс локтасны. Вай кызкӧ асьным нин петам! – вӧзйис Ёля и тайӧ здукас кок чӧрйӧдзис вӧйи кизьӧр няйтас.

– Ёля! – горӧді ме. – Мыччы китӧ!

Ёля тшапкысис сойӧ, но кадйис здукӧн нылыштӧс коскӧдзис.

– Варччы, варччы мелань! – горзі ме. Но сійӧ весьӧпӧрис, а менам эз тырмы вынӧй.

Но киӧ коли на сълӧн кыис. И бӧръя здукас горӧді:

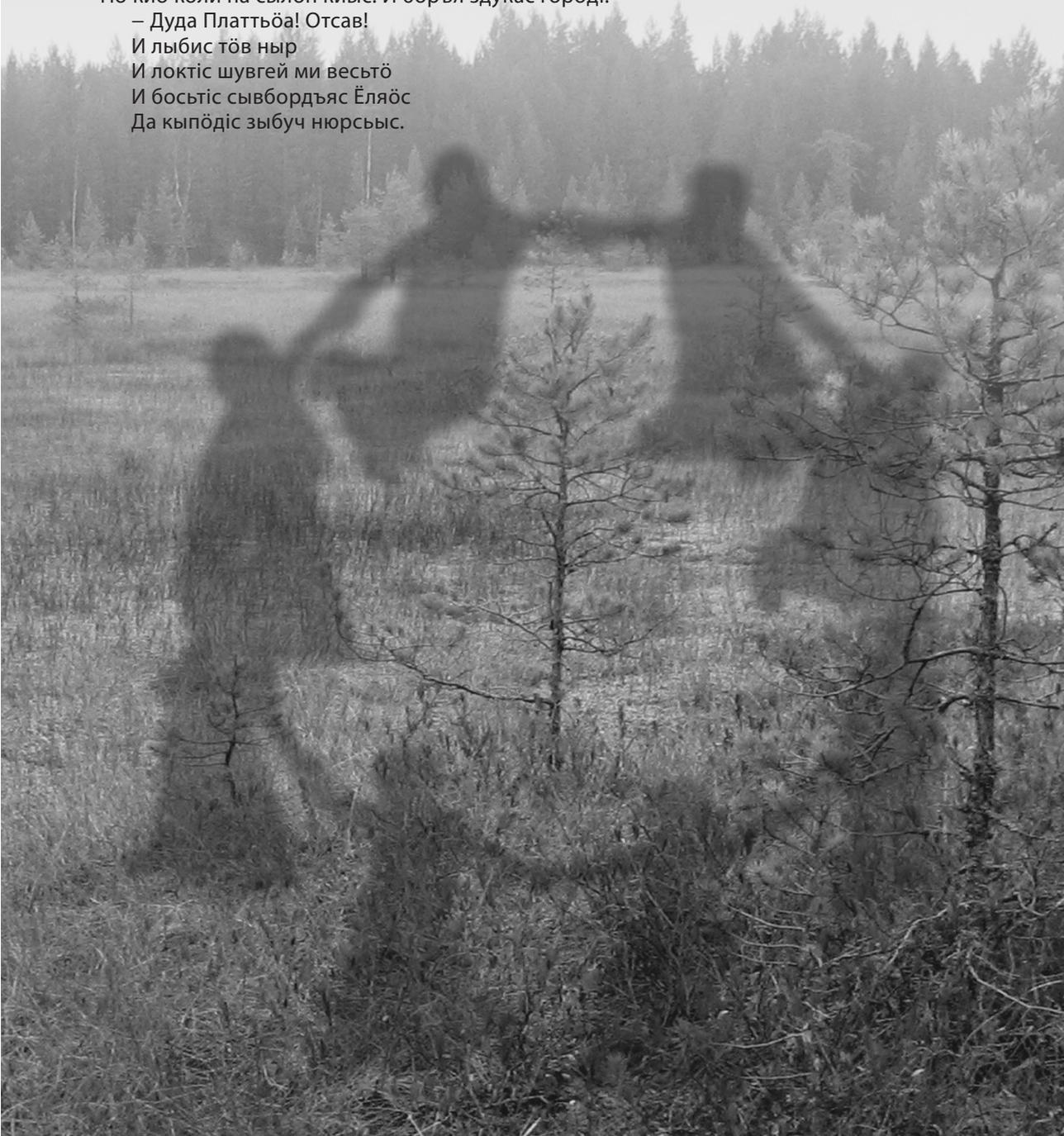
– Дуда Платтьӧа! Отсав!

И лыбис тӧв ныр

И локтӧс шувгей ми весьтӧ

И босьтӧс сывбордъяс Ёляӧс

Да кыпӧдіс зыбуч нюрсыс.

Топоди ас бердө котасьом, повзьом Ёляос.

– Ёлюк, колө тэрмасьны.

И ми кызкө кужтома тувчаломон вуджим нюрсө. Воис яг.

– Колө сюся видзөдны. Дуда Платтьоайд кө өні отсалис, и водзө оз эновт. Колө корсьны кутшөмкө пас.

– Видзөд, видзөд, – вашкөдис Ёля, – кутшөмкө ичөтик шор. Гашкө, сийө мянөс петкөдас?

И збыльысь, яг веретясө вомоналис сөн кодь дзоляник шор. Другон он на и казьяв сийөс.

– Кытчөкө сийө быть петас – кутшөмкө юө. Вай вөтчам сы бөрся!

И ми мөдөдчим. Быд шонди югөр гажөдлис мянлысь туйнымос – дзирдовтлис сир войтөн и ва дзольөбөн.

И регыд ми петім шор вожаланінө.

– Атьё, муса шорой, вайөдін мянөс!

Ёль берегыс вөлі пырзьөма баддьөн да нитшкасьём пөрысь пуясөн. Кайим яг веретя вылө да ва туйсө видзөдөмон кыпыда мунім водзө. Дыркөд тадзи мунім. Сэссия коркө аддзим – ёль вомөныс бадь вожьясысь кыом пос кодкө нюжөдөма. Бытьё и морт кион вөчөмтор, но кутшөмкө тешкодь.

Вуджим поссө, воим мөдлапөлас. А сэни, бадьяс саяс, отасьыс-ота катшасина видз шылькнитчөма. А видз саяс нывка юркытш кыө.

– Ёля, ми тай тані абу өтнанымось! Со, Дуда Платтьоайд!

– Но, вай сідзкө мунам, юалам туйсө.

Ми полөмпырысь мөдөдчим Дуда Платтьоалань. Но, мян чайтөм серти, мыйөн матөджык сибөдчим сы дорө, сийө пыр ылыстчис и ылыстчис.

А виддзыс вөлөма помтөм! Эг и суөй вөрса нывкаөс, дай сийө, көнкө, эз и көсьы мянкөд аддзысьны.

Пырим ягас. И пондім казьявны өтикөн-өтикөн уськөдалөм катшасиньяс. На серти и петім недыр мысти асланым нюрө. Öнi колiс аддзыны на берукаясьнымос.

– Ёля, вай сувтовкерлам. Виччысьлам кадсө.

Ми сувтім да чөв усим. Шондыс катовтчыны нин пондiс аслас позйө.

А сэссия мян син водзө кыськө петiс келььдлөз лунтутув. Чуйми: татшөм жө рөма вөлі менам вөтө волөм Дуда Платтьоалөн синмыс. И кыв шутөг воськовті сылань. Ёля здук-мөд падьялис, сэссия мөдөдчис ме бөрся. Ми восьлалім и радлім. И сэтшөм гажа лои нюрыс.

Эг и төдлөй, кызди воим вотчанінө.

– Со и на берукаясьным! Атьё тэныд, лунтутув!

А сийө пуксис Ёлялөн на берука вуг вылө и оз лэб, бытьё водзө виччысьмө мыйкө.

– Сылы абу на окота мянкөд торйөдчыны, – шуис Ёля.

– Тайө, көнкө, и эм Дуда Платтьоайдлөн лолыс, – горөдсис менам, и сийө бытьё кылис, воштысис кытчөкө. А ме аскежысь мөвпышти: «Воас лун, и коркө бара на аддзысьлам тэкөд, Дуда Платтьоа!»

**Кунтэй – уд. сарафан.*

ДУДА ПЛАТТЬӦА. ВИСЬТЬЯС

Енэжлӧз дзоридзьяс

Дуда Платтьӧа лӧня пукаліс коз пу улын да шогсис. Сы понда, мый сійӧ сэтшӧма нин велавліс, кор кодкӧ да кодкӧ воylvлӧ нюр вылӧ. А тані кымынкӧ лун нин некод весиг эз вуджӧртлы. И нывъясыд оз нин волены. Дерт, мырпом вотан кадыс коли, а турипув сӧмын на гӧрддзасис. Дуда Платтьӧаӧс ӧні нинӧм эз гажӧд.

Неылын больӧдчис зэръяс бӧрын туӧм шор. Дуда Платтьӧа нӧшта недыр шогсьыштіс, бергӧдчис ас гӧгӧрыс да чериӧн чеччыштіс шор визулас. И тадзи сійӧ воӧдчис Койсянӧдз. Тані берег пӧлӧныс вӧліны уна рӧмӧн сералысь пыжъяс. Изъя ӧзынсянь кадысь кадӧ ва вылӧ петалисны мога йӧз: коді турунла, коді чериасьны. И локтіс сэтчӧ веж юрсиа нывка.

...Водз асылӧ мӧдӧдчи мӧдлапӧлӧ. Рытнас кывлі, ӧмидз пӧ кисьмӧма нин. Кӧсйи аскӧд босьтны и Ёляӧс, но сійӧ мамыскӧд мунӧма Ку дорӧ гӧрд сэтӧрла.

Лэччи Койсянӧ, пыж дораным матыстчи. Видзӧда: вомлӧсӧн пунктӧм пӧв вылас куйлӧны енэж рӧма дзоридзьяс. «Кытысь нӧ тайӧ?..»

Дзоридзсӧ эг вӧрзӧд. Ладмӧдчи пыж бӧжӧ да йӧткыси.

Ю чукылысь таво абу йира, сӧмын шӧрланьыс неуна визувджык. Ва ув лыаыс сералӧ шонді водзас, помтӧм шонді кӧч пӧртмасьӧ веркӧсас. Кутшӧм эськӧ лӧсьыд лов вылын, но тайӧ дзоридзьясыс... Он и тӧд, мый ӧні думайтны... А абу-ӧ тайӧ вӧрса нывкасяньыд юӧр?!

Вои мӧдлапӧв берегӧ. Кайи видз вылас. Сы гӧгӧр и вӧліны ӧмидз кустъясыс. «Тан воччышта дай, пыдӧ ог и пыр. Ю дорад век нин гагаджык», – такӧді ачымӧс.

Медводдза нырыс воёма нин. Гырысь тусьясөн сярвидзё шонді водзас. Некумынөс пукті вомё: «Ак, кутшөм чөскыд!» Эрдсё гөгөртигмоз быд куст дорё матыстчылі, а сэсся пыри пыдөджык.

Кыддза рас заводитчис. И том петасьяс костөд котөртис чукуля-мукуля ордым. Ме весь чуйми: «Коді нё таті ветлө?» И сійө жё здукас сетчи ордымыслы. Кокьяс асьныс котөртисны вөрпыдіас.

Код нё тадзисё ворсөдіс? Эг и казявлы, кыддза рас бөрын воис пожөма яг, а сэсся веськалі козьяинё. И петкөдіс ордымыд нюр дорё. Другысь сувтовкери: пырны-ё, абу-ё?

Пырөмөн тшөтш пондісны воавны мырпом тусьяс. И ылөдлісны менё – пыдөджык и пыдөджык. А сэсся... нюр синьяс гөгөр пондісны мыччасьны енэж рөма дзоридзьяс. «Тайё дзоридзьясыс өд и вөліны пыжам. Сідзкө, Дуда Платтьёаыд татысь найөс өктө?» Видзөдлі гөгөр: «Дивё тай! Нюрыс тырөма лөз дзоридзнас». И збыльысь повзи: «Тадзи өд оз овлы! Либө Дудаыд... көнкө орччөн?!»

Видзөдласөн понді корсьны нюрысь петанінсё, но чукуля ордымыд некөн эз төдчы – водзын сулаліс тшем яг. Гөгөрвои: тайё вөрса нывкаыд эз көсіы лэдзны ас дорсьыс.

«Меным колө быть мунны, Дуда Платтьёа!» – горөді сылы. Но воча – шы ни ру. А сэсся видзөдлі на берукаам, а сэні... мырпом пыддиыд... тув моз сулалысь веж нурьяс. Босьтчи шыблавны, а найө кыськө петісны и петісны.

Яг пыр туй эз вөв. Но колө вөлі кодарөкө мунны. И полөмпырысь мөдөдчи шөпкөдчысь пуяс костөд. Муні дыркодь. Ни шор визьөг ни ёль вурис эз паныдасьлы. Кутшөмкө здукө яглөн ыргөн пучерьяс костөд дзирдовтіс мыйкө, и сы ни садь уськөдчи сылань. Вөлөмкө, нэмөвөйся яг керка өшиньё шонді югөр инмөма – сійөс и казялі пуяс костөд.

Матыстчи. Пырны-ё-абу? А Дуда Платтьёаыд кө сэні? Либө вөрса нывьясыс? Полөмпырысь, но восьті өдзөссө. Пызан саяс, меным мышкөн, пукаліс ныв. Косіник. Джынсыа, югыд дөрөма да еджыд чышьяна.

– Ёля!

И топөді ас бердө.

– Ёлюк! Кутшөм бур, мый аддзысим! А ме өд туйсө вошти. Кыкөнтө кызкө петам нин! – тэрыба шуалі ме. – А тэ кызди татчө веськалін?!

Бергөдчис да видзөдліс ме вылө сэтшөм синмөн, быттьө медводдзаысь аддзис. «Да тайё өд абу Ёля!» – воис менам вежөрөдз. Йөтки сійөс ас дорысь да котөрөн петі ортсө. Кокьяс нуисны код төдас кытчө.

Друг кодарсянькө пондіс кывны бөрдөм шы. Сувті. Кывзысьышти. Вөлөмкө, кылө орчча пожөмсянь. Матыстчи да сывьялі, и сійө лөнис.

Водзынджык бара кодкө бөрддзис. И бара пу вөлөма. Сывьялі и сійөс. Тадзи пу дорысь пу дорө котөртөмөн лөньөді найөс. И регыд петі чукуля-мукуля ордым вылад. И кор нин лои ягыслы мышкөн, пуяс шызьылісны да дөвөльпырысь ланьтісны.

Чукуля-мукуля ордым петкөдіс кыддза раскө, а сэтьясьны кокниа нин вои пыж дорө. Лөз дзоридзьяс эз вөвны. «Гашкө, төвруыс разөдіс, а сэсся ва визулыс нуис кытчөкө?..»

Но кор вои гортө, лөз дзоридзьясыд вөліны восьса өшинь дорын. И коді найөс вайөма татчө, некод эз куж висьтаваны.

Тамара Ососова

Ососова Тамара Ивановна родилась 26 ноября 1951 года в деревне Чугаево Кудымкарского района. Училась в Корчëвнинской восьмилетней школе, затем окончила Пермский сельхозтехникум. Четыре года работала и продолжила учёбу в Пермской сельскохозяйственной академии, получила высшее сельскохозяйственное образование.

Стихи стала писать со школьной скамьи; более 100 песен с её призывениями, половина на пермяцком языке. 15 песен в репертуаре Корчëвнинского хора. Много лет посещает литературный клуб города Кудымкара. Её стихи печатаются в журнале "Парма ру", в газетах "Кама кытш", "Парма", "Иньвинский край". Выпущено со стихами и рассказами 13 книжек, последняя книга – "Ангелочек".

Кор енэжыс воссис: Т.И. Ососовакөд сёрни

Галина Ведерникова: Олём чөж ми аддзысьлам уна йёзкөд. Кодёскө вунёдам некымын лун мысти, а кодкө кольё сьёлөмад нэм кезлө. Но, буракө, вөвлөны сэтшөм аддзысьлөмъяс, кодъяс вермөны вежны верстыө мортлысь оланногсө да видзөдлассө. Неважөн на ми, Ен төдтөм государствовын быдмөм йёз, эг көсийö кывны кутшөмкө тунъяс-төдысьяс, көлдунъяс йылысь, и весиг шензим, кор мян төдсаясысь кодкө эскис вомидзө, ветлис бурдөдчыны эз поликлиникаө, а төдысь дорө, лыддим тайөс йөйталөмөн, да пöрысь баб сөрөмөн. Во кызь сайын, кор пуктыльтчис став олөмыс, вежсис идеология, унаөн зэв кокныда дзик мөдарө бергөдчисны, кутисны эскыны быд гөгөрвотөм выныслы. Öнi найөс шуöны сьөд да еджыд магъясөн, экстрасенсясөн да сiдз водзө. На дорө шыөдчöны, эскöны, мый вермасны вежны мыйкө бурланьö, эрдöдны лөк вынъяс. Гөгөрвоана öтитор: и ёна важөн и öнi пыр вöлины йöз, кодъяс вермисны сийөс, мый оз кужны унджыкөн, найö аддзöны сийөс, мый мянанысь дзеваса, и вермасны вöчны лөк ли бур. Быд культураын татшөмыс вöли, а комяслөн тунъяс да төдысьяс йылысь славаыс мунис ылөдз. Найö эз сöмын вöчны шензьөданаторъяс, найö вöлины войтырлөн юрнуөдысьясөн, налысь олөмсö веськөдысьясөн. Виль эскөм паськалөмөн вочасөн бырис налөн властыс, но төдысь йөзис пыр вöлины и колины, сöмын найö эз эрдöдны асьнысö явö. Тамара Ивановна Ососова татшөм морт костысь. Сийö олө Кудымкарын, гижö кывбуръяс, та йылысь и мян ськөд сёрниыс. Медводдза здукьясьянысь шензьөдiс тайö мортис, мый окота вöли сёрнитны и сёрнитны ськөд, төдмавны öнөдз төдлытөмторъяс. Öнi Тамара Ивановна оз уджав, но сийö бурдөдö йөзöс, оз весиг бурдөд, а висталө, кызди колө овны, мед дзоньвидзалунуд дзикöдз эз быр, а омоль кө, кызди сийөс бурмөдны. А мыйсянь сийö заводитчөма, сэтшөм олөмыс?

Тамара Ососова: Еныс меным сетöма öддьөн ыджыт дар – любитны быдöс, мый эм – природа, отирöс, и сiя сэтшөм ыджыт чувствойс, сийö колө нуны быд лун, сiя абу сьöкыт, сiя öддьөн бур, сы пора тэ чувствуйтан асьсö, кызд мыйкө небыт тэ телоö

пырö. Тэ төдан, мый сьылöны кайез, вежöртан нылись сьылöм, мый думайтöны морт-тэз, мый турунок думайтö, пуок, вежöртан быдöс, мусö вежöртан. Ме көр вöлі учöтик эшö, мусö ме пыр любити и окалі. Меным öддьöн гленитчис: мусö гöрасö и пар петö – ме сэки котöртлі и водлі, и сійö окалі. Сідз жö радейта природасö, кыз ассим ай-мамöс. И мейн быдöс öтласа. Ме ола ыджыт мирын – и небоыс менам, и муыс менам и му пытшкыс менам. Ме уна кужа, но ог пользуйтчы. Мукöдыс менö шуöны колдунняöн.

Галина Ведерникова: А тиянлы абу öбиднö, мый тиянöс сідз шуöны?

Тамара Ососова: Öддьöн öбидно вöлі. Миян народыс воспринимайтö мирсö торийöн: умольсö, потом бурсö. Ме надейтча, мый кор-нибудь ния пондасö вежöртны менчим бурсö.

Галина Ведерникова: Ме нин казтылі, мый олöмсö нуöдысьяс коми йöзлөн буретш татшöм и вöліны. Но воис кад, кор важ бурыс вушйис йöз вежöрысь. Найö вунöдисны асьыныс нэмöвöйся оласногсö, да весиг кутисны повны татшöм йöзсьыс. Вöтлісны найöс ылöджык оланінъясьыс вөрö, и сэні төдысьяс олісны ас кежсьыс. Гежöдика кодкö да шыödчыліс на дінö, кор некод нин эз вермы мортлы отсавны, и отсöгыс пыр вöлі. Со кытысь Ёма баба йылысь мойдъясьыд, коді олі вөр шöрын сюзьяскöд да ракаяскöд. Сöмын йöз вежöрас сійö абу бур вöчысь, а сьöд вына морт.

Тамара Ососова: Одзжык отирыс мирсö быдöс төдіс, ния чувствуйтисö, уважайтисö, радейтисö. Ния вöлісö öтик. А потом, кор ния мунисö, и кольччисö томпөлöс, нылö кажитчыны пондис, что сідз сьöкыт овны, и ния пондисö простöя öддьöн овны, не сідз, кыз правильно. Көркö ми велöтимö быдöс, Енлö паныт. Көр меным тырис кыкдас кык, быдса год меным мунис сэтшöм поняттё, что ме раба Божья, и ме сідз эг примит.

Колис бара во джын, и мирыс бара шуис Тамаралы: «А көсьян лоны ендзирдөн?» и Тамара шуис: «Кöсья!» И воссис енэжыс, и аддзис сэтшöм мича серпасьяс.

Небоыс меным оссьыліс учöтсьянь. Сэтшöм басöк картинаэз оссьывлісö. Ния мекöt баитисö, и меным вöлі öддьöн интересно ныкöt баитны, ме нельки эг пов мылякö.

Галина Ведерникова: А мый найö тэныд висьтавлісны?

Тамара Ососова: Ния мекöt баитисö, что менам, көр ме быдöс вежöрта, ог понды повны, оссяс ыджыт дар, и менам сія оссис.

Галина Ведерникова: Кор?

Тамара Ососова: А сія учöтсьянь оссис, но ме сійö эг вежöрт, ме думайтi, быдöс народыс сэтшöм, ния быдöс басöка адззöны. Вот кор тырис меным 40 год, ме дынö уна народ пондисö локны. Локтöны народыс, кинлісь мыйкö гусялёмась. Ния гортö мунасö, ми только юам чай, кофе, баитам. Некытшöм молитва эг лыдды, некытшöм масісь эг сувтöтлы – гортаныс мунасö – быдöс вайёмась. Конешно ме öддьöн удивляйтчи, мый сія сэтшöмыс. Вöлісö кинлөн кага öшöма, пукалыштам, баитам, видзöтам нылөн кага шогмöма. И уна-уна народыс вовлісö, и городісь вовлісö – ме сійö воспринимайтi кыздз орсöм. Ме ачым нем эг кер, ме кылі голос, мый кылі, сійö и шуи. Меным төд вылö эз кольччы нем сэтісь, быдтö каждöй асыв с чистого листа пондöтчис. Но ме ужö заранее төді – кин ме дынö локтас, мый ме сьлö шуа.

Галина Ведерникова: Йöзыс эз повны?

Тамара Ососова: Ме нылись некöр эг юав, кыздз нійö шуöны, кытись ния, меным сія эз и ков. Мукöдыс менчим юалöны, докажит пö, мый сідз. Ме шуа: дар эм дар, и торийöтны сійö оз туй. Сія сетсьö Енөн, и мортсö сійö сöстөмөн видзöны, умоль мортислö сія некöр оз сетсьы, и миян сія сетсьö наследство сьöртi.

Галина Ведерникова: Эз тэнö некод велөд, кызд тэ чужин, сідз и лоис?

Тамара Ососова: Да, менö некин некөр эз велөт, сія ачыс быдөс баитө менам голосөн. Вот меным öні мунöны стихотвореннөээз, уна ме гжи и чапки, ме эг төд примененнөсө нылись. Öтiк инька шуис: «Тэнат муніс öддьөн дона первöй зон – 24 год сылө вöлі. Он ли тэ думайт, что мирыс тэныт уна сетöма и эшö öтiк кага босьтас?» Ме пондөтчи гижны. Меным мирыс сетö не только стихотвореннөээз, не только песня – комиön и рочөн, но и сякöй математическöй уравненнөээз, геометрической формаэз. Первöй разсö сеті – не-боыс оссис и буква «н», и шуис: «Тэ öні принимаешь энергию Матери мира». Ме сійö ко-нешно уна лыдди, видзöt, но ме сійö ог вежөрт, мый сія сэтшöмыс.

Галина Ведерникова: А эн ветлы велөдчанінъясö, öні тай быдторсö висьталöны, эм кутшöмкө семинаръяс, курсъяс...

Тамара Ососова: Эг ветлы. Мортислө если кö сетöм дар, сія должөн сөстөмөн нөбөтны, только сетны вопрос, и сія локтö.

Галина Ведерникова: Кутшöм Енлы тэ эскан?

Тамара Ососова: Менам вераыс öддьөн важся. Ме думайта, важся цивилиза-цияыс миян родыс. Көркө вөлöма ведической вера. Сія ме пытшкын и эм. Кор ме кытчöкө муна, ме аслам голосөн аслым шуа: «Аминь». Быдын эм ыджыт вын, сэтісь нем оз туй чинтыны ни вежны. Выныс ёнжыкасö кыв костас. Нійö сідзжө колö видзötны да босьтны Енсянь сетöм бурсö.

Миян бур муыс, ыба да вöра!
Уна тшак да ягöд быдмö вöрын.
Видзыс басök цветоккесö вöйö –
Сымда гажыс деревня гөгöрын!

Паськыт ыббез тырсялöны сүөн,
Чöскыт дукөн гөрд клевер цветитö,
Мича шондi югөррезнас мусö
Пыма нюлө, сывьялö, любитö!

Велва ю пыр кытчöкө тэрмасьö
Ой и лун бадь кустоккес коласö,
Вына төвкөд мукөд пыр вермасьö
Сылөн туй видззез вылөт да расöt.

Туйö ли берег дорись кöзоккес
Да кызоккес сьөлөмөн вунötны,
Томся рыттэз да гажа луноккес
Лолын медбур олан дзик нүötны.

Кытшöм отир! Бур уджөн гордитчö,
Донтö ассиныт горт, берегитö.
Ась деревняыс быдмö, строитчöи
Ась кызд тулысса сад пыр цветитö!

Муна туй кузя да сё думайта,
Сідз деревняё кыскё, мый татён
Важён абу ай-мам, но ме чайта,
Мекёт ордчён пыр олоны матын!

Кыскё гортё пыр натъё и сійён,
Мыля татён, кыз пуэз, вужьяси,
Да крепитисё вера дариён,
Челядь кад костам көмтөг котраси.

Дыр ог вовлы көр – лолё маитчө,
Но пантасян бөра – сьёлөм сылө!
Донта ас чужанін и гордитча,
Гижа песняэз сылө да ссыла.

Эта чудо му шарын эм места –
Менам донася дона деревня!
Льём пу цвет пыр сія кыз невеста,
Кызд кытшөмкө томыник саревна!

Мича деревня, кытшөм жө тэ разной,
Тэнат пыр асмозён овсьё быд лун
То уджын, то гажын – славной да важной
Ас дынат кыскан, кытчө бы эг мун.

Миян деревня – топытик мыгёра,
Югыт сьёлөма, кыз шонді югөр.
Көр мича-сөстөм, көр олан кымёрын –
Быдкодь оланын тэ дона көть көр!

Тулысса ваэз да ыджыт зэррез
Оз вермё дзугны, падмөтны олан.
Быдмёны сюэз, вынсялёны вөррез
Видзез, расоккез гаж осьтёны ван.

Кылан, деревня, кыз сьылёны кайез?
Видзын нин оссис веж горадзуль.
Кытшөм эд шоньтось, гажась ойез,
Лөз-чочком рөмөн цветитө понуль.

Чөскыт ма дукөн уль руыс лолалө,
Синнэз гусялө лөз цветөн жельнөг.
Гажөн сьёлөмын бур дума бордалө,
Вөр дорын көкө чурыд гөна көк.

Гажөн лэбалёны быдкодь бабыввез
И колипкай сьылё песня ойбыт
Том бытшом зоннэз да чож мича ныввез
Крут берег дорын чулётёны рыт.

Небоыс асылён югдө, рөмсялө,
Оссё жагёника гожся виль лун.
Олө деревня – строитчө, вынсялө,
Кыскө пыр дынас – кытчө бы эг мун!

* * *

Пыр кыла ас гөгөр природакөт йитсьём,
Да ськөт, ёрткөт кыз, сёрнита.
Ветлөта вөрөт, кывза кайезлись сьылём,
И кыла – вөр менө любитө.

Небытик лымок

Бергалёмён усьё.
Небытик лымок.
Жагёника пуксьё
Да тыртё туёк.
Лымьялө-нөбөтө,
Чочкомтө өтөр,
Узёра паськөмөн
Мөдөтчөма вөр.

Кокнитик лымоккез,
Дзик чочком пушоккез,
Лэбалёны тыр
Асывсянь лунтыр.

Дзик орсө лымоккөт,
Бөбалө төлок.
Польтыштас, дзевсисяс,
Трекнитас улок.
Лым усяс, паськалас
Пуоккез гөгөр.
Төв сийё коялас,
Вайөтыштас бөр.

Небытик лымоккез,
Дзик чочком пушоккез,
Чукөртчасө зэв,
Керсьыштасө жөв.

Лым усьө и усьө
Жагөник төвбыт,
Столаэзө пуксьө
И адззө дзик вөт:
Что водө узөрөн,
Югдөтө өтөр.
Да орсө югөрөн,
Гажөтө ыб, вөр.

Кокнитик лымоккез,
Дзик чочком пушоккез,
Сывьялөны пыр
Мам-мулись вывтыр.

Арся лунок

Природаын олө быдлунся вежсьөм,
Эм кад, көр пондөтчө пу листлөн усьөм.
Бергалөмөн лэбзьоны му вылө тыр,
Бордовөй, веж, гөрдкодь листоккез лунтыр.

Рамыник төлок койө нийө гөгөр,
Дзик басөк ковөр пытшкын ыбдор да вөр.
Сэк вөрын, висьтавыны оз позь, сэтшөм бур,
Топ сы пытшкын сотчө-өгралө бипур.

Кытшөм гажа, вөвлытөм арся лунок,
Эшө зеленитө гөгөр турунок.
Шыннялө енөж, абу өтик кымөр,
Природакөт орсө быд шондө югөр.

Катшасиннэз

Видзез вылын шынъ-серома
 Бытшом, басок дзоридзоккез.
 Сьолөмшөрныс шондi рөма,
 Чочком мича лепестоккез.

Припев:

Катшасиннэз, чачасиннэз,
 Лым кодъ чочком дзоридзоккез.
 Керан дзар – гусялат синнэз,
 Югыт, читкыля юроккез.

Рам төлок дюттьөтө нийө,
 Да вөрөтө лепестоккез.
 Сьылө песняэз да кыйө
 Нылө басок чикисөккез.

Припев:

Быд дзоридз радуйтө отир,
 Сiя сэтшөм рам, төдчана.
 Гожумбыт гажөтө өтөр
 Югыт, чочком мөдөтчанөн.

Припев:

Пырся басок чочком рөмын
 Шуөм Ен тiянлө, нуны.
 Уна тайнаэз олөмын,
 Нийө сетны колө кужны.

Гожумся лун

Гожум. Мича шоньт лун,
 Орсо шондi пым югөрөн,
 И кытчө бы тэ эн мун,
 Сэтшөм гажа горт гөгөрын!

Корө дынас рөма видз,
 Чөскыт руэзөн лолалө.
 Кин нө дзингө сэтчин сiдз,
 Паськыт видз пасьта горалө?

Этö сьöд-веж балямош
 Веж цветок вылын пукалö.
 Натьтö косьмö сылөн горш,
 Цветлись чöскыт сок ньылалö.

Ылö кылö, кыз ыбшар
 Вылына енöжын сьылö.
 Öтöрын сулалö жар,
 Пыма сöстөм русö ньылö.

Ыркыт вöрын, долыт, бур,
 Пуэз вылын лист шумитö.
 Öзтөм вöйтурун бипур –
 Гөрд цветоккөзөн цветитö.

Пуэз увтын быдмөм нитш,
 Сэтөн озьягөд гөрдөтö.
 Кылö катша чу, китш-китш,
 Мыйкö адззөм да судзötö.

Вөркөт ордчөн ыбын сю.
 Быдмö дружнöя, цветитö.
 Жарыс бытьтö оз и сюр,
 Юсянь сöстөм ру ыркнитö.

Оланись

Ме радейта вөр-ва. Кытөн ме ола, гөгөр уна учөтик вөрөккес. Эмось ня и логгез дорын и чапкөм ыббез вылын. Ны пытшкын невнаөн эм быдös. Гожумөн вөр дорөккесын да кушиноккес вылын гөрдөтö озьягөд, малина, нямыр. Вөр коласын эмось и льөмпузэ, иргаэз, жельнөг, ыжман, сьод да гөрд сэтөр кушттэз. Ня сідзжө быд год радуйтöны быдкодь ягөдөн. Гожумбыт öкта вөрөккесизь тшаккес, кывза гора басök каёккеслизь сьылөм, ветлөта, радуйтча мича вөр-ваөн. Быд пельөсок менам оланінлөн ме понда дона да любо. Кыла, адзза, вежөрта и кужа сёрнитны природакөт. Меным кажитчö, что ме вөр-вакөт буржыка кужа баитны, нежели отиркөт (нылö пыр некөр, кытчö и тэрмасьöны).

Мекөт олöны быдкодь отир, рам и кын сьөлөмаось. Эмось, кин дзугö вöрын пырся олөм, сотöны вөр, уничтожайтöны пуэз, кöдзывкаррез. Неөтпыр ковсис кусötны вöрын пожаррез, ме сійö кужа керны асмоза. Да и вöрыс ачыс казьмөтчö ме пытшкын. Сотчөм местаын вились лөсьöта кöдзывкаррез, сьбөрсянь наблюдайта, примитисö ли кöдзыввез мортсянь поз, гусьöник ас пытшкын радуйтча, что кери удж кужөмөн. Тöда, кин нарoшно сотö кöдзывкаррез (а кöдзыввез ня мөдик мирись олссез, дорйöны миянös му пытшкись ыджыт радиациясянь, ыджыт дозаэз весьтын керöны аслыныс

позээз), джэндөтө ассис не только өннә, но и локтан олан.

Эмөсө отир, кин пөрөтө пуэз пес понда. Чожа вөрөккөзүн кольччасо мыррез да куштээ, томыник пипуэз да ловпуэз. Пөрөтөм пулсь отир йыв да уввез кольоны вөр пытшкө. Ме унаись убирайті ны бөрын чашья, быдкодь ёг, көдө чапкөны отир шоччисьөм бөрсянь. Нельки поснит лыс-ёг курті пуэз увтө (сідз ме кери учөтувьә горт вөрын пес кералөм бөрсянь).

Чистөй кушин местаын уна ни годдээ быдмөны веж горадуллез да дикөй герань. Нельки куим кусток горадуллезлсь ме вайи да садиті аслам учөтик карчйөрө. Быдмөны өшын увтын и быд год лягуша цветтээкөт (ме вайи нийө логись) цветитөны югыт веж рөмөн, радуйтөны син. Природа весөта не сы понда, мед шуисө, кытшөм пө бур морт, эта йылись некин оз и төд, а ас пондаись. Көр мыйкө убирайтан ас гөгөр, убирайтчө неколан тор и ас пытшкись. Кыдз ме вежөрта, мый ме гөгөр, эта менам биополе. Гусялөны, пөрөтөны вөр – зубыта пельдышө ме бердись вын. Гөгөр гажа, бур, и меным овны любо. Оддьөн бур, көр тэнат стараннөыс югдөтө олан, но ежели кинкө сийө дзугө, колө оланын кужны дорйыны асьтө. Но кыдз? Мый ме кера не сідз, что мөдік морт вермө сийө дзугны? Эта годын вөлі сэтшөм случай. Май помын гажа мича лунө ме жагөник муні лог пөлөн. Сьылісө кайез, пуэз коласөт шыннәліс шонді. Муна и думайта, кытшөм натьтө басөка цветитөны горадуллез, мөйму ния вөлісө кыдз веж клумбаэз зелөной турун коласын. Гөгөр сідзжө быдмис пушыт кустоккөзөн дикөй герань. Казявтөг пуэз сайсянь лог дорас петыштис том ныв учөтик зоноккөт. Моросодз тыр жмитис веж горадуллез. Ме пайми и эг төд, мый шуны. Кор матөжык сибөтчис, горөтчи: «Кыдз тэ вермин нетшкыны нийө? Ме ны сьөрын ухаживайті и то вовла только ны вылө видзөтны, любуйтчыны ныөн. Эд ния букетат оласө нач куим лун, не унажык. Мыйлө босьтін нылись олан?» Сия мунис одзлань гордөя, счастливөй, а ме кежи кушин дын, кытөн вөлі кольччөмась нач куим цветок... Аскөттям думайті – понда любуйтчыны гортись горадуллезөн.

А юрын бергалісө думаэз: неужто унажык отир кын сьөлөма, нылө сөравно, мый керсьө гөгөр, нийө интересуйтө дзир деньга, бур паськөм да көра сөян. А кин пондас думайтны одзланься олан йылись? Эд шуөны, Еныс пө лэдзчисьөм ни небосяняс му вылөдз и мянөс оз ни понды дорйыны. Ми пырим пырся оланө и кыдз не мянлө заботитчыны и дорйыны ассиным природа, эд мийө олам сы пытшкын. Ме пыр думайта, кытшөм только мыла да терпеннө Еныслөн, мед мянөс, асныра отирөс, видзны аслас борддээ увтын. Эд ежели ми огө вежсьө, тырмас өтік секунда, мед чышкыштны мянөс Мам-му вылись.

Морт, тэ меддона торок
Эта пырся ыджыт мирын.
Тэын эм кужөм да прок,
Дорйы вөр, тэ олан сыын!

Неважын ме пантаси инькакөт, көдакөт өтлаын велөтчим школаын, ветлім өтік классө.

Ас коласын баитчим, кыдз буржыка чулөтны пантасьөм деревня местын, көдія важын ни абу. Сы местын лоөм ыб и кольччөмась только пуоккөз, ны коласын кык кедр. Мунім ми ыб вылөт, кытөн чочком только видзисө бабапеллез, таво эта местө абу көдзөмась сю. Мунтөн баитім өтамөд коласын. Сия висьтасис, кыдз олө ойвыв ка-

рын, кытись олан гажсö адззö. Позис вежöртны – сылөн эм дача, кытөн сия быдтö быд-кодь басöк дзоридззез, радейтö природа. И ме мöдi горöтчыны, кыз донта ассим пельöсок, кытөн ола. Оськалi тэрмасьтöг, бабапеллез коласын пондiсö пантасьны и небо кодь лöз синока цветтэз: вероника (лöзьюратурун), лютик (вежурун), сиреневöй рöма дудисилькан да дикöй герань. Ме эг ешты нем горöтчыны, кыз менам тöдса инь-ка перыта нетшкöвтiс медбасöк дзоридззез. Гордöя шуис: «Ме природасö öддöн радейта, готов лов ассим сы понда сетны». Минута бöртi чапкис нiйö бөр туёкыс бокö: «Ась татчö кольчöны, öддöн ни ме нiйö любита». Ме мöдi шуны мыйкö паныт, но нем эг вермы, горшöс кыз кинкö крепыта ээлöтiс. Лоис сэтшöм недолыт, бытьтö менö кинкö летiс-вотiс. Чапкис кок увтö и мунiс одзлань. Мыйсянь сiдз керис? Туйö ли минута гажöтчöм понда нетшкöвтны да бөр чапкыны?

Эд дзоридзоккес, кыз и мийö жö, ловьяöсь, ния дыр видзчисисö гожум, а öнi бы олöны, цветитöны шондi гаж вылын.

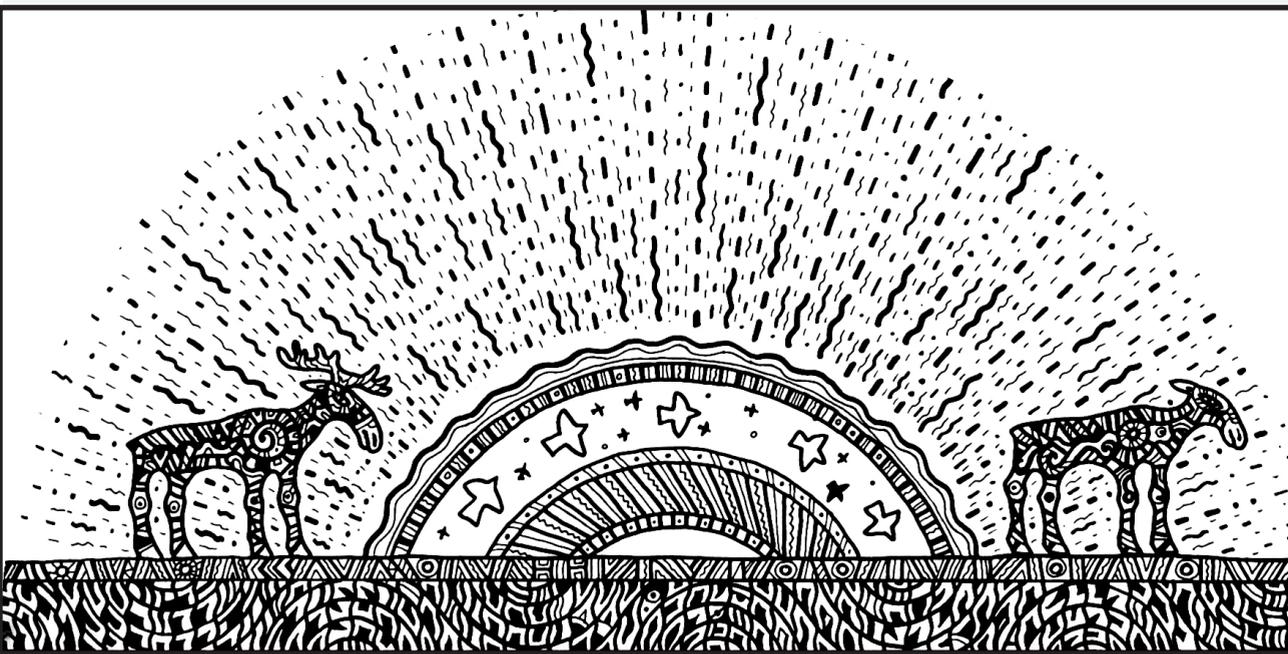
Менам жмитчис сьöлöм. Гөгөр лоис сэтшöм лөнь, нельки кайез дугдiсö сьывны. Быдöс ловьяыс, кыз бытьтö, кулавлiс, дзик ме тожö. Одзлань мунiм чөлöмөн, а вөр-валөн рöма пияноккез туй бокас лешмисö, медбөрьяис нёджджöвтiсö енöжлань и кунисö синнэз, кольччисö кувны ыб дорын. Вежöртiс ли менам ёрт, что керис мыйкö неладно, или сылö вöлi сёравно? Сiдз велалiс овны, донтiс басöксö только ас йöрись? А меным лоис недолыт, что ме эг висьтась бытшöм чужöма иньлö аслам чувствöэз йылiсь олан дын.

Кык лун бöртi миян лоас эшö пантасьöм кольöм деревня местын. Кыз öнi видзны ачымöс сы одзын? Чöвны, бытьтö нем эз вöв? Мый козьналас меным виль пантасьöм?

Куим лун бöртi аркмис баитчöм сьöртi кольöм деревняын пантасьöм. Мöдiсö локны унаөн, а локтiм нач вит морт. Перво кежалiм кык кедр дынö, кöднiя быдмисö деревня помын, сэсся мунiм одзлань, кытөн вöлiсö яблоняэз да льöмпуэз, пуксим ны увтö и уськötим тöдвылö, кыз татөн быдмим да велöтчим. Недыр мыйись менам тöдса бытшöм инь шуис: «Эдö жö некин летö татись цветтэсö, эд ны пыр видзöтчöны миян ай-мам, кöднiя абу ни эта светын». Ештiс дзир сiдз горöтчыны, кыз пуэз сайись мыччисис миян ёрт, моростыр вайис летöм цветтэз. Ме казялi, кыз бытшöм иньлөн петiсö синваэз. Кöть ме этö казялi, нем эг горöтчы, вежöртi – природа ачыс отсалiс веськötны инь пытшкын ошибка. Пантасьöм чулалiс бура.

Пожумлөн туганнэз, дзик веж масiссез
 Нюжötчöны юны неболись мич.
 Вежöртö да донтö татись олiссез,
 Природались гаж – ю, вөр, ыб да видз!

Великая Пермь

Павел Попов

студент Яренского духовного училища

Повесть о Стефане Пермском в стихах, писаная для зырян, по сохранившимся у них преданиям

/1841 год/

Из далёких Норда¹ стран
Приходил ко мне Зырян;
Было в Удоре явленье,
Всем зырянам в удивленье,
Мне подробно разказал
И просил, чтоб написал
Для Зыря[н] в воспоминанье
Это древн[е]е преданье.
Как явился к ним Стефан,
Просветил кой всех зырян.
Как зыряне убежали,
На Мезени жить пристали.
Приплыл как к зырянам Глот,
Как губил, глотал народ;
Как на лодках погибали,
Как избавиться не знали.
Как избавил от беды
Старец дряхлый и седый. //
(л. 2 об.) Истукану как молились,
Как во Троицу крестились.
Всё он, всё пересказал,
Я ему и написал².
Воздал мне благодаренье
Были той за изложение.
Будем все, сказал, читать

¹ Над словом приписано другими чернилами: «снежных».

² В конце строки знак вставки, на правом поле приписано по вертикали листа: «Я писал всё точно так, мне разказывано как», затем зачёркнуто.

И о том наверно знать,
 Что карает Бог ...ет³ снова
 И пошлёт⁴ Глота другога,

Если будем мы грешить
 И Святителя не чтить,
 Просветил кой верой правой
 Грубой их народ упрямой.
 Помнят прежде оно время,
 В кое не было им хлеба;
 Ели мох, траву, солому
 И пихтову они кору.
 Это было наказание
 За неверье, ослушанье.
 Написав, я прочитал,
 Верно! Правда! Он сказал.
 Повесть⁵ эта⁵ тем важна,
 Что истории полна. //
 (л. 3) Слушай[те]⁶ ж теперь, зыряне,
 Православные миряне!⁶

Рыба Глот

Там далёко – за Двиной
 И за Вычегдой большой,
 За болотами, реками,
 За дремучими лесами,
 Где Зырян племя живёт,
 Древний – финский он народ;
 Они с Выми убежали,
 На Мезени жить пристали.
 В самы древни времена,
 Преселялись племена
 Из одной страны в другую,
 Кто избрал себе какую.
 Надобно теперь сказать,
 Чтоб подробнее узнать,
 От чего они сбежали,
 На Мезени жить пристали,
 Где царь Удорский живал
 И народом управлял.

³ Утрата из-за механического повреждения бумаги.

⁴ Первоначально: «послать»; над строкой приписано «шлёт», но часть слова в строке не зачёркнута.

⁵⁻⁵ Первоначально: «Эта повесть», затем над словами поставлены порядковые номера «2» и «1».

⁶⁻⁶ Эти две строки приписаны другими чернилами на верхнем поле. После первого слова «Слушай» затёрты буквы и на их месте «те (?) ж». Над первоначально расположенными словами: «зыряне теперь» поставлены порядковые номера «2» и «1».

Устюг город есть Великий,
 Древний славный, знаменитый,
 В нём родился тот Стефан,
 Просвещал кой всех Зырян. //
 (л. 3 об.) Мать его трёх лет была,
 С матерью во храм как шла,
 Тут Прокопий прилучился,
 До земли ей поклонился.
 В слух сказал нада (?) тут,
 «Мать Стефана Пермска будь»
 То над нею совершилось
 Симеон⁷ детя (!) родилось;
 Шесть недель как протекло,
 Перестал сосать млеко
 Он из матерних грудей
 В продолженье постных дней;
 Через двадцать он недель
 Молоко совсем не ел.
 Мать всё это замечала
 И в секрете сохраняла.
 Он как взрос и стол велик,
 Книжну чтению навик.
 Ночью слышит повеленье,
 Чтоб привёл Зырян в крещенье.
 Дьявол, чтоб не допустить,
 Симеону⁸ то⁸ свершить⁹,
 Он внушил его отцу,
 Чтоб отвёл его к венцу. //
 Вот отец сыскал невесту,
 Хоть красиву, но не Весту.
 Так Симону¹⁰ говорит
 И жениться он велит:
 «Ты устрой семейство нам,
 Мы уж стары по летам,
 Чтобы домом управлять,
 Даст совет на то же мать.
 Полно бегать по церквам
 И молиться по ночам».
 Симеон¹¹ преогорчился,
 В думу тяжку погрузился;
 Он назвал себя скопцом

⁷ Написано над строкой другими чернилами над зачёркнутым: «И Стефан».

⁸⁻⁸ Написано над строкой другими чернилами над зачёркнутым: «То Стефану».

⁹ Исправлено из «совершить».

¹⁰ Написано над строкой другими чернилами над зачёркнутым: «Стефану».

¹¹ Написано над строкой другими чернилами над зачёркнутым: «Тем Стефан».

Пред родным своим отцом;
 Тоже мать отцу сказала,
 Словом честным уверяла,
 Что природный он скопец;
 В том уверился отец;
 Сына он благословил
 И к зырянам отпустил.
 «Отправляйся ты к зырянам,
 Грубым¹² глупым бусурманам.
 Ты их верой просвети
 И во Троицу крести. //
 (л. 4 об.) Спутник будет Уриил
 Иль священный Рафаил,
 Кой Товию провождал
 И в дороге охранял».¹³
 (л. 5) Был в восторге Симеон
 И пошёл из дому вон;
 Чтоб от всех себя сокрыть,
 Вздумал имя изменить.
 Он избрал имя Стефана
 И достиг священна сана.
 Под¹⁴ тем¹⁴ именем пошёл
 И до Котласа дошёл¹⁵,
 Где Двина река течёт,
 Вычегду в себя берёт.
 Там доныне церковь есть
 Пермскому Стефану в честь.
 К устью Вычегды пришёл,
 Там Зырян первых нашёл.
 Их¹⁶ он¹⁶ первых вразумил¹⁷,
 Верой правой просветил.
 Приходил туда¹⁸ он¹⁸ летом
 И нашёл их в месте этом //
 (л. 6) После бури шёл по берегу
 И искал себе ночлегу;

¹² В начале строки зачёркнуто «К».

¹³ Далее с помощью знаков вставки вставлен текст из 18 строк на отдельном л. 5 (об. без текста), написанный другим пером и чернилами, небрежным почерком, с исправлениями. Он заменяет текст следующих 8 строк, отмеченных чертой по левому полю: «Тем обрадован Стефан / И пошёл крестить Зырян. / Он на Котлас приходил / И Зырян первых крестил. / Где Двина река течёт, / Вычегду в себя берёт. / Приходил туда он летом / И нашёл их в месте этом». В строке с первоначальным текстом: «В себя Вычегду», над словами поставлены порядковые номера «2» и «1».

¹⁴⁻¹⁴ Написано тёмными чернилами над зачёркнутым: «С этим».

¹⁵ Исправлено теми же чернилами из: «И на Котлас он пришёл».

¹⁶⁻¹⁶ Приписано в начале строки более тёмными чернилами.

¹⁷ Написано теми же чернилами над строкой, над зачёркнутым: «Первых их тогда крестил»; ещё одно или два слова, написанные перед этим над строкой, зачёркнуты тёмными чернилами и не читаются.

¹⁸ Первоначально: «он туда», затем над словами поставлены порядковые номера «2» и «1».

Он в лесу место находит,
 Крест для памяти ставит;
 От Коряжмы недалеко (букв е),
 Так что видеть может око.
 К Сойге он оттоль пошёл,
 Добрых жителей нашёл.
 Он у них неделю жил,
 В вере правой утвердил.
 За то воздал Богу честь,
 Где и ныне церковь есть.
 Монастырь прежде бывал,
 Но приходом ныне стал.
 Намерялся возвратиться,
 Но никак не мог решиться.
 Тут нашёлся ему спутник,
 В вере верный друг-сотрудник,
 Имя спутнику Вавил,
 Кой с ним в Удору ходил. //
 (л. 6 об.) Их чрез Вычегду везут, –
 И они пустились в путь.
 Много горя претерпели.
 Что идти так захотели,
 Всё превозмогли трудом,
 Вышли в Цилебу потом.
 Встарь там городок бывал
 И татар он отражал.
 С Цилебы узрел долину,
 Населенну – не пустыню;
 То он место возлюбил,
 Там и храм соорудил.
 Сам иконы написал
 И Зырянску надпись дал;
 Он язык тот изучил,
 Бог его в том вразумил.
 Изобрёл он писмена (так!)¹⁹
 Для Зырянска языка¹⁹.
 Две иконы сохранились,
 Но читать не научились
 Эти надписи икон,
 Что писал на Вожем он.
 В Вологду одна взята,
 Точна копия снята, //
 (л. 7) И в соборе там хранится,
 Пусть кто хочет потрудиться
 Эту надпись нам прочесть

¹⁹⁻¹⁹ Написано на правом поле по вертикали листа, вставлено со знаками вставки.

И по Руски (так!) перевесть.
 Всех Стефан благословил
 И пошёл с ним в путь Вавил.
 Устья Яренги достигли,
 Чуть в реке и не погибли.
 Бог защитник и Покров,
 Он пасёт своих рабов.
 Вдруг рыбак пред них явился,
 В лодку сел, перекрестился
 И прохожих посадил.
 Сядте крепче, говорил.
 Осторожнее вы будьте,
 Рычагов взять не забудьте,
 Чтоб от льда остеречись,
 Вниз рекою не уплыть.
 Сажень²⁰ несколько отплыли,
 Льдины со сторон стеснили²⁰,
 Но не робок был Вавил,
 Смело на лёд он²¹ скочил.
 (л. 7 об.) Ну же, ну! Кричит в всю глотку,
 Пособляйте тащить лодку.
 Так тащил он²² и кричал,
 С лодкой к берегу пристал.
 Много раз он проступался,
 Много раз в воде купался.
 Богом был Вавил храним
 Со Стефаном со святым.
 Бога все благодарили,
 Что себя не погубили.
 Тут рыбак, вздохнув, сказал,
 Вот теперь беду спознал!
 Яренск было тут селенье,
 Предвещал Стефан снесенье,
 С места этого в другое
 И назначил сам какое;
 Город Яренск где стоит,
 А о старом холм твердит,
 На нём каменна часовня,
 Жаль! Что не покрыта кровля.
 Этот холм цел и теперь,
 Кто не верит, тот поверь. //
 (л. 8) Эта истина не ложь,
 Скажет всякой тебе тожь.

²⁰⁻²⁰ Первоначально строки расположены в другом порядке, но затем перед их началами на поле проставлены цифры: «2. Льдины...», «1. Сажень...».

²¹ Приписано над строкой.

²² Приписано над строкой.

Был Стефан святой в Покров,
 Протекло много годов.
 Он там памятник оставил,
 Крест за Кижмолою поставил.
 Был в том месте монастырь,
 Для мужчин и дев один.
 Монастырь тот упразднён
 И в приход преобращён.
 Вот к Гамитянам приходит,
 Их невеждами находит,
 Веры²³ правой²⁴ не приняли
 И Стефана прочь отгнали.
 Оскорбился он на них
 И оставил всех слепых.
 После в Веру хоть крестились;
 Но проклятья не лишились,
 Их доньне укоряют
 И слепыми называют.²⁵
 К Устью Выми он пришёл,
 Там упорников нашёл²⁶. //
 (л. 9) Всё досель шёл на Восток,
 А потом пустился в бок
 Прямо к Северу идти
 По неведому пути.
 Двадцать вёрст он отошёл,
 Гору страшную нашёл,
 От подошвы коль идти,
 То не менее версты;
 Он с Востоку шёл на гору
 В саму²⁷ утреннюю пору,

²³ В начале строки зачёркнуто: «Они».

²⁴ Приписано над строкой.

²⁵ В конце строки знак вставки более тёмными чернилами, чем текст. Этими чернилами делалась небольшая правка – обведение букв и т.д. Но, вероятно, затем вставку решено было сделать после зачёркнутой строки на л. 8 об. – там знак вставки сделан теми же чернилами, что и на листе с её текстом – л. 9.

²⁶ Далее в начале следующего л. 8 об. зачёркнута строка: «Они с Выми убежали», в которой уже была правка: было зачёркнуто слово «Они» и над строкой приписано слов «многи»; в слове «убежали» зачёркнуто «у» и над строкой приписано «с». Следующий текст на л. 9 и 9 об., вставленный со знаком вставки, расположен на листе большого формата (в 1о – 35,8 x 20,6) и написан небрежным почерком с большим количеством исправлений (таким же как на л. 5). Текст на л. 9 писан в два столбца, а на л. 9 об. в один столбец. Границы столбцов текста на л. 9 были обусловлены сложением всего большого листа в четверо (в четыре восьмёрки), но местами не соблюдались. Также на л. 9 об. текст, начатый писаться на левой половине (1-й восьмёрке), далее (на 2-й восьмёрке) начал далеко выходить за отогнутую границу. Для присоединения к основному блоку этот большой лист был слева подогнут примерно на 1 см. На эту подогнутую часть попадают начальные слова правки в нескольких нижних строках (и как бы примыкают к л. 9 об.), а на середине подогнутой части по вертикали листа (также примыкая к л. 9 об.) запись светлыми чернилами (скорописью более близкой к основному беловому тексту): «Писал Иван Попов». Перед текстом на л. 9, на верхнем поле над обеими столбцами запись тем же почерком: «Что-то не то!» – зачёркнута. Весь л. 9 исчеркан (заштрихован) красным карандашом, на об. по верхним строкам тем же карандашом написаны несколько неразборчивых слов.

²⁷ Написано над зачёркнутым: «ранню».

На второй отлог взошёл,
 Всю окрестность обозрел
 Он на утренней заре,
 Бывши только в пол горе.
 Тут молитву он свершил,
 Крест древесный становил,
 Этот крест цел и теперь,
 А²⁸ кто хочет, тот поверь,²⁸
 По прошествии времён
 Было много перемен;
 Та гора вокруг заселилась,
 Церковь долу появилась.
 Близ означенна креста
 Заселились все места.
 Вдруг случился тут пожар
 И объял всё²⁹ пламя³⁰ жар.
 Тут³¹ бедняк в лачужке³¹ спал,
 О³² пожаре он не знал
 И вдруг³³ проснувшись, видит пламя,³⁴
 Крестное³⁵ стоит лишь знамя³⁵,
 Он³⁶ к нему³⁷ приуклонился,³⁸
 При³⁹ подножии молился.
 Был⁴⁰ молитвой⁴¹ утомлён,
 В⁴² сон глубокий погружён.
 Вот⁴³ во сне⁴⁴ видит⁴⁵ Стефана⁴⁶.
 Блеском светлым осияна⁴⁷.

²⁸⁻²⁸ Написано более тёмными чернилами над зачёркнутой строкой: «Я сам лично его зрел».

²⁹ Буква «е» исправлена из другой буквы (из ять?).

³⁰ Написано над зачёркнутым: «сданыя» (?).

³¹⁻³¹ Написано над зачёркнутым: «Один в то время».

³² Впереди зачёркнуто «И».

³³ Вписано над строкой.

³⁴ Далее зачёркнуты две строки: «От страха замер дух (первые два слова написаны над первоначальными: «Не знал»). / Везде он видит пламя».

³⁵⁻³⁵ Первоначально: «И цело толь (?) крестное знамя». Буква «И» переправлена из «А» (или наоборот?), затем зачёркнута, зачёркнуты два следующих слова и над строкой приписано: «Стоит лишь». После этого порядок слов изменён с помощью проставленных над словами цифр 1, 2, 3, 4.

³⁶ Приписано на поле.

³⁷ Далее зачёркнуто: «он».

³⁸ Начало слова – «при» вписано над строкой.

³⁹ В начале строки зачёркнуто «И».

⁴⁰ Приписано на поле.

⁴¹ Далее зачёркнуто: «был он».

⁴² В начале строки зачёркнуто «И».

⁴³ Приписано на левом поле второго столбца.

⁴⁴ Далее зачёркнуто: «он».

⁴⁵ Исправлено из «видел».

⁴⁶ Следующая строка зачёркнута: «Блистаньем ярким осияна».

⁴⁷ Здесь кончается первый столбец текста на л. 9.

Он⁴⁸ над ним⁴⁹ будто⁵⁰ стоял
 Руки⁵¹ горе воздевал,
 Осенивши⁵² омофором
 Окружал⁵³ священным⁵⁴ хором⁵⁴,
 Им⁵⁵ указывал на крест,
 Кой поставил здесь⁵⁶ он⁵⁶ в честь
 В день воздвиженья креста,
 Чтобы знали все Христа;
 Кой от бед нас искупил,
 На кресте жизнь изтощил.
 Он на пламя указал
 И причину им сказал,
 Возбудила что огонь,
 Чтобы знали, что есть (?) он
 Наказатель вероломных
 И заблудших – непокорных,
 Чтоб узнали заблужденье
 И просили все⁵⁷ прощенье
 Во своих тяжких грехах,
 Он даёт им этот страх.
 Слушал это всё бедняк
 И рассказывал всё так,
 Как⁵⁸ видение явилось⁵⁹,
 С ним спасение случилось.
 Всё⁶⁰ прошло, пожар потух
 И пронёсся всюду слух,
 Что бедняк в огне сгорел.
 А⁶¹ не знали, что он цел
 При кресте святом остался,
 Сном приятным наслаждался.
 Все осматривали крест
 И окружность его мест.
 Крест остался невредим.

⁴⁸ Приписано на поле.

⁴⁹ Далее зачёркнуто «он».

⁵⁰ В конце слова зачёркнуто «бы».

⁵¹ В начале строки зачёркнуто «И».

⁵² Написано над зачёркнутым: «Его прикрыл он».

⁵³ В начале строки зачёркнуто «И», конец слова исправлен.

⁵⁴⁻⁵⁴ Написано под строкой, под зачёркнутым: «церковным хором», первоначальный вариант нового текста, написанный над строкой: «он ... солнцем (?)» также зачёркнут.

⁵⁵ Написано над зачёркнутым: «Он».

⁵⁶⁻⁵⁶ Написано над зачёркнутым: «Он».

⁵⁷ Написано над строкой после зачёркнутого в строке «чтоб» и зачёркнутого над этим словом написанного над строкой: «в том».

⁵⁸ Далее зачёркнут предлог «в».

⁵⁹ Написано над зачёркнутым: «своем».

⁶⁰ Написано над зачёркнутым: «Встал». (?)

⁶¹ Исправлено из «И».

Им бедняк тот был храним.
 Вкруг⁶² креста⁶³ остался круг,
 Уцелевший⁶⁴ златой луг
 С зеленью и⁶⁵ со⁶⁵ цветами
 И природными (?) красами.
 Все дивились чудесам,
 Вознося взор к небесам
 Как⁶⁶, непобудим (так!?) слава (так!?),
 Близ огня не допускать (...ла?),⁶⁶
 Чтобы Бог их не оставил,
 На истины путь направил.
 Обещались все неложно
 Жизнь⁶⁷ вести⁶⁷ всегда⁶⁸ как должно.
 Пост великой наложили,⁶⁹
 И прощение просили
 Во своих они грехах,
 Бог простил их⁷⁰, Он есть⁷¹ благ. //
 (л. 9 об.) При подошве той горы⁷²
 Появились вдруг воды⁷³
 Три источника глубоки,
 И из них пошли потоки;
 Та вода способна⁷⁴ к соли⁷⁴
 Для быту крестьянской доли.
 Вдруг работы появились,
 Люди все обогатились.
 Снова ожило селенье,
 И настало всем веселье.
 Так люд[ей]⁷⁵ Бог ущедряет
 Так убогим, возставляет.
 Чудны Божии дела!
 Честь ему за то⁷⁶, хвала!
 Там и ныне есть завод,
 Где работает народ.
 Достают там пропитанье,

⁶² Буква «В» приписана в начале строки.

⁶³ Написано над строкой.

⁶⁴ В начале строки было написано: «Вкруг», затем зачёркнуто.

⁶⁵⁻⁶⁵ Написано над строкой.

⁶⁶⁻⁶⁶ Эти две строки заключены (очерчены) в овальную рамку.

⁶⁷⁻⁶⁷ Первоначально слова расположены в другом порядке, затем над ними проставлены цифры «1» и «2».

⁶⁸ Написано под строкой.

⁶⁹ Следующая строка не дописана – одно зачёркнутое слово: «Тем».

⁷⁰ Написано над строкой.

⁷¹ Написано над строкой.

⁷² Написано над зачёркнутым: «то».

⁷³ Следующая строка не дописана и зачёркнута: «В тех водах».

⁷⁴⁻⁷⁴ Написано над зачёркнутым: «удобна для соленья (?)».

⁷⁵ Написано над строкой.

⁷⁶ Написано над зачёркнутым: «все».

Подать, обувь, одеянье,
 Но⁷⁷ от тяжести работ⁷⁷
 Тот⁷⁸ опять робщет народ.
 Как же в том им угодить,
 Разве манну с⁷⁹ неба⁷⁹ слать⁸⁰!
 Но и в том будет роптанье,
 Что одно им пропитанье.
 Разве рай с небес привесьть,
 Но и он не будет в честь.
 Был Адам их всех умнее
 И в невинности святее,
 Но и тот не смог ужиться,
 Чтобы раю не лишиться.
 Пусть живут они⁸¹, как знают,
 Нам в рассказе не мешают.
 Мы к Стефану обратимся,
 Назиданью поучимся,
 Возвратимся на Усть-Вымь,⁸²
 И пойдём оттоле с ним.
 Устьвымяне взбунтовались,
 Многие⁸³ из них сбежали⁸³,
 Укрывательства⁸⁴ искали.⁸⁴ //
 (л. 8 об.) Тот народ был зверолов,
 Он идти везде готов.
 В царство Удорско пробрались,
 На Мезени жить остались.
 Чудь их долго презирала,
 А по времени отстала.
 Чудь с Зыряны съединилась,
 Вместе идолам молилась.
 Бог за то их наказал,
 Глота – рыбу им послал.
 В устье Ирвы он явился,
 В глубине реки вселился.
 Он длины большой, ужасной,
 Рот имел широкой страшной,
 Голова с пивной котёл,
 Он глотал скотов – не ел.
 А когда захочет есть,

⁷⁷⁻⁷⁷ Написано над строкой.

⁷⁸ Исправлено из «Но».

⁷⁹⁻⁷⁹ Написано над зачёркнутым: «им».

⁸⁰ Исправлено из «прислать».

⁸¹ Написано над строкой.

⁸² Следующая строка не дописана и зачёркнута: «Стефан что».

⁸³⁻⁸³ Эта строка заменяет зачёркнутую строку на л. 8 об. – см. прим. 26.

⁸⁴⁻⁸⁴ Эта строка в конце текста на л. 9 об. повторяется и на л. 8 об.

Заревёт из водных мест.
 Пасть свою он отворяет
 И добычи ожидает. //
 (л. 10) Бьёт он по воде хвостом,
 Извиваясь сам кольцом.
 Он ревел тогда ужасно,
 Так что слышать было⁸⁵ страшно.
 А скоты на рёв бегут
 И себя в жертву дают.
 Люди отгоняя скот,
 Попадали часто в рот.
 Вот Сиротка из Зырян, –
 Из далёких с Выми стран!
 Утром вышла на реку,
 Быстру, чисту, глубоку,
 Чтоб набрать рыб из сетей
 В пищу сестр и братовой.
 В челн садится и пловёт,
 А веслом в руках гребёт.
 Челн вернулся, вмиг ко дну,
 Лодку лишь несёт одну.
 Глот схватил Зырянку в рот,
 Быстро на берег несёт.
 Тут оставил невредиму, //
 (л. 10 об.) Сам опять ушёл в пучину.
 Та девица скоро встала,
 Челн свой снова⁸⁶ отыскала.
 Рыбу выбрав из сетей,
 К удивленью всех людей, –
 И опять пловёт в селенье,
 Люди все во удивленьё
 Были тем приведены, –
 Чудом сим изумлены.
 Но не знали все причины,
 От чего Глот из пучины
 Выйдя деву не пожрал,
 А утопшую спасал.
 Там, где дева спасена,
 И часовня создана;
 Ниже Глотова селенья,
 С версту будет отдаленья.
 Создан памятник тогда,
 Окрестилась Чудь когда
 И узнали ту Зырянку,

⁸⁵ Написано над зачёркнутым: «людям».

⁸⁶ Исправлено из «скоро».

Бывшу в тайне Христианку,
 На Выми окрещену,
 На Мезень увезену. //
 (л. 11) Глот народ,⁸⁷ скотов⁸⁷ глотал,
 Никого не пропускал.
 Люди в лодках погибали,
 Глоту жертвою бывали.
 Всех объял их ужас, страх,
 Все печальны – во слезах.
 Быв в отчаяньи великом,
 Наполняют воздух криком.
 Стали думать и гадать,
 Как бы Глота им поймать.
 Вот собранье учинили,
 Жертвы идолам курили;
 Но кумир их не внимал,
 Глота страшна не смирял.
 Глотом больше пожирались,
 Страху больше предавались.
 Стали идола просить,
 Чтобы Глота истребить.
 Так им идол отвечает,
 Так их сделать научает:
 «Всех зырян переимать,
 Крепко-накрепко связать, //
 (л. 11 об.) И живых отдайте Глоту,
 Для спасения народу.
 Он их всех живых поест
 И уйдёт из здешних мест».
 Тут Зыряне побежали,
 Чуди их перимали,
 И толпами всех ведут;
 А они, увы! Ревут.
 Всех пред Бога привели,
 И Зыряне ниц легли.
 Стали жалобно молить,
 Жертвы большия сулить.
 Идол будто бы смягчался,
 А сам злостно улыбался:
 «Вас, Зырян, любя, щажу,
 Чуди твёрдо прикажу,
 Чтоб не вдруг вас изстребляли,
 Мужа и жену давали
 Каждый день на пищу Глоту,

⁸⁷⁻⁸⁷ Первоначально слова расположены в другом порядке, затем над ними другими чернилами проставлены цифры «1» и «2», и вместо зачёркнутого между ними тире – запятая.

Во спасении народу».

 Стали жеребьи бросать,

 Перваго кого отдать? //

 (л. 12) Вот и жертва уж готова,

 Умоляет она бога.

 Идол только позевнул,

 Левым глазом примигнул.

 Жертву чуди вмиг схватили

 И ко берегу потащили.

 Тут подходит к ним старик,

 Видом важен – невелик,⁸⁸

 Во очах приязнь – блистанье,

 От крестов в десной сиянье;

 Он⁸⁹ на посох опирался,

 Взором к небу обращался,

 К ним он тихо подходил,

 Речь им скромно говорил:

 «С Выми вы почто сбежали

 И Стефана презирали?

 В⁹⁰ казнь вам⁹⁰ послан страшный Глот,

 Истреблять⁹¹ чтобы народ.

 Если в Веру обратитесь

 И во Троицу креститесь,

 Истребится страшный Глот

 И спасён будет народ.

 Проклинайте истуканов,

 Сих безчувственных болванов. //

 (л. 12 об.) Голова у них хоть есть,

 Но не могут разуместь;

 Также рот они имеют,

 Произнестъ не разумеют

 Слова дельнаго, благаго,

 Кроме вреднаго и злаго;

 И с руками хоть сидят,

 Но не могут ими взять.

 Ноги также хоть имеют,

 Ими двигать не умеют;

 И глазами снабжены,

 Но им крепко смежены,

 Уши также есть у них,

 Но без пользы для глухих.

 Сокрушите истуканов –

 Сих нечувственных болванов.

⁸⁸ В конце строки знак вставки и следующие две строки приписаны по нижнему полю.

⁸⁹ Написано над зачёркнутым: «Сам».

⁹⁰⁻⁹⁰ Написано над зачёркнутым: «За то».

⁹¹ Исправлено из «Истреблять» (???)

Верьте в Бога всех Отца,
 Вас, земли, небес Творца;
 Всех питает, сохраняет,
 Всех покоит, одевает.
 Он всемогущ и могуч,
 Повелитель грозных⁹² туч.
 Если в Веру обратитесь //
 (л.13) И во Троицу креститесь,
 Вас безвредных сохранит,
 От беды освободит».

Все креститься обещали,
 Истуканов проклинали.
 Стали старца вопрошать,
 Как по имени назвать?
 «Просветитель я Зырян,
 А по имени Стефан».
 Так он Чуди отвечает,
 Своё имя объявляет.
 Тут Зыряне приступили,
 Извинения просили,
 Что он ими оскорблён,
 Дальним странством утомлён.
 Ныне нам ты пособи,
 Глота вредна истреби.
 «Вы сдержите своё слово,
 Вам прощение готово.
 Истребится вредный Глот,
 И спасён будет народ». //
 Туча грозна накатилась,
 Вся земля мраком покрылась.
 Вихрь ужасный поднялся,
 Прах до облаков взвился⁹³.

Перун⁹⁴

Удар громодержца с надзвёздного мира
 Мгновенно понёсся, мгновенно разсёк
 Незримая страны – жилище эфира
 И в область потомков Адама притёк.
 Кому из смертных, о Ум безконечный!
 Ты хочешь часть славы своей уделить?
 Кого же Перун Твой в сей миг быстротечный
 По воле державной готов поразить?

⁹² В середине слова зачёркнута буква «д».

⁹³ Следующие 12 строк написаны по вертикали листа.

⁹⁴ Приписано над строкой, также по вертикали листа, у правого поля.

Тут грянул крылатый, как светла Зарница,
 Повсюду разлился мгновенно огонь.
 Всемощна и чудна Святаго десница!
 В миг идол Зырянский исчезнул, как сон. //

(л. 14) Люди в страхе все упали,
 Нас спаси, Стефан, взывали!
 Гром ещё раз прогремел,
 И Стефан хвалу воспел
 Богу сильному – благому
 За его к нам милость многу.
 Всё в природе пременялось,
 Солнце красно прояснилось,
 Тишина явилась вдруг,
 Люди встали старца вокруг.
 Умолять все стали слезно,
 Укротил всё небо гневно.
 Он всё сделать обещал
 И Вавилу приказал,
 Истребил чтоб гнусна Глота,
 Страшна, вредна для народа.
 Так Вавило говорит:
 «Чтобы Глота истребить,
 Крюк большой железной скуйте,
 К бочке цепию прикуйте,
 Чтоб телёнка насадить,
 И так Глота изловить».
 Лишь сказал Вавило слово,
 Всё и было уж готово. //

(л. 14 об.) Вот идут они на лов,
 И телёнок был готов.
 Бочку на воду пустили
 И глаза все устремили.
 В миг явился страшный Глот
 И схватил телёнка в рот.
 Он мгновенно проглотил,
 Бочьку ко дну утащил.
 Долго сокрывался
 И народу не казался.
 Тут Зыряне осерчали,
 На Вавила возроптали,
 Что убыток причинил,
 Глота-рыбу не словил.
 Столько были малодушны,
 Что вдург стали непослушны,
 Но неробок был Вавил,

Так Зыряном говорил:
 «Перестаньте, не ропщите
 И немножко подождите.
 Посмотрите – в далеке
 Как Глот мучится на дне,
 И вода ходит кругами,
 В миг увидите вы сами, //
 (л. 15) Что Глот утомится,
 На верху бочька явится».

Лишь Вавило речь скончал,
 И бочёнок виден стал.
 Три сутки Глот бродил,
 Выбился потом из сил.
 Выбрав место помельчее,
 Он⁹⁵ плывёт⁹⁵ к нему скорее.
 Там немножко отдохнул
 И опять в воду нырнул;
 Но уж выбился из сил,
 Бочьки всей не загрузил.
 Бочька вся почти в виду
 И нейдёт никак ко дну.
 Он ещё сутки таскал,
 Но умучился – устал.
 Трои сутки Глот лежит,
 Но никто не шевелит,
 Чтобы чуда не взбудить
 И беды не причинить.
 Но смельчак – Русак Вавил,
 Так Зыряном говорил:
 «Глот теперь уже издох,
 Что таскать бочьки не мог. //
 (л. 15 об.) Сядьте в лодки и ступайте,
 Глота в глуби добывайте».

Но народ не доверят
 И никто не выезжает.
 Он Николе помолился
 И ко Глоту устремился.
 Сел он в лодочку один,
 Да семлетний чудский сын,
 Кой Вавилу полюбил
 И всегда за ним ходил.
 Взял топор и острогу
 И поехал всех в виду.
 Люди все изумевали
 И от страха содрагали.

⁹⁵⁻⁹⁵ Первоначально слова расположены в другом порядке, затем над ними проставлены цифры «1» и «2».

Вот подъехал тот Вавил,
 Острогию в лоб хватил.
 Пасть свою Глот разтворил,
 Но лежал уже без сил.
 А Вавил не доверяет,
 Острогию вновь вонзает.
 Тут чудовище смирилось
 И бездушно очутилось. //
 (л. 16) Он к Зырянам подплывает,
 И их твёрдо заверяет,
 Что чудовище пропало
 И в живых боле не стало.
 Долго ехать не решались,
 А потом повиновались.
 Двадцать лодок собралось
 И ко Глоту понеслось.
 Все за бочьку ухватили
 И на берег потащили.
 Но тащить не стало сил.
 Так Вавило говорил:
 «Вы верёвок принесите,
 Глота крепко обвяжите,
 И тащите так на мель,
 Он у вас многих поел».
 Вот верёвок притащили,
 Глота оными обвили,
 Потащили на песок,
 Но народ тащить не мог.
 Вдруг Вавил топор схватил
 И ко Глоту прискачил, (внизу «546») //
 (л. 16 об.) Стал рубить его на части,
 Люди спастись (?) от напасти,
 Тотчас с лодок поскакали,
 Топоры в руки хватали
 И давай Глота рубить,
 Части на берег носить.
 Мяса кучи натаскали
 И собакам разбросали.
 Печень взял Вавил на желчь,
 Чтобы после их изжечь,
 Дымом окурить Зырян
 Ото всех четырёх стран,
 Прах на воздух отпустить,
 Тем лукавых отгонить;
 А язык бросить в Мезень,
 Где страшил Глот всякой день,

Чтоб другой не приплывал
И Зырян не утешал.
Весь народ от удивленья
Был в великом восхищеньи.
Бочки сала натопили,
А для памяти хранили
Кости Глотовы одни; //
(л. 17) Но по времени они
Тут и там валялись,
А потом и растерялись.⁹⁶
Но преданье говорит,
Их искать в церкви велит,
Коя в Глотове селе,
На Мезени на реке.
От того селу названье.
Так вещает нам преданье.
А где Глот был погублен,
Там и Крест постановлен,
Он и ныне там стоит
И о Глоте всем твердит.⁹⁷

Люди к старцу приступили
И крещения просили;
Он их вере поучил
И немедленно крестил.
Тут пришла к нему Зырянка,
С детства бывша христианка,
Кюю Глот не поглотил,
Как Иону сохранил
От воднаго потопленья,
Чуди всей для удивленья. //
(л. 17 об.) Зрит Стефан её далёко,
Прозорливо его око!
Он её благословил
И Зырян всех вразумил,
Сколь велик Бог христиан,
Сохранил кой из зырян
Деву слабую простую,
А по вере быв святую.
Горько плакала она,
Что живёт во тьме одна.
Вот Стефан благословляет
И её так утешает:

⁹⁶ Первая буква «с» исправлена из «з».

⁹⁷ В конце строки другими чернилами поставлен знак вставки, но она отсутствует. В начале следующей строки теми же, что и знак вставки чернилами, поставлен знак равенства. Возможно, он означал, что вставка не потребовалась, или то, что здесь должен был быть пробел после окончания истории о Глоте.

«Полно, дева, не кручинсь,
 Богу Вышнему молись;
 «Чудо он тобой явил,
 Что тебя Глот сохранил.
 От водного потопленья.
 Чуди всей для вразумленья.
 Имя Ольги ты имеешь,
 Но того не разумеешь,
 Что в России крещена
 Ольга первая жена.
 Чудо Бог когда творит, //
 (л. 18) То безсильному велит
 Делать важныя дела,
 Чтоб Всевышнему хвала
 Вся в том деле относилась,
 Мудрость наша не кончалась,
 Силу сильного премочь
 И явить свою в том мочь.
 Буих, слабых укрепляет
 И младенцев вразумляет
 Важные дела творить,
 Гордость нашу посрамить.
 Бог велик – велик неложно,
 Всех чудес его не можно
 Слабым нам изобразить⁹⁸,
 Вдохновенным⁹⁹ должно⁹⁹ быть.
 Полно, дева, не кручинсь,
 Бодрствуй духом – веселись!
 Ты прославиш(ь)ся одна
 И крестится вся страна». //
 (л. 18 об.) Окрестив Зырян и Чудь,
 Сам пошёл обратно в путь.
 Дал Зыряном наставленья,
 Как снискать душам спасенье¹⁰⁰.
 Он их всех благословил,
 Ещё заповедь внушил:
 «Вы постройте храм Николе,
 И не будет Глота боле.
 Если будете грешить
 И святителя не чтить,
 Бог пошлёт болезни, голод,
 Мор, потоп иль страшный холод.
 Бойтесь Бога, не грешите,

⁹⁸ Написано над зачёркнутым: «провозгласить».

⁹⁹ Написано над зачёркнутым: «Должен сам бессмертным».

¹⁰⁰ Написано над зачёркнутым: «Прощенье».

Вновь его не прогневите!»
 Все внимали старца речь,
 Не осмеляся пресечь.
 Всё исполнить обещали,
 Слово твёрдое давали.
 Храм построили Николе,
 По его священной воле. //
 (л. 19) Долго заповедь хранили,
 А потом и позабыли.
 Стали грубы, суеверны,
 Горды, лживы и надменны.
 Бог за то их наказал,
 Глад жесток на них послал.
 Ели мох, траву солому (,)
 Ели¹⁰¹ пихтовую¹⁰¹ кору.
 С голодом тяжким¹⁰² (?) шли¹⁰² болезни,
 В¹⁰³ сёлах жители¹⁰³ (?) исчезли;
 Пусты хижины стоят
 И о море всем твердят.
 Многие в Сибирь ушли,
 Там убежище нашли.
 Там доньине проживают
 И других к себе сзывают.
 Были мразы нестерпимы,
 Сряду по три у них зимы. //
 (л. 19 об.) Много гибло по лесам,
 По дорогам и домам.
 Были страшны наводнения,
 Подмывало и селенья, –
 Церкви в воду повергались.
 И без оных оставались.
 Монастырь один там был,
 И того их Бог лишил.
 Уничтожен навсегда,
 И остатков нет следа.
 Церковь в Коптюге была,
 Но давно упразднена.
 В Веньденьге пожар изпепелил,
 Храма Божия лишил.
 Бог наказывал Зырян,
 Как неверных бусорман;
 Но они не вразумлялись,
 Суеверству предавались. //

¹⁰¹⁻¹⁰¹ Исправлено карандашом (?) из: «И пихтову они».

¹⁰²⁻¹⁰² Написано карандашом (?) над: «тяжкие».

¹⁰³⁻¹⁰³ Написано карандашом (?) над зачёркнутым: «Что деревни так».

(л. 21) Тем прогневали Святаго,
 Милосердаго, Благаго;
 Он священников отъял,
 А народ преобуял.
 Гибнут люде без крещенья
 И святаго Причащенья.
 Время им бы вразумиться
 И ко Богу обратиться.
 Жалко, жалко их душевно,
 Смилосердись, небо гневно!
 Дай нам пастырей церквей,
 Вразумили чтоб людей!
 Их хоронят как скотов
 Без напутствия даров.
 Долго ль всё это продлится?
 Гнев когда Божий смягчится?¹⁰⁴
 (л. 20 об.) Весь фиал гнева испили,
 Чары всей не осушили,
 В ней клокочет зло вино,
 Не обсохло ещё дно.
 Гнев всё больше тяготит
 И велит ещё испытъ
 До¹⁰⁵ останку¹⁰⁵ – сами дрозжи¹⁰⁶ –
 И¹⁰⁷ тогда ослабнут возжи¹⁰⁸
 Гневна в ярости судьи,
 Умягчатся¹⁰⁹ грозны дни. //
 (л. 21 – продолжение) Сжалься, Боже Милосердый,
 И не будь к нам вечно гневный!
 Гнев¹¹⁰ на милость претвори,
 Дай увидеть край зари,¹¹⁰ //
 (л. 21 об.) Благодатной и желанной,
 И¹¹¹ Стефаном¹¹¹ обещанной.
 Умягчи¹¹² черствы сердца

¹⁰⁴ Следующие 10 строк, вставленные со знаком вставки, написаны на отдельном фрагменте листа, вставленном в корешок тетради, перпендикулярно тексту.

¹⁰⁵⁻¹⁰⁵ Исправлено другими чернилами из: «И остаток».

¹⁰⁶ Написано другими чернилами над зачёркнутым: «дрозжи» (?).

¹⁰⁷ Написано над зачёркнутым «Вот».

¹⁰⁸ Написано другими чернилами над зачёркнутым и частично замазанным: «во[зжи]» (?); первоначально в зачёркнутом слове была исправлена третья буква на «з».

¹⁰⁹ Исправлено другими чернилами из: «И смягчатся».

¹¹⁰⁻¹¹⁰ Две строки приписаны на нижнем поле, их первоначальный обратный порядок изменён с помощью цифр «2» и «1», проставленных в начале каждой строки. Следующие две строки, очевидно, в то же время приписаны на верхнем поле л. 21 об., а следующие две – написаны на верхнем поле л. 22 и присоединены к предыдущим знакам вставки.

¹¹¹⁻¹¹¹ Написано под зачёркнутым: «И для падших».

¹¹² Исправлено из: «Смягчи».

Бед не видя¹¹³ всех¹¹⁴ конца (.)¹¹²
Как высоки эти чувства!
Изразить нет слов¹¹⁵ искусства.
Это пламенно моление –
Нужно свыше вдохновенье!
Зырянин тут замолчал,
Я писать больше отстал.
После время изберу,
О Стефане напишу,
Что он сделал на Выме
И по Вычегде реке.
Как на Каму он ходил
И Пермьяков¹¹⁶ там крестил.
Чердынь город есть на Каме,
В древности бывал во славе –
Пермь то древняя¹¹⁷ была
И великой названа.
Как с шаманом препирался,
Победителем остался.
Как во прорубь погружался
И в другой он оказался, //
(л. 22) Не смотря, что быстрина
На против устремлена.
Как завет Новой горел
И остался в огне цел.
Как на каменном плоту
Проплыл Выми быстроту.
Как заставил он Зырян
Наносить земли из ям
Холм высокий и крутой,
Где стоит ныне храм святой;
Пустота в том есть холму,
Неизвестно никому,
Как отверстие отыскать,
Редкости оттоль достать.
Рыть никак холма нельзя,
Вся осыплется земля,
Храм разрушится на нём
И задавит грузом тем //
(л. 22 об.) Любопытных всех людей,
Не сверша своих затей.
Если вход тот указать,

¹¹³ Исправлено из: «видят».

¹¹⁴ Исправлено из другого слова.

¹¹⁵ Написано над зачёркнутым: «и».

¹¹⁶ Первая строчная буква исправлена из прописной.

¹¹⁷ Исправлено из другого слова.

То легко можно достать;
 Где хранятся от царей
 И от удорских князей
 Украшенья их главы,
 И доспехи, булавы.
 Выходы подземны два
 Сохранились навсегда.
 После это опишу,
 На бумаге изложу.
 Нынь терпение возьмите,
 Продолженья подождите.
 Тут прибавится немало,
 Царство Югров где бывало,
 Где цари древле живали,
 Как народом управляли.
 Укажу вам Княжпогост,
 Где селенье и погост. //
 (л. 23) Мыс Царев вам укажу
 И подробно опишу.
 Устьвыма ещё коснусь,
 Тут немало разъяснюсь.
 Время много изменило,
 Но преданье сохранило.
 Если это умолчать,
 То нельзя совсеми знать,
 Где и что бывало встарь, –
 Где построен был алтарь –
 Над берёзою чудесной,
 Для Зырян не неизвестной,
 Что Стефан кою срубил,
 Храм над ней соорудил.
 Той берёзе поклонялись,
 К ней толпы людей сбирались. //
 (л. 23 об.) Соболей, бобров, куниц,
 Белок, розсамах, лисиц,
 И медведей и волков,
 И других родов зверьков
 В жертву первых отдавали,
 На берёзе оставляли.
 А¹¹⁸ язычники – шаманы
 Прибирали их в карманы.¹¹⁸
 Как Епископство снискал¹¹⁹,
 Где Епархию создал.

¹¹⁸⁻¹¹⁸ Приписано на верхнем поле и вставлено со знаком вставки.

¹¹⁹ В конце строки знак вставки теми же более светлыми чернилами, что и предыдущий знак вставки и сама вставка и следующий знак, но текст этой вставки не прослеживается.

Сколько раз в Москве являлся,
Наконец он в ней скончался.¹²⁰

Я едва не позабыл,
Как с Стефаном тот Вавил
Расставался и прощался
И во всём с ним объяснялся,
Пред отъездом во Столицу
В Мироносицу Седмицу,
Вставши рано поутру
Он пошёл к тому двору,
Где Владыка пребывал,
Всё к дороге сготовлял.
Пред Владыкой он явился,
Трижды дому поклонился,
Он его благодарил,
Что с собой всегда водил.
А Стефан благословлял (благословляя?),
Руки горе воздевал (...ая?),
Стал молитву совершать,
В путь Вавила отправлять. //
(л. 24 об.) Бог тебя благословит,
Может, свидеться велит.
Сам Вавил объят молитвой,
Он стоял с главой пониклой (.)
Вдруг лицом он просветился,
Чудным светом озарился,
И¹²¹ как огонь его объял,
Вдруг невидим тотчас стал.
Им сиял (?) Сафамил
От небесных – горних сил.
Так Стефану он открылся
И совсем из¹²² глаз сокрылся.
Бог меня к тебе послал,
Чтоб тебе я помогал
В просвещении Зырян
И других окрестных стран (.)
Сим Стефан был изумлён,
Вне себя он¹²³ приведён. //

¹²⁰ В конце строки знак вставки и на л. 24–26 об. идёт начинающееся с этого знака продолжение текста более небрежным почерком вставок, светлыми чернилами. Первоначальное завершение всего текста – шесть строк до конца л. 23 об. зачёркнуты: «Всё подробно расскажу, / На бумаге изложу. / А теперь – доколь прощайте, / Продолженья ожидайте. / Я писал теперь лишь то, / Зырянин сказал мне что / И хочу теперь узнать, Это будут ли читать».

¹²¹ Написано над зачёркнутым: «Тут».

¹²² Исправлено из другого слова.

¹²³ Написано над зачёркнутым: «тем».

(л. 25) С час сидел он неподвижно,
 Всё ему казалось дивно.
 Он не мог всего понять
 И другим пересказать.
 Воздал он благодаренье
 За такое с ним виденье
 Богу Мудрому, Благому
 За его щедроту многу.
 Вспомнил он благословенье
 И из дома отлученье,
 Как отец благословлял
 И к Зырянам отправлял,
 Он сказал, что будет спутник
 Верный в деле и сотрудник.
 Бог Стефану и послал,
 Что отец его желал,
 В виде страннаго Вавила
 Горнего Сафамила, //
 (л. 25 об.) Кой¹²⁴ всё верно исполнял
 И Стефана охранял.
 Это нужно прибавленье
 В назиданье, наставленье
 Всем и каждому из нас,
 Чтобы каждый день и час
 Мы родителей просили,
 Чтоб они благословили
 Делать добрые дела,
 И от этого хвала
 Нам во всех делах бывает,
 Бог успех благословляет.
 Кажется, что всё вместил,
 Ничего не пропустил,
 Если¹²⁵ что и пропустил,
 То пополнить можно
 Кстати¹²⁶ – к месту осторожно.¹²⁷
 Я писал всё точно то,
 Зырянин сказал мне что. //
 (л. 26) А¹²⁸ теперь¹²⁹ хочу¹²⁹ узнать,

¹²⁴ Написано над зачёркнутым: «Кой».

¹²⁵ В начале строки зачёркнуто: «А».

¹²⁶ Первые две буквы исправлены из других.

¹²⁷ Далее зачёркнуты две строки: «Ныне терпенья возмогите / Продолженья подождите».

¹²⁸ Исправлено из другой буквы.

¹²⁹ Первоначальный обратный порядок слов изменён с помощью проставленных над ними цифр «2» и «1».

Это будут ли читать?¹³⁰
 Кто в Зырянах побывал,
 И всю местность разузнал,
 Тот прочесть не обленится,
 Верно¹³¹ (?), верно удивится¹²⁹,
 Как¹³² пришло это на мысль,
 Чтобы дать преданью смысл,
 Чтоб былое воскресить
 И что было не забыть;
 А что писано и¹³³ просто¹³⁴,
 Это сделано нарочно,
 Чтоб зыряне понимали
 И другим пересказали¹³⁵.
 Прежде я оговорился,
 Для кого писать решился, –
 Для Пермьяков и Зырян,
 А¹³⁶ не вежливых¹³⁷ дворян,
 Их читать не приглашаю,
 К горбунку (!) всех отсылаю. //
 (л. 26 об.) И писавший в этом крае,
 Наперёд о¹³⁸ том сказав¹³⁶,
 Чтоб не стали браковать,
 Толковать, критиковать¹³⁹.
 Этой повести правдивой, /
 Для зырян необходимой.

Публикация и комментарии Б.Н. Морозова

¹³⁰ Далее зачёркнуты 10 строк, но на левом поле по вертикали листа против первых трех строк написано: «Писать». Четвёртая из этих строк была зачёркнута до общего зачёркивания и в конце нового текста над этой строкой поставлен знак вставки, который соединяет эту строку с 8 строками, написанными ниже первоначальных зачёркнутых 10 строк. Таким образом, автор текста восстановил зачёркнутые строки (все ?). Они все нами вносятся в основной текст.

¹³¹⁻¹²⁹ Написано над зачёркнутой строкой: «Благодарен мне явится». В конце знак вставки.

¹³² Здесь начинается текст 8 вставленных строк

¹³³ Приписано над строкой.

¹³⁴ Первая буква исправлена из другой буквы.

¹³⁵ Здесь кончается текст вставленных в конце листа 8 строк.

¹³⁶ Приписано в начале строки.

¹³⁷ Написано над зачёркнутым: «изнеженных бояр».

¹³⁸ Написано над зачёркнутым: «ещё узнав».

¹³⁹ Далее зачёркнуто две строки: «Он в начале объяснился, / Для кого писать решился».

Борис Морозов

Морозов Борис Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Археографической комиссии, работает в Институте славяноведения с 1984 года. Родился 9 сентября 1952 года в Москве. В 1975 году окончил МГИАИ, в 1984 году защитил в Институте истории СССР кандидатскую диссертацию «Частные архивы XVII века». Историк, археограф, источниковед. Специалист по отечественной истории XVI–XVII вв., истории древнерусских частных архивов и библиотек, истории русского дворянства, генеалогии. Член-корреспондент Международной генеалогической академии. Член правления Историко-родословного общества в Москве. Преподаёт в РГУ (Российском государственном гуманитарном университете).

Неизданная поэма XIX в. о великом книжнике XIV в. Стефане Пермском

Миссия Стефана Пермского по христианизации Коми края в конце XIV в., сопровождавшаяся созданием новой письменности – пермской азбуки – событие, ставшее важным явлением не только для истории культуры нового многонационального Российского государства на Востоке Европы, но, безусловно, и мировой культуры. В 1996 и в 2006 гг. исполнилось 600 и соответственно 610 лет со дня успения святителя Стефана Пермского (около 1340–1396). К этим датам подводились итоги изучения духовного и творческого наследия свт. Стефана¹. Так, сравнивая достижения, полученные на конец XIX в., с результатами XX в., современный коми учёный, отметив “новые тенденции, связанные как с развитием научного знания, так и с формированием массового общественного сознания”, тем не менее констатировал наличие исследовательского тупика в рассматриваемом вопросе. “Изучив опыт предшественников, поправив и достроив их сооружение, учёные конца XX столетия остановились чуть ли не на тех же позициях, что с точки зрения научного развития выглядит методологическим тупиком”. Причиной такого положения он считает недостаток источников: “Важнейшей проблемой при изучении и популяризации деятельности Стефана Пермского является недостаток источников”².

Такое утверждение, казалось бы, звучит парадоксально – ведь Стефану Пермскому посвящено одно из лучших произведений древнерусской литературы «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана бывшего в Перми епископа», написанное вскоре после его смерти выдающимся писателем этой эпохи троицким иноком Епифанием Премудрым. Автор был не просто современником, а другом и учеником святителя, но подчинив своё произведение цели создания идеального образа подвижника, «рав-

¹ См.: Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления / Ред. Г.М. Прохоров. СПб., 1995; Христианизация Коми края и её роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 1–2; Памяти равноапостольного Стефана. К 610-летию успения св. Стефана Пермского: Материалы расширенного заседания Учёного совета Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2006.

² Котылев А.Ю. Социокультурное значение образа и деяний святителя Стефана Пермского в свете исторических аналогий // Памяти равноапостольного Стефана. С. 12.

ного по просветительской значимости образам славянских первоучителей Кирилла и Мефодия и даже первых апостолов³, не стал останавливаться на подробностях его жизни, ему хорошо известной, не включил в своё Житие Стефана Пермского традиционных для агиографической литературы описаний прижизненных и посмертных чудес. Чудеса не сопровождали и позднейшие списки и редакции памятника.

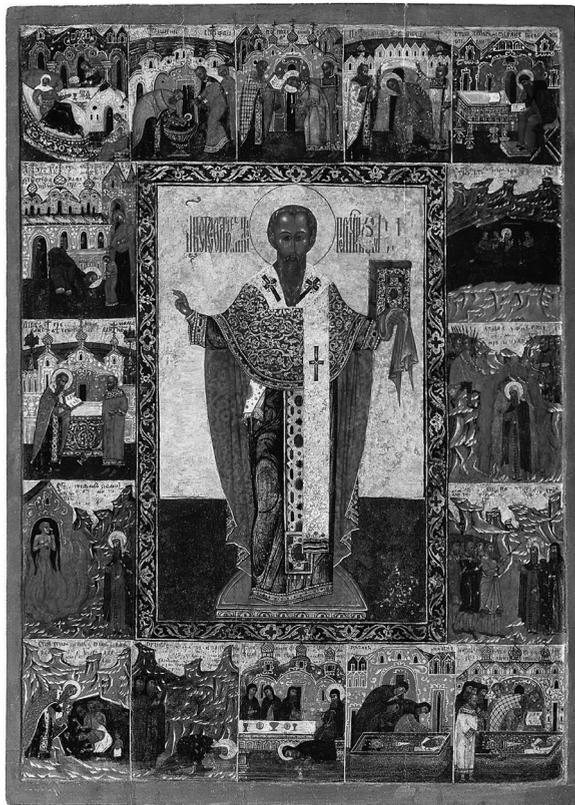

Рис. 1. Икона «Свт. Стефан Пермский с житием». Кон. XVI в. Строгановское письмо. Сольвычегодский историко-художественный музей.

Иной – легендарный образ Стефана Пермского стал создаваться в устной фольклорной традиции уже в первые столетия после завершения его подвига просвещения далёкого языческого края. Причём, как отмечает современный исследователь, «фольклорный Стефан (Степан) – это чудотворец, пророк и даже, если угодно, колдун – так его называют в некоторых текстах»⁴. Устные предания отразились и в таком оригинальном источнике, как *Посох Стефана Пермского*, созданном уже в конце XV в. Среди резных изображений с подписями на нём есть и сцена наказания язычников

³ Лимеров П.Ф. Образ св. Стефана Пермского: диалог традиций // «Уведи меня, дорога»: сб. статей памяти Т.А. Бернштам. Санкт-Петербург, 2010. С. 225.

⁴ Там же.

⁵ Чернецов А.В. Посох Стефана Пермского // Труды отдела древнерусской литературы (Пушкинского Дома). Л., 1988. Т. 41. С. 231

слепотой⁵. Опубликованная в 1950-е гг. Вычегодско-Вымская летопись XVI в., «дополнена преданием, родившимся ко времени создания летописи в церковной среде»⁶. Введённая А.Н. Власовым в научный оборот в год 600-летия святителя «Повесть о Стефане Пермском»⁷, созданная не ранее середины XVIII в., по мнению А.Ю. Котылева, является «по существу фольклороподобным произведением», хотя в то же время её авторы «должны были сопрячь воедино материалы нескольких разнородных источников: жития, летописи, преданий»⁸.

Отдельные устные предания о Стефане Пермском использовались и в первой исторической работе о народе коми – в книге преподавателя Усть-Сысольского уездного училища М.И. Михайлова «Описание Усть-Выми» (Вологда, 1851) и в фундаментальной «Истории Русской церкви» митрополита Макария (Булгакова) (СПб., 1887. Т. 5). Но реальное представление о популярности фольклорной традиции, связанной с миссионерской деятельностью Стефана Пермского, широте её распространения показали полевые записи текстов и исследования сыктывкарских учёных конца XX – начала XXI в.

Предметом настоящей работы, выходящей в год 620-летия памяти выдающегося духовного подвижника, является рассмотрение нового источника о его жизни и деятельности – Поэмы о Стефане Пермском, созданной в Коми крае в 1840-е гг., хранящейся в Отделе Рукописей Российской государственной библиотеки уже 137 лет, но не привлекавшей до сих пор внимания учёных. В этом довольно объёмном стихотворном тексте (около 1000 строк), написанном поэтом-любителем, очевидно студентом местного духовного учебного заведения, отразилась попытка представителя нарождающейся местной интеллигенции освоить фольклорную традицию в эпоху подъёма интереса к отечественной народной культуре (забегая вперёд, можно отметить несомненное знакомство автора с поэтическими сказками А.С. Пушкина и «Коньком-Горбунком» П.П. Ершова). Представляет интерес и сама история передачи рукописи поэмы в Румянцевский музей.

В «Отчёте Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1879–1882 гг., представленном директором Музея г. министру народного просвещения» (М., 1884, С. 77) было дано описание этой рукописи, включённой в Музейное собрание:

“19 (2189). Повесть о Стефане Пермском, в стихах, писанная для зырян, по сохранившимся у них преданиям. Рукопись новаго времени, по-видимому, оригинал автора, с его правками и дополнениями; в 8о. №№ 17–19 от о. протоирея Велико-Устюжского кафедрального собора А.М. Попова”. Предыдущие переданные тем же лицом рукописи № 17 и 18 – соответственно сборник нач. XVIII и певческая крюковая рукопись кон. XVII в. – связи с рукописью поэмы не имели⁹.

Протоиерей Арсений Михайлович Попов (1816–1882) стал настоятелем Велико-Устюжского Успенского собора в конце своей многолетней иерейской службы – в 1877 г. Он был известным великоустюжским краеведом, членом «Епархиального комитета для церковно-исторического и статистического описания Вологодской епархии», с момента его основания в 1851 г., автором многих публикаций по истории местных храмов¹⁰.

⁶ Котылев А.Ю. Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV–XXI веков. Сыктывкар, 2012. С. 13.

⁷ Повесть о Стефане Пермском // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы / Отв. ред. А.Н. Власов. Сыктывкар, 1996. С. 61–70.

⁸ Котылев А.Ю. Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV–XXI веков. С. 12

⁹ Ср. описание данных рукописей: Музейное собрание рукописей (ГБЛ). Описание / под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1961. Т. 1.

¹⁰ См.: Русский биографический словарь. СПб., 1910. С. 528–529.

В РГБ сохранились три письма А.М. Попова 1876, 1877 и 1878 гг. хранителю Отделения рукописей и старопечатных славянских книг Румянцевского музея известному археографу А.Е. Викторову, с которым он познакомился во время посещения Викторным Великого Устюга с целью обследования местных книгохранилищ.

В письме от 29 января 1878 г. он писал:

“При сем посылаю Вам стихотворную рукопись, которая сочинена в Зырянском крае в г. Яренске в начале настоящего столетия каким-то учеником духовного училища. Эта рукопись случайно мне попавшая валяется (!) у меня без пользы с 1840-х годов. Стихи плохи, я не поэт, переделывать их не моё дело. Но как эта легенда совершенно согласна с местными преданиями, историческими исследованиями, и с изданным Археологическим Обществом сочинением Кл. Ан. Попова “Зыряне и Зырянский край” [М., 1874], и с существованием до настоящего времени Глотовой волости, то я считаю материал этой рукописи очень полезным для даровитого поэта. Даровитый поэт сможет /написать/ составить хорошую стихотворную былинку о рыбе Глоте и Глотовой волости, как легендарный отрывок из Севернаго Зырянскаго края, чего в нашей литературе ещё очень мало”¹¹.

Как бы согласуясь с этим текстом, сделана запись в конце рукописи почерком, отличным от текста, но возможно близкая ему по времени (ранним почерком А.М. Попова?): “Может выйти из этого... порядочная журнальная статейка, надобно только от-делать, почище и аккуратней”.

Рукопись, как это уже отмечалось в Отчёте 1884 г., представляет собой несомненно авторский автограф. Переписанная набело основная часть текста, в тетрадях в 8-ку (26 л. без переплёта), повергалась сначала небольшой авторской правке, а затем превратилась фактически в черновик, куда был вставлен лист большого формата (в 2-ку – л. 9). На этом листе имеется запись, вероятно, содержащая имя автора: “Писал Павел Попов”. Запись как бы спрятана – расположена по вертикали листа на сгибе, с помощью которого он был прикреплен нитками к основному блоку в 8-ку. Поиски человека с такой распространённой фамилией весьма затруднительны. На сайте “Православные приходы и монастыри Севера”, довольно полно отражающем состав приходов за XVIII – нач. XX вв. – среди 19 Павлов Поповых – подходящего нет¹². Яренское духовное училище сгорело (вместе с архивом?) в 1871 г. и было переведено в Усть-Сысольск.

Уточняется датировка рукописи, приведённая в письме А.М. Попова, – водяные знаки бумаги указывают не на “начало настоящего столетия”, а именно на 1840-е гг., когда она и попала к нему (сам же А.М. Попов учился не в Яренске, а на родине – в Великом Устюге, где и служил в разных храмах с 1838 г. до конца жизни).

Поэма построена автором как пересказ предания, которое он услышал от жителя отдалённого региона Коми края – Удорской земли. Возможно, это литературный приём. Кроме удорских преданий, в поэме отмечаются ещё целый ряд легендарных сюжетов, связанных с другими местами, где проповедовал Стефан Пермский. Но удорский сюжет о рыбе Глот, возможно, произвёл на автора наибольшее впечатление. Не исключено, что он сам мог быть местным уроженцем и слышать эту яркую легенду с детства. Но в своём повествовании, отталкиваясь от неё, он хочет рассказать о просветителе народа коми, обращаясь к этому народу, называвшемуся в то время зырянами:

¹¹ РГБ. Ф. 51. (А.Е. Викторов). К. 20. № 32. Л. [2-2 об.].

¹² <http://parishes.mrezha.ru>

Как на лодках погибали,
 Как избавиться не знали.
 Как избавил от беды
 Старец дряхлый и седый.
 Истукану как молились,
 Как во Троицу крестились.
 Всё он, всё пересказал,
 Я ему и написал
 Воздал мне благодаренье,
 Были той за изложение.
 Будем все, сказал, читать

Удорская земля сформировалась в течение XV в. на северо-западе в бассейнах рек Мезень и Вашка. Первоначально существовала обособленно от Перми Вычегодской (в поэме упоминается даже «царь Удорский»!). Этническая группа удорских коми (удораса) сформировалась также в XV веке. Она сложилась в результате слияния нижневыхгодских пермян с представителями прибалтийско-финских народов – вепсов, карел, а также с русскими. В XVI веке происходило заселение верхней Мезени – туда пришли вымские коми. В волости Глотовой Слободки, помимо русских, поселилась группа глотовских коми¹³.

Существует предположение, что на Удору бежали жители Перми Вычегодской, не принявшие крещение Стефана Пермского. Епифаний в Житие об этом не пишет, но Вычегодско-Вымская летопись сообщает: «А не похотел кто к святой вере быти, отъиде теи на Удору и на Пенегу с жоны и с детьми своими». Вероятно, эти сведения устного происхождения, но, очевидно, достоверна запись о набеге в 1389 году на Яренск пермян с Пинеги и Вашки: «Лета 6897 пришедшу с Удоры и с Пинеги пермяне-идолопоклонницы на Еренский городок, монастырское Пречистые Богородицы пожгли, пограбили, людей монастырских посекли»¹⁴. Крещение Удорской земли произошло в 1444 г., когда по сообщению той же летописи епископ Пермский Питирим: «привёл к святой вере пермяков удоренов на Вашке реке, игуменов и попов им дал, святых храмы тамо воздвиг». Так что упомянутый в начале поэмы «старец дряхлый и седый», который удорян «избавил от беды» – рыбы Глота, а затем в дальнейшем тексте поэмы предстал как Стефан Пермский, позднейший миф. Не исключено, что это плод фантазии автора поэмы, как и некоторые другие сюжеты.

Предание о звере-глоте, как топонимическое, было записано фольклористами в селе Глотова в 1964 г. Победили Глота не Стефан Пермский и его спутник (в поэме), а местный знахарь, хотя мотив бегства местных жителей от миссионеров в данной записи прозвучал¹⁵. И в наше время в Центре культуры и досуга этого села разыгрывается музыкально-театрализованная композиция «Сказание о Глоте»¹⁶.

После введения о рыбе Глоте (подробный рассказ о борьбе с ним будет в конце поэмы) автор начинает жизнеописание Стефана Пермского:

¹³ Морозов Б.Н. Удорская земля // Территориальная история России: <http://www.runivers.ru/newenc/184877/>

¹⁴ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 255–264.

¹⁵ Коми легенды и предания / сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар, 1984. С. 81, 82. № 72.

¹⁶ <http://udora.info/novosti/item/102-gde-mezen-slivaetsya-s-jirvoj?tmpl=component&print=1>.

Устюг город есть Великий,
Древний славный, знаменитый,
В нём родился тот Стефан,
Просвещал кой всех Зырян.
Мать его трёх лет была,
С матерью во храм как шла,
Тут Прокопий прилучился,
До земли ей поклонился.
Вслух сказал нада (?) тут:
«Мать Стефана Пермска будь».
То над нею совершилось,
Симеон детя (!) родилось;
Шесть недель как протекло,
Перестал сосать млеко
Он из матерних грудей
В продолженье постных дней;
Через двадцать он недель
Молоко совсем не ел.
Мать всё это замечала
И в секрете сохраняла.
Он как взрос и стол велик,
Книжну чтению навыв.
Ночью слышит повеленье,
Чтоб привёл Зырян в крещенье.

Здесь с текстом древнего Жития совпадает лишь место рождения будущего Стефана Пермского – Великий Устюг и знаменательная фраза «Книжну чтению навыв». Остальное относится к преданиям: письменным – о пророчестве Прокопия Устюжского (включено в Житие юродивого), и устным (или фантазии автора) – мирское имя Стефана – Симеон (так по Житию звали его отца); об отказе пить материнское молоко в постные дни (об этом Епифаний пишет не в Житие Стефана Пермского, а в Житие Сергея Радонежского); о ночном видении – «повеленье» крестить зырян. Далее ничего не говорится о его первоначальном пострижении, учёбе в Ростове, а приводится легенда, что отец, не хотя отпускать сына к зырянам, решил его женить. Вообще странным кажется дальнейший текст автора (вероятного выходца из духовного сословия) о том, что герой изменил имя, «чтобы от всех себя сокрыть», хотя затем он всё-таки указывает, что Стефан «достиг» священна сана.

Дальнейшее повествование поэмы о пути Стефана Пермского в Зырянскую землю содержит целый ряд географических наименований, отсутствующих в Житии, и, безусловно, отражает реальные топонимические предания. Начав свою миссионерскую деятельность в Котласе («Там Зырян первых нашёл... / Верой правдой вразумил»), Стефан двинулся дальше вверх по реке Вычегде. В поэме упоминаются конкретные памятники, сохранявшиеся в сер. XIX в., отмечавшие память просветителя: крест «от Коряжмы недалеко», церковь в Сойгинском погосте – «Монастырь прежде был, / Но приходом ныне стал» (Спасо-Преображенский монастырь основан в 1540 г., упразднён в 1791 г.¹⁷). Причём, автор отмечает такие детали начала путешествия Сте-

фана Пермского, которые могли бы показаться художественным вымыслом (В Сойге – «Он у них неделю жил... / Намерялся возвратиться, / Но никак не мог решиться»), но в действительности могли восходить к преданиям, бытовавшим у местного населения и в XIX в., и позже. В этом мог убедиться автор этих строк во время участия в фольклорно-археографической экспедиции 1987 г. учёных Сыктывкарского университета, проходившей по тем же вычегодским селениям. Местные жители (в настоящее время уже русские) на вопросы о временах Стефана Пермского отвечали с большим энтузиазмом, как о событиях недавнего прошлого: «Да, он здесь проходил, останавливался в нашем селе, освещал храм, озеро, торжок и т.д.» (к сожалению, эти записи, кажется, до сих пор не опубликованы).

Особая история связана с описанием в поэме древнего укрепленного городка рядом с погостом Цылибская гора:

Все превозмогли трудом,
Вышли в Цилебу потом.
Встарь там городок бывал
И татар он отражал.
С Цилебы узрел долину,
Населенну – не пустыню;
То он место возлюбил,
Там и храм соорудил.

«Городище, что был городок Вожемской на Цылибской горе» описывалось ещё в Писцовой книге Яренского уезда 1608 г., когда там в амбаре ещё хранилось оружие (пищали и ручницы) и боеприпасы, «а приказан тот наряд беречи тово ж погоста крестьяном»¹⁸. В сохранившихся следующих описаниях Цылибского погоста 1646 и 1678 гг. этот амбар уже не упоминался, поскольку в это время подобный оборонительный пункт (в отличие от 1608 г. – времени разгара Смуты) потерял практическое значение. Построен этот городок был, очевидно, уже после Стефановского времени – в середине XV в. (как и другие подобные городки в Коми крае¹⁹), и предназначался, конечно, не для обороны от татар (которые сюда никогда не доходили), а от набегов отрядов вятских ушкуйников, участвовавших в период борьбы московского великого князя Василия Темного, которого поддерживали епископы Пермские, с дядей князем Юрием Галицким и его сыном Дмитрием Шемякой, пользовавшегося поддержкой вятчан²⁰.

В той же экспедиции 1987 г. мы обратили внимание очень пожилого информанта (он всё стремился рассказать нам о своем участии в советско-польской войне 1920 г.) на видимый из окна его избы поросший лесом высокий мыс, вдававшийся в Вычегду,

¹⁷ Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Т.1. Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764–95 по 1 июля 1890 года. С. 239. № 448.

¹⁸ 1608 г. Писцовая книга Яренского уезда // Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая– 17 июля 1610 г.) / Собрал и редактировал А.М. Гневушев. М., 1914. С. 275.

¹⁹ Игушев А.Р., Клёнов М.В., Савельева Э.А. Осадные городки XV–XVII вв. на территории Коми края. Сыктывкар, 2000.

²⁰ Европейский Северо-Восток в период междоусобных войн XV века // История Коми с древнейших времён до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т.1. С. 62–66.

который и был Цылибской горой. Он подтвердил наше предположение, что на этом мысу в старину была крепость – “городок”, где укрывались местные жители и “стреляли из луков” (это он представлял совершенно определённо) по плывущим по реке отрядам Ермака. В таком анахронизме была доля истины – некоторые отряды ушкуйников после ликвидации Вятской вольницы в конце XV в. действительно стали казаками, а новый путь в Сибирь с конца XVI в. проходил по рекам Вычегде и Сыsole.

Продолжение приведённого выше текста поэмы о Цылибской горе несёт важную информацию о подвиге Стефана Пермского по созданию новой письменности для просвещения народа коми и познаниях автора в этом вопросе:

Там и храм соорудил.
 Сам иконы написал
 И Зырянску надпись дал;
 Он язык тот изучил,
 Бог его в том вразумил.
 Изобрёл он писмена (так!)
 Для Зырянска языка
 Две иконы сохранились,
 Но читать не научились
 Эти надписи икон,
 Что писал на Вожем он.
 В Вологду одна взята,
 Точна копия снята,
 И в соборе там хранится,
 Пусть кто хочет потрудиться
 Эту надпись нам прочесть
 И по Руски (так!) перевесть.

Описание особой любви к книжности инок Стефана – будущего епископа Пермского, значения созданной им пермской азбуки, перевода на коми язык необходимых для богослужения текстов, создания им школ для овладения зырянами этой письменностью – одно из центральных мест в повествовании Епифания Премудрого. Автор поэмы не использовал здесь, как и в предыдущих сюжетах, ни текст Епифания, ни позднейшие его переработки (“Повесть о Стефане Пермском”), а основывался на знании о существовании икон, написанных по преданию самим святителем и содержащих надписи на “изобретённых” им зырянских “письменах”. Связаны ли эти знания с историей научных публикаций и первых исследований надписей на этих иконах, остающихся важнейшими источниками для изучения лингвистами древнего пермского (древнего коми) языка?

Впервые древняя зырянская надпись на иконе Троица из села Вожем была опубликована устюжским штаб-лекарем Я. Фризом в 1790 г. в трудах Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук (*Nova acta Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae*. Т. VI). Причём, Фриз, сообщил и о преданиях местных жителей о том, что икону написал сам Стефан Пермский и вложил её в их храм во время последней поездки в Москву в 1395–1395 гг. С этим не согласился просвещённый вологодский епископ Евгений (Болховитинов), ссылавшийся на то, что Епифаний Премудрый ниче-

Рис. 3. Троица Ветхозаветная (Зырянская). Кон. XIV в. Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
1) Общий вид; 2) Фрагмент нижней части с надписью пермской азбукой.

го не писал о занятиях Стефана иконописанием²¹. Уже вскоре после публикации Фриза икона была перенесена в Вологду в кафедральный Софийский собор, где с её надписи учителем вологодской гимназии Н. Фортунатовым была снята и опубликована ещё одна копия²², не потерявшая своего значения до настоящего времени из-за определённых утрат иконы. В 1830-е гг. она снова находилась в небрежении – хранилась в алтаре собора среди обветшавшей утвари, пока в 1840 г. её не взял в свой кабинет новый вологодский учёный епископ Иннокентий (Борисов).

Вторая из упоминаемых автором поэмы икон с надписью пермской азбукой – образ Сошествия св. Духа, также по преданию написанный Стефаном Пермским, оставался в Вожемской церкви и в настоящее время утрачен. Поэтому его датировку временем крещения зырян уже нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить. Снимок с этой надписи был опубликован основателем финно-угроведения академиком А. Шёгреном в 1832 г. также в трудах Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук (*Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Sér. 6.1832. T. I*).

Конечно, на поставленный выше вопрос о возможном знании автором поэмы работ учёных о древних пермских надписях нельзя дать определённый ответ, хотя ин-

²¹ Евгений (Болховитинов), еп. О древностях вологодских и зырянских // Вестник Европы. 1814. No 15, 16.

²² Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1813. № 27. С. 260.

терес к ним со стороны местного духовенства прослеживается²³. Но примечательны его утверждение о том, что «читать не научились эти надписи икон», и призыв «потрудиться эту надпись нам прочесть и по русски перевесть». Лишь в 1871 г. казанский учёный П.Д. Шестаков сделал первый перевод надписи на иконе Троица, а ранее в 1868 г. пытался перевести надпись на иконе Сошествия св. Духа, которую окончательно перевёл один из первых коми по национальности учёных специалистов по древнепермскому языку Г.С. Лыткин²⁴.

В последние годы были обнаружены новые источники по древней коми письменности – записи на славянских рукописных книгах конца XV – начала XVI вв., говорящие о том, что пермская азбука продолжала жить ещё столетие в среде наиболее образованных представителей народа, для которого она была создана великим книжником Стефаном Пермским²⁵. Ещё более значимой фигура этого просветителя эпохи древнерусского Предвозрождения (определение Д.С. Лихачёва) предстала после открытия созданной им вместе с новым алфавитом оригинальной цифровой системы²⁶.

Но в связи с этим можно сделать ещё одно парадоксальное утверждение о том, что заявление автора поэмы, что пермскую азбуку «читать не научились», в сущности остаётся в силе! После В.И. Лыткина (1895–1981) – автора фундаментального труда «Древнепермский язык: чтение текстов, грамматика, словарь», ни разу не переиздававшего с 1952 г., – специалисты в этой области фактически отсутствуют и не готовятся.

Продолжим вместе с автором поэмы путешествие Стефана Пермского. После Вожема он вместе со своим спутником Вавилом (его символическое значение будет раскрыто в конце поэмы) около устья реки Яренги попадают на реке в ледоход, приведено красочное описание мужественных действий спутника. Далее следует ещё одна топонимическая легенда, согласно которой Стефан предсказал перенесение на новое место города Яренска – ставшего центром всего Коми края уже в XVI в., но упомянутого в Вычегодско-Вымской летописи под 1384 г. в общем рассказе о приходе Стефана Пермского и основании им монастырей. Вероятно, об этом монастыре и идёт дальше речь в поэме: «Крест за Кижмолой поставили. / Был в том месте монастырь, / Для мушчин и дев один». Далее следует легенда об ослеплении жителей села Гам, не захотевших принять крещение и прогнавших Стефана – популярный сюжет фольклорных записей, зафиксированный на изображении на посохе и в Повести о Стефане Пермском.

Следующий подробно описанный сюжет о Стефане Пермском и горе, на которой поставлен крест, уцелевший во время пожара, а затем забили три солёных источни-

²³ В Национальном музее Республики Коми хранится рукопись начала XIX в. (не позднее 1813 г.), в которой рукой протоиерея Усть-Сысольского собора А. Шергина было переписано другое сочинение еп. Евгения: «Известия историческая о зырянском народе и о зырянских монастырях», в котором было описание иконы Троицы с текстом пермской азбукой (См.: Памятники письменности в хранилищах Республики Коми. Каталог-путеводитель. Часть 1. Вып. 2: Рукописные книги XV–XX веков в собрании Национального музея Республики Коми / отв. ред. Б.Н. Морозов. Сыктывкар, 2013. № 50. С. 145–146).

²⁴ Лыткин Г.С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. СПб, 1889. С. 28–29

²⁵ Морозов Б.Н. Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI в. // Музеи и краеведение. Труды Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2007. Вып. 6. С. 137–142.

²⁶ Морозов Б.Н., Симонов Р.А. 1) Об открытии цифровой системы Стефана Пермского (XIV в.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 1. С. 3–21; 2) К проблеме источников древнепермской письменности Стефана Пермского (около 1340–1396) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 5–16. Одним из главных аргументов о создании Стефаном новой цифровой системы было наличие в надписи на современной ему иконе Троицы сокращённой цифры 3, обозначенной третьей буквой пермской азбуки “гай” под титлом, показавшим на её цифровое значение. См. на рис. 3 часть 2 – в начале второй строки.

ка, что позволило разбогатеть местным жителям, просившим прощения у миссионера, не сразу поддаётся локализации, хотя направление пути Стефана указано точно – двадцать вёрст на Север от Усть-Выми.

После некоторого разрыва текста предыдущим рассказом на большом вставном листе (л. 9) автор на л. 8 об. и 10 приступает к основному для него повествованию о рыбе Глот, оно включает в себя много сюжетов: о появлении рыбы в Удорском царстве, где беглые с Выми зыряне соединились с чудью для борьбы с общим врагом Глотом; как чудовище схватило, но потом выпустило девушку сиротку из зырян (оказалось, что её спасло крещение); обращение чуди к идолу за помощью в борьбе с Глотом, призыв идола «поимать» зырян и отдать их на съедение. Но при попытке принести первую жертву появляется старик «Видом важен – невелик; / Во очах приязнь, блистанье, / От крестов в десной сиянье». Он говорит жителям Гама речь с призывом креститься, обличением язычества и с основами христианского вероучения. В характеристике Творца слышны знакомые всем строфы А.С. Пушкина: в поэме о Стефане: «Он всесилен и могуч, / Повелитель грозных туч»; Пушкин: "Ветер, ветер! Ты могуч, / Ты гоняешь стаи туч». Далее старец открывает своё имя: «Просветитель я Зырян, / А по имени Стефан». Для подчёркивания важности момента, автор помещает здесь 12 строк под самостоятельным заголовком: «Перун», написанных иным поэтическим размером (меняя хорей на ямб?), схожим с переводом античных произведений (гекзаметр?). В конце подведён итог: «Всемощна и чудна Святаго десница! / Вмиг идол Зырянский исчезнул, как сон».

Очень подробно на четырёх листах (л. 14–17) дано описание борьбы Вавила с рыбой Глотом, с помощью бочки, которую проглотило чудовище (в записанном в 1964 г. варианте этой легенды сын колдуна в медвежьей шкуре сам попадает внутрь Глоту). После победы над Глотом удорские зыряне и чудь были крещены, но потом забыли заповеди: «Стали грубы, суеверны, / Горды, лживы и надменны», за что были наказаны голодом, мором, морозом, наводнениями. Автор, описывая реальные события прошлого Удорской земли XVII в., когда от этих бедствий: «Многие в Сибирь ушли, / Там убежище нашли», опирается, возможно, на какие-то местные летописи: «Монастырь один там был / И того их Бог лишил. / Уничтожен навсегда / И остатков нет следа. / Церковь в Коптюге была, / Но давно упразднена. / В Венъденге пожар изпепелил, / Храма Божия лишил».

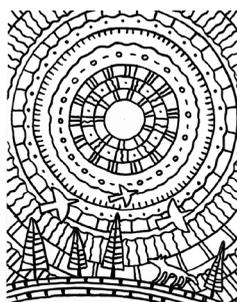
Заканчивая поэму («После время изберу, / О Стефане напишу, / Что он сделал на Выме / И по Вычегде реке») автор показывает, наконец, своё знакомство с событиями, отразившимися в епифаниевском Житии и в позднейшей Повести о Стефане Пермском, кратко их перечисляя: спор с предводителем язычников Памом – погружение в прорубь, постройку храма на месте срубленной священной берёзы, создание Пермской епархии, сочетая их легендарными событиями: крещение Чердыни – Перми Великой, плавание на каменном плоту и др. Интересен неизвестный другим письменным и устным источникам сюжет про помощника Стефана Пермского – Вавилу, которого в конце поэмы автор представляет как ангела – «Горнего Сафамила» (!), якобы посланного на помощь Стефану его отцом.

В самом конце своего повествования автор (очевидно, начинающий), обращаясь к читателю, пространно поясняет своё намерение писать для простого народа:

А что писано и просто
Это сделано нарочно,
Чтоб зыряне понимали
И другим пересказали.
Прежде я оговорился,
Для кого писать решился, –
Для Пермяков и Зырян,
А не вежливых дворян,
Их читать не приглашаю,
К Горбунку всех отсылаю.
И писавший в этом крае,
Наперёд о том сказав,
Чтоб не стали браковать,
Толковать, критиковать.
Этой повести правдивой,
Для зырян необходимой.

Прямая ссылка на популярное в годы написания этой поэмы произведение – «Конька-Горбунка» П.П. Ершова (3 издания в 1834–1843 гг.) показывает интересы автора, поясняет его приём писать народное произведение (не для дворян!), якобы рассказанное его представителем. В конце поэмы он ещё раз повторяет: «Я писал всё точно то, / Зырянин сказал мне что». Также и Ершов сообщал, что его сказка, якобы почти слово в слово взята из уст рассказчиков, от которых он её слышал, и только привёл в более стройный вид, и местами дополнил²⁷. Можно напомнить, что Пётр Ершов, во время написания произведения, с которым его имя вошло в русскую литературу, был ещё молодым студентом, как и вероятный автор Поэмы о Стефане – Павел Попов – учащийся Яренского духовного училища.

Очевидно, этот текст требует полного издания и детального комментирования специалистами и по истории народа коми и его фольклору, и по древнерусской литературе и литературе XIX в. Но введение его в научный оборот в год 620-летия со времени преставления Стефана Пермского – великого духовного подвижника эпохи Возрождения Руси, может явится ещё одним знаком нашего почитания его памяти.

²⁷ Ершов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1894. Т. 22. С. 680.

Олег Уляшев

Уляшев Олег Иванович – коми писатель, учёный-фольклорист, этнограф. Родился 21 июня 1964 г. в с. Вольдино Усть-Куломского района. В 1988 году закончил филологический факультет Сыктывкарского госуниверситета. Работает в Институте языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН. Публикуется в журналах «Арт», «Войвыв кодзув». Издал три поэтических сборника. На сцене фольклорного театра в 1990–1998 гг. ставились его пьесы. Написал 270 научных работ.

Родство по крови, родство по «духам»

(по материалам фольклора коми и обских угров)

Пермские и обскоугорские языки относятся к разным ветвям финно-угорской группы уральской языковой семьи, разделившимися в III тыс. до н.э., но по данным антропологии, археологии, лингвистики, этнографии и фольклористики, коми и обские угры теснее связаны родственными и культурными отношениями, нежели с народами своих языковых групп (1). В диспропорции лексических заимствований, среди которых в обскоугорских языках встречаются и сакральные термины¹, заметно определённно доминантное влияние коми на обских угров (2). В то же время, невозможно говорить об одностороннем культурном воздействии, на что указывают эпические мотивы и сюжеты, сложившиеся во «времена богатырей-героев»²(3), которые у обских угров вписались в контекст мифо-эпических текстов о местных и родовых божествах-покровителях (тунх, љунх, юнх), а у коми сформировали цикл легенд и преданий о локальных богатырях-колдунах, хранителях мест (*тун*). Ранняя христианизация Перми Вычегодской (XIV в.) и Перми Великой (XVI в.) определила доминантно-православную трактовку в коми-зырянском фольклоре образов *тунов*, противопоставленных крестителю Стефану Пермскому, что привело к десакрализации образов *хранителей мест*, вплоть до отождествления их с колдунами-разбойниками, грабящими суда, проплывающие мимо патрулируемых ими урочищ и поселений.

¹ Например, м. карт и Вост.х. кэрт 'жертвенная кровь' < Пперм. гóрд 'кровь', 'красное' или об.-уг. *Калтась, Каттась* (рождающая богиня) < Пперм. **Кылдысь-инь* 'женское божество деторождения, плодородия и судьбы' (*кылдысь 'определяющая судьбу, рождающая' + *инь 'мать, жена, женщина') > удм. *Му кылчин* 'Земли хозяйка', Кылдысин 'творец' (5).

² "Героическая эпоха" каждой локальной группы исследуемых народов связана с разными историческими периодами: христианизацией коми, колонизацией Приуралья и Зауралья; набегам пермян и вогулов на прикамские, вычегодские, двинские городки, походами князей Курбских «с вымичи, вычегжане, сысоличи, двиняны» на югорских князей в 1483, 1499–1500 гг. и т.д. К этим временам восходят тексты о богатырях-старцах: к. *айка*, х. *ики*, *ойка*, м. *ойка* [6].

Исследование сюжетов и мотивов, связанных с упомянутыми образами обских угров и коми, позволяет проследить генезис определённых фольклорных текстов, даёт возможность реконструкции векторов культурных связей и отношений между отдельными разноэтничными группами, воссоздаёт общие представления о перемещениях и взаимоотношениях приуральских народов, в результате которых сформировались отдельные этнолокальные группы.

В плане фольклорно-генетических сопоставлений несомненный интерес представляют предания о к.-з. *Йиркан*, м. *Паст ойка*, х. *Пастэр ики* (4), которые в погоне за чудесной добычей (синей оленихой, белой лосихой) добегают на чудесных лыжах до Урала и обратно так быстро, что за пазухой не остывает хлеб. Прауральский миф о космической охоте богатыря (медведя) на олениху (лосиху) рассматривается как мифологическое обоснование экзогамных браков между представителями двух фратрий. Мотив «космической охоты» усматривается и в сюжете коми-пермяцкого предания о женитьбе пама *Кудым Оша* на *Костё*, дочери вогульского князя *Асыки* (7).

Северные манси и северные ханты возводят некоторые свои роды и фамилии к мифическому предку х. *Пастэр ики* (*Пащар-икэ*, м. *Пастыр ойка*, *Паст ойка*). С этим божеством связывают перемещения обских угров. Исследователями сопоставлялись угорские тексты о мифическом народе *пащар* (*пасяр*) или «*пащар-ёх, моньщар-ёх*» букв. «народ *пащар*, народ сказок-песен» (ПМА), проживающем на р. Печора (х. *Пасяр-ас*, м. *Пащар ас*) и формировании группы манси, которая переселилась сначала с европейской стороны Урала в среднесибирское Приуралье, затем ляпинские манси спустились в низовья Оби, где основали Пащерские юрты (х. *Пастэр курт*, м. *Пащтор юрт*) и смешались с хантами (8). С «крылатым-ногастым» богатырём, пришедшим с верховьев Оби, связывается происхождение хантов Пасторовых, проживавших в Пащерских и Аспухольских юртах. На иноэтничное происхождение данного рода указывает то, что нижеобские ханты называли их «*вадаси*» «немые» и «*лев охаль*» «сосвинские вогулы». Кроме Пасторовых, нижеобскими хантами «к роду *Пастэр ёх* относятся фамилии Шуганов, Ильин, Кормяков (все они почитают и хранят изображение *Пастор ики*, он же *Хынь ики*)» (9). Судя по отождествлению *Пастор ики* с хозяином нижнего мира, род относился к фратрии *пор*.

В то же время, по материалам А.А. Дунина-Гаркавича и В.Н. Чернецова (10), мансийские предки-богатыри этого рода ездили верхом на лосях, а их потомки Сампильталовы, переселившиеся с западного Приуралья (бассейны рр. Лозьва, Вогулка) и осевшие на устье р. Лэплы при впадении в р. Сосьва, почитали *Леп-тум-ойка* в облике серебряного лося с золотыми глазами. Культ лося сохранился и у хантов рода *Аспухлын-ёх* «Обского посёлка люди» (Елескины, Конкины, Тарагупта, Костины, Пасьмаровы), ведущих начало от лозьвинских Елесиных, в разных источниках называвшихся манси или хантами. «Одним из родовых божеств *Ас пухлын ёх* является *Хорам ур нэ* (Мис нэ) – Лесная Красавица, имевшая образ лосихи» (11). *Хорам ур нэ* букв. «Красивая лесная женщина» или *Мис нэ* «Корова-девушка» – представительница лесных людей (*мис-хум*, *мис-нэ*), отличающихся светлым обликом (12) и зелёно-красно-жёлтым сочетанием одеяний, характерными для покровителей фратрии *мось* (13). К мужчине, с которым мис-нэ «корова-девушка» вступает в сексуальную связь, идут удача и богатство, но во время её посещений в доме не должно быть женщины, иначе она обидится (14). Многочисленные тексты о сожительстве охотника с лесной женщиной (*вөр олысь* «лесная жительница»), приносящей удачу в промысле (*вөр шуд* «лесное счастье»),

весьма распространены и в фольклоре коми-зырян.

Исследования по обским уграм (15) и наличие у народа *пастэр* устойчивой пары покровителей в облике «медведя» (*пор*) и «лосихи» (*мось*), указывают на то, что переселение в низовья Оби с Северной Сосьвы и Ляпина было длительным, причём, мигрировали не отдельные переселенцы или семьи, а вполне сформировавшаяся группа хантов, имевшая в составе сильный мансийский этнический компонент. Судя по отсутствию в новое время брачных связей между манси и хантами сосвинско-ляпинского бассейна, формирование этой группы завершилось в XVI–XVII вв., когда *пастэр ёх* стали «остяками» для манси и «вогулами» для ханты. Подобная экзоидентификация, а также фольклорные и исторические данные, связанные с ареалом первоначального проживания, позволяют предполагать не только угорское происхождение *пастэр ёх*.

В этом плане весьма любопытными являются предания коми-пермяков о женитьбе чудского пана *Кудым Оша* на дочери вогульского князя *Асыки*. Событие связывают с «золотым веком» предков пермяков (так наз. «чудь богатырская»), подчинившихся верховным вождям (*панам*), одним из которых был *Кудым Ош* (< к.-п. *Ку дын Ош* 'с реки Ку Медведь'), рождённый жрицей божества *Вой-пель* букв. 'Ночное ухо' (или *Сюра-пель* 'Рогатый-ушастый'). Мать *Кудым-Оша* по имени *Потось* (< ?? к. *потны* 1.'качать (ребёнка в люльке)'; 2.'расколотся, лопнуть') или *Пёвсин* 'Одноглазая' была настолько страшна, что не могла соблазнить ни одного мужчину, поэтому родила сына от медведя (16). Поклонение пермян *Войпель-болвану* упоминается в исторических документах (17), по фольклорным и источниковым материалам, у коми-зырян он считался ночным хранителем людей, божеством месяца, ночи и северного ветра, покровителем воинов (18). *Войпель* насылает на врагов бурю, а *Кудым Оша*, отпустившего побеждённых врагов, жрица отправляет для искупления вины «мазать кровью жертвенного оленя» *Пелют-из* букв. 'Пелин камень'(19).

Характеристиками и функциями *Войпель* и «Медведь с реки Ку» (по крайней мере типологически) связаны с х.*Ем-вош ики*, м.*Ялл-ус ойка*, Хозяином Священного города Вежакоры (< к. *Вежа* 'священный' + *кар* 'город, холм', х. Емын вòш, м. *Яллынг ус* 'тж'), находившегося на слиянии Горной, Малой и Тоготской Оби. Это божество держит медведя за игрушку, ходит в облике медведя, имеет 7 медведей-коней, одет в шубу с медвежьими когтями. По мифам, он воевал в нижнем мире, спасая жену, но смог это сделать только с помощью брата (х.*Мир вантты хэ*, м.*Мир суснэ хум* 'Мир наблюдающий муж'), всадника на светлом коне (20). Сев.х. почитают его под именем *Тыльщ ун сэмпя хон* 'С месяц величиной глазами хан'. По представлениям Казымских хантов, он появляется в виде огненно-рыжего медведя, а его *йис-хур* 'дух-образ' – в виде мыши «цвета бобра»; ездит он на чёрном коне; жертвуют ему чёрный халат, он принёс людям лук и огонь, и в его задачи входит помощь при болезнях, удерживание душ в среднем мире и ассистирование повитухе-*Калтац* (21). И.Н. Гемуев приходит к выводу, что «Небесный всадник» м.*Мир суснэ хум* и «Всадник на медведе» м.*Ялл-ус-ойка* внутри своих фратрий выполняют одинаковые функции хранителей людей и блюстителей нравственности, однако, первый вытеснил божество древнеуральского таёжного населения на вторые роли (22).

Коми *Войпель-Месяц* наделяется сходными функциями ночного хранителя, дающего (и отбирающего) детей и насылающего непогоду за нарушение миропорядка или социальных норм. Согласно преданиям коми-пермяков, почитающий *Войпеля Кудым*

Ош зимой и летом носит бобровую или соболью шубу, проявляет себя как культуртрегер, принося чудскому народу железо и злаки и т.д. К вогулам он с товарищами плывёт в чёрной лодке из редкого для пермских территорий чёрного вяза (*ыржапу*), что в тексте подчёркивается особо (23). Несмотря на отсутствие у коми фратриальной системы (по крайней мере, в письменно-историческое время), сватовство «князя-медведя» к невесте с лосиной или телячьей мордой явно имеет под собой идею двусоставного общественного устройства. Кудым Ош и его отец-медведь имеют «медвежье происхождение», а осведомлённость матери о вогульской невесте косвенно указывает на некую связь между ней и народом князя Асыки.

«Хитрая Потось распустила слух о том, что есть у вогульского князя, что живёт у высоких гор в верховьях Яйвы, дочь-красавица. А тому, кто возьмёт её в жёны, она родит сына-богатыря, как ей определено судьбой. И старалась Потось, чтобы слух этот дошёл до Кудым-Оша, говоря, что сама она слышала это от людей, приходивших на святилище. Но обманывала хитрая Потось: она знала, что дочь вогульского князя была чудовищем с лосиной головой, что многие ходили её сватать, но никто не возвращался назад. Не хотел вогульский князь, чтобы разошлась дурная слава о его дочери, и убивал всех женихов, которые отказывались жениться, увидев её лицо» (24).

В коми-зырянских преданиях об охотнике *Йиркап (Иркаб)*, колдунья, желая избавиться от героя, превращает свою дочь в синюю олениху, которая возле *Сибирь-из 'Сибирь-камень'* превращается в сороку, затем в красавицу и просит взять её в жёны, однако богатырь убивает девушку и относит матери сердце девушки-оленихи (25). Коми-пермяцкий и южнокоми-зырянский медвежий сын *Пеля (Перя, Пера)* гонится за лесным духом *Вёрись куль (Вёрса)* до Урал-Камня, убивает его и женится на супруге духа. Мотив отправки колдуньей (варианты: матерью, мачехой, сестрой) героя «на погиль» не только является общим для эпических преданий с сюжетом «погоня за оленихой/ лосихой», но распространён и в сказочном фольклоре. В сказках ей, как правило, предшествует тайная связь матери (мачехи, сестры) героя с неким враждебным богатырём (царём, демоническим существом), а поиски завершаются женитьбой героя.

«Дикое происхождение» и «нечистота» супруги героя вполне согласуются со свадебно-ритуальной идеей «магической нечистоты» невесты, как девушки «чужого» рода. Ритуальное «избиение» невесты вицей или плетью у коми находит отражение и в коми, и в обскоугорском фольклоре. В сказках коми добытую невесту избивает ольховым (металлическим) прутом некий помощник-старик, и только после того, как из девушки выползают разные гады, отдаёт жениху. В угорском фольклоре таким помощником для Хозяина Священного города выступает его брат (х.Ас тый ики, м.Ояс ойка). Интересно, что сватом Кудым Оша называется вогулка Ваяси (? 'зверей отец' < об.-уг. *iwj* 'зверь' + *asä* 'отец'), который открывает жениху секрет «безобразной» маски невесты, маркирующей её принадлежность чужому роду.

Обскоугорская жена Хозяина Священного города добывается братьями из нижнего мира, из враждебной страны. В фольклоре коми традиционен образ Каменных гор, как границы между родом героя и родом невесты или как места проживания её рода. Таким образом, коми и обскоугорский фольклорный материал встречно дублируют

друг друга, позволяя утверждать наличие существовавших брачных связей, по крайней мере, между *эпическими* предками коми и манси.

Современные обские угры достаточно устойчиво относят зырян (*саран*) к фратрии мось. В текстах о женитьбе богатыря-медведя на княжне-лосихе вогулы обозначены как мось, а предки пермяков («богатырская чудь») – как *пор*. Отсюда логично предположить, что между некоторыми пра-пермяцкими и обскоугорскими группами, соблюдавшими подобие фратриальности, заключались брачные союзы. Учитывая устойчивую в фольклорах народов Севера России связь христианизации с разрастанием берёз, а также то, что именно золотая берёза является атрибутом Калтаси и Небесного всадника, покровителей *мось*, то представления о коми, как о народе *пор*, можно отнести ко времени проживания в контактной зоне группы нехристианизированных пермян. Фольклорная идентификация восточных пра-коми как представителей «медвежьей фратрии» указывает на существование группы коми, обособленной от двинско-вымско-вычегодских (Пермь Вычегодская), прилузских (Пермца Малая) и прикамских (Пермь Великая) коми, но периферийно включённой в культурный ареал с доминантой угорского компонента, территориально прихватывавший левобережье Камы, верховья Вычегды, Печоры и Оби, в названиях притоков которых наблюдается необъяснимый ничем иным дубляж (рр. Вишера, Косью, Мылва, Сосьва и др.). Потомками той группы, возможно, являются язвинские коми, язык которых (даже фонетически) значительно отличается не только от зырянских, но и от пермяцких диалектов, да и антропологически восточные пермяки ближе к уральскому типу, черты которого наиболее полно сохранились среди современных манси.

Материал для предположений о фратриально-брачных отношениях пермян и обских угров в средневековье даёт образ вогульского князя Асыки, сочетающий черты и мифологического божества, и эпического персонажа, и реальной исторической личности. По преданию, Асыка живёт в верховьях Яйвы, притока Камы. По историческим документам, пельмский князь Асыка вместе с вятчанами и пермянами участвует в многочисленных набегах: на Пермь (в 1455 г., когда был убит епископ Пермский Питирим), Чердынь (в 1481 г.) и т.д. (26). По фольклорным и историческим текстам он называется «вогульским князцом», но его имя имеет явно хантыйское происхождение: *Асыка* 'Обской муж, Обской хозяин' < х.Ас 'Обь' + *ики* 'муж, мужчина'³. В мансийской огласовке его имя звучало бы как «*Ояс ойка*». Очевидно, что данное имя было не столько собственным, сколько указывающим на территориальную привязку и высокий статус, претендующий на некую мифическую преемственность от седьмого сына Торума и Калтась х.*Ас тый ики* 'Оби верховьев муж' (> *Ас ики*).

Мифический хозяин обских верховьев, имеющий множество имён (х.*Санкэ* 'Светлый', *Вэрт* 'Хозяин, Хранитель', х.*Лувын хо* 'Конный человек', м.*Лувсан хум* 'тж', х.*Мув верты хэ* 'Землю обходящий человек', *Мир вантты ху* 'Землю охраняющий человек', м.*Мир суснэ хум* 'тж'), наблюдает за порядком в мире людей (27). Небесный всадник покровительствует фратрии мось даже в тех редких случаях, когда называется незаконным сыном *Калтаси* и *Куль-отыра* (Косарев 2008: 140). Его представляют скачущим на белой или золотой восьмикрылой кобыле, реже – на лосихе. В целом, свадьба

³ Как слабо обоснованное, можно, конечно, предположить и коми происхождение этого имени: *касыка* 'опоясанный, окованный' < *асык* 'обод', 'опояска', 'оковка'. Повод к этому дают лишь имена некоторых младших кодских князей, упоминаемых в летописи и имеющих предположительно коми происхождение: *Чангыль* 'вздёрнутый, задранный сверху (о носе, носке обуви)', *Ляб* 'слабый, болезненный, жалующийся' (28).

Кудым Оша на дочери *Ас ики* мифологически вполне закономерна.

Не меньший интерес вызывает образ Пана-сотника, вошедший в фольклорный цикл коми о Стефане Пермском как Пан, Пам, Пама⁴, и сохранившийся как ситуативный персонаж, обладающий сакральным ножом в сказках о животных. По некоторым фольклорным текстам, Пам, будучи не в силах противостоять христианизации и московской колонизации, ушёл в Сибирь.

«И сказал Пам народу: «В одну ночь, в один день схороните всё ваше добро, все ваши украшения и все драгоценности, чтобы чужаки не нашли ничего». И ещё сказал Пам: «Не трогайте убогого, пусть он живёт с нами, не зная нас, пусть он ходит между нами, не видя нас, пусть говорит с нами, не слыша нас. Не трогайте его, ибо, если вы его убьёте, за ним придут многие». За одну ночь и за один день спрятали люди все свои богатства, все свои драгоценности и украшения, закопали до лучших времён. И оставили стеречь свои клады Ортов. Время придёт, клады сами выйдут. А Степан ничего не нашёл, на пустое место явился.

Народы были манси, манси и манса. Манси и манси, они как коми тоже. А про манса и вообще говорить не будем, на ночь вспоминать. Страшные они были, нелюди. Говорят, Пам, когда христианство закрепилось на коми земле, он ушёл вместе с манси. Там где-то жил за Уралом. Там где-то и похоронен в Сибири» (ПМА).

Исторический Пан-сотник, выполнявший у пермян функции духовного и военного лидера, совершал набеги на Усть-Вымь (1380, 1384 гг.), Яренск (1389 г.) и т.д., почти на столетие раньше исторического Асыки. По вымско-вычегодской летописи, уже в 1384 году Пан был «изгнан из Пермские земли из роду племени» на Удору и Пинегу. А с 1392 года осаждал Усть-Вымь уже с вогуличами. В конце XIV века Пан-сотник вынужден был, прихватив «большую половину пермяков и зырян, в Великой Пермии живших, покинуть привольные свои, на западной стороне Уральских гор, места и перейти в суровые северные, около реки Обь, страны, где они теперь от кондырей не отличаются, но вместе с оными называются остяками» (30). Переселенцы осели в районе Большого Атлыма, откуда в XVII веке тридцать человек сбежали от крещения Филофеем Лещинским за Обдорск, в Вохсарковы юрты (совр. п. Аксарка).

По документам, Пан жил на правом притоке Вычегды, в «месте, именуемом Вишера». Вишерское поселение возле Вычегды упоминается в 1380 гг., за 250–300 лет до появления на верхней Вычегде погостов с православным коми населением. Являясь стратегически важным перекрёстком, соединяющим верховья Вычегды, Ижмы, Печоры (с выходом за Урал через р. Илыч), Камы (с выходом за Урал через р. Язьва), вычегодская Вишера была регионом совместного проживания коми и манси⁵. До нашего времени сохранилась культурная специфика вишерской локальной группы верхневычегодских коми-зырян. Отличает вишерских коми и то, что среди них чаще встречаются носители уральских антропологических признаков (тёмная пигментация во-

⁴ Сюжеты о противоборстве и теологических дискуссиях Стефана и Пана-сотника достаточно хорошо проанализированы в работе П.Ф. Лимерова (29)

⁵ Вогуличи и пермяне после набегов уходят вверх по Вычегде, а после набега на Чердын, захваченного епископа Питирима убили на р. Помос, правом притоке Вычегды.

лос и радужки, коренастость, разрез глаз), что даёт повод другим верхневычегодцам в шутку называть соседей «висерса яраньяс» 'вишерские ненцы' и «сьод вогиляс» 'чёрные манси'.

Упоминания о проживании Пана-сотника одновременно на Вычегде и в «Великой Пермии», о его власти над «пермяками и зиярянами», и в то же время, о его набегах на великопермские и вычегодские городки, позволяют сделать ряд предположений. Во-первых, о том, что авторитет Пана распространялся на дохристианское население, проживавшее между камской и вычегодской Вишерами (*к.Висер, Висьёр*); во-вторых, о том, что это пермское население взаимодействовало больше с вогулами, нежели с западными и юго-западными пермянами; в-третьих, о том, что значительная часть «вишерских пермян» вынуждена была переселиться вместе с вогулами за Урал под натиском христиан-переселенцев (вычегжан, двинян, вымичей и северных русских).

Оставшиеся «вишерцы» смешались с родственными по языку западными коми, но составили ядро восточных локальных подгрупп коми-зырян и коми-пермяков. Переселившиеся с Паном-сотником в Сибирь «вишерцы» с XIV по XVII вв. ассимилировались, забыли родной язык и приняли участие в формировании сначала смешанной (манси + ханты + коми) группы, а затем – отдельного рода северных ханты. Скорее всего, этим объясняется и обилие пермизмов в современных обско-угорских языках. Последней данью языку прародины, вероятно, стало название Кама, данное маленькому притоку р. Конда.

Литература и источники:

1. Бадер О.Н. 1972. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита / Материалы и исследования по археологии СССР. № 172. Ленинград; Белавин А.М. 2000. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь; Жеребцов Л.Н. 1982. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.; Коновалова И.Г. 1999. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.; Косарев М.Ф. 2008. Основы языкового миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.; Крачковский И.Ю. 2004. Арабская географическая литература. М.; Кызласов Л.Р. 1984. История Южной Сибири в средние века. М.; Мартынова Е.П., Пивнева Е.А. 2001. Традиционное природопользование народов северного Приобья (По материалам Ханты-Мансийского автономного округа). М.; Напольских В.В. 1991. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (пуральский космогонический миф) // Материалы к серии "Народы Советского Союза". М. Вып. 5: Народы уральской языковой семьи; Напольских В.В. 1998. О происхождении названия *Югра* // *Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума)*. Том 2. Ред. Гемуев И.Н. Новосибирск; Напольских В.В. 2007а. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург – Сургут. С.41–43; Напольских В.В. 2007б. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Haekel J. 2001. *Idolkult und Dualsystem bei den Ugriern (Zur Problem des euroasiatischen Totemismus)*: Гекель Й. Почитание духов и дуальная система у угров (К проблеме евразийского тотемизма) / Пер. с нем. и публикация д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск: Издат. Том. ун-та. С.54, 59–62.

2. Напольских 2007а; 2007б

3. Domokos Peter. 1980. *La poesie populaire des peuples finno-ougrienes // Le peuples ouraliens. Leur cultur, leur traditions. Publie sous la direction de Peter Hajdu. Budapest. pp.313-336.*

4. Лимеров П.Ф. 2008. Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми. М. С.130–132; Перевалова Е.В. 2002. Войны и миграции северных хантов (По материалам фольклора) // Уральский исторический вестник. №8. Древние и средневековые культуры Урала в евразий-

ском культурном пространстве. Екатеринбург. С.49; Перевалова Е.В. 2004. Северные ханты. Этническая история. Екатеринбург; Рочев. — 1984. Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г. Рочев. Сыктывкар; Ромбандеева Е.И. 1993. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут. С.63,77

5. Напольских 2007б; Шутова Н.И. 1996. Образ древнеудмуртского женского божества: возможности его реконструкции // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä 10-15.8.1995. Pars VI. Etnologia and Folkloristika. Jyväskylä. pp. 410-413*; Шутова Н.И. 2001. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции Ижевск; см. тж Косарев 2008

6. Бахрушин С.В. 1935. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVIII вв. Л.; Беликова О.Б. 1996. Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск; Беляев И.Д. 1852. Географические сведения о Древней России // *Записки ИРГО. Кн.6. С.1–264*; — 1958. Вымско-Вычегодская (Мисаило-Евтихийевская) летопись // ИФС. Вып.4. Сыктывкар. С.257–271; Жеребцов Л.Н. 1984; Збруева А.В. 1952. История заселения Прикамья в ананьинскую эпоху // *МИА. М. №30*; Левицкий Т. 1978. «Мадьяры» у средневековых арабских и персидских географов // *Восточная Европа в древности и средневековье. М.*; Новосельцев А.П. 1965. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Древнерусское государство и его международное значение. М. С.410–417*; Рогов Н.А. 1858. Материалы для описания быта пермяков // *ЖМВД. Т. 29. Отд. VII. Кн. 4*; Сухогузов П. 1989. Путь Московского войска на Печору и за Урал в походе 1499–1500 годов // *Родники пармы. Сыктывкар. С.160–163*; Тизенгаузен В. 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из сочинений арабских. С.-Пб.

7. Лимеров 2008: 132–134

8. Ромбандеева 1993: 42–44

9. Перевалова 2002: 48–49

10. Дунин-Горкавич А.А. 1911. Тобольский Север. Т.3. Тобольск. лл.23–24, прил. IV; Чернецов В.Н. 1987. Фратриальное устройство обско-югорского общества // *СЭ. 1939. №2. С. 201–202, 239, 240*; 1939: 25–26

11. Перевалова 2002: 51

12. Кулемзин, Лукина. – 1973. Легенды и сказки хантов / Состав. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Томск.

13. Гемуев И.Н. 1990. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука. С.67–68

14. Гондатти Н.Л. 1888. Следы язычества инородцев северо-западной Сибири. М.: Типография Е.Г. Потапова, Ст. Басманная, д.Марковой. С. 8, 34

15. Перевалова 2002: 51–52; Соколова З.П. Ляпинско-сосьвинская группа манси по материалам брачных связей в XVIII–XIX вв. // *История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 120, 123*

16. Климов 1964; Ожегова 1971: 15, 28,29,32; Ожегова М.Н. 1972. Исторические основы коми-пермяцкого предания о «Кудым-Оше» // *Проблемы изучения фольклора. Саранск*

17. -*Вымско-Вычегодская ... 1958: 257–271 и др.*

18. Лимеров 2008: 130–132; Налимов В.П. 1903а. Зырянская легенда о паме Шыпича // *Этнографическое обозрение. №2. С.120–124*; Налимов В.П. 1907. Загробный мир по верованиям зырян // *ЭО. № 1–2*; Ожегова М.Н. 1971. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре // *Пермь: Пермский гос. пед. ин-т. Т. 92*; Уляшев О.И. 1999. Цвет в представлениях и фольклоре коми. Сыктывкар.

19. Ожегова 1971: 11–12

20. Карапетова И.А., Соловьёва К.Ю. 2000. Образ хозяина Югана «Явун-ики» как символ культуры юганских хантов // *Этнография народов Западной Сибири (К юбилею д.и.н., проф. Зои Петровны Соколовой). Сибирский этнографический сборник. Вып. 10. М. С.203, 204*

21. Кашлатова Л.В. 2002. Функции духа Ем-вош-ики // *Материалы V югорских чтений: медведь в культуре обско-угорских народов» (Ханты-Мансийск, 22 мая 2002 г.). Ханты-Мансийск С. 57*; Старцев Г.А. 1928. Остяки. Л.: Прибой; Успенская С.С. 2002. Образ Ем-вош-ики в фольклоре и верованиях казымских хантов // *Материалы V югорских чтений: медведь в культуре обско-угорских народов» (Ханты-Мансийск, 22 мая 2002 г.). Ханты-Мансийск. С.39–45*

22. Гемуев 1990: 75, 86, 138, 220, 221; см. тж Богордаева А.А. 2002. Сигнификативные функции одежды в традиционной обрядности обских угров // *Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып.4. Тюмень. С.91–93*

23. Ожегова 1971: 11–12

24. Климов В.В. 1964. Кудын-Ош, чудской пам // *Иньва. Кудымкар.*

-
25. Рочев 1984
 26. Вымско-вычегодская С.261
 27. Бауло А.В. 2007. Коллекция культовой атрибутики хантов из посёлка Теги // Памяти И.Н. Гемуева: Сборник статей и воспоминаний. Новосибирск: Издат. Института археологии и этнографии СО РАН. С.71–73; Богордаева 2002: 91–93, 187
 28. Вымско-Вычегодская С.262
 29. Лимеров 2008; см. Епифаний Премудрый. 1897. Житие святого Стефана епископа пермского. Спб.; Вымско-Вычегодская
 30. Георги И.Г. 1776. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч.1. СПб. С.66

Светлана Королёва

Светлана Королёва – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета, руководитель краеведческой (фольклорной) практики студентов, организатор фольклорно-этнографических экспедиций, автор более 70 научных публикаций. Исследует фольклорную традицию в зоне русско-коми-пермяцких межэтнических контактов. Основная область интересов – функционирование сакрального ландшафта, коллективные и индивидуальные поминальные практики, отражение локальной и семейной истории в фольклорных нарративах и «наивной» письменности и другие вопросы, связанные с меморативной сферой традиционной культуры.

Елена Четина

Елена Четина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета, руководитель Лаборатории культурной и визуальной антропологии, автор книг и статей, учебных пособий по истории культуры и культурной антропологии; руководитель экспедиционных исследований, режиссёр документального кино («Ты прости-ко, прощай...», 2002; «Пасха, Плэшка, День Земли», 2006; «Всемирный Семик», 2006; «Профессор Орлов. Левый марш», 2006; «Мы с икоткой тихонько живём», 2007). Фильмы Елены Четиной демонстрировались в рамках конкурсных и тематических программ на фестивалях: 11 Российский фестиваль антропологических фильмов (Салехард, 2000 г.), Фестиваль визуальной культуры (Тарту, Эстония, 2005 г.), Международный фестиваль документального кино «Флаэртиана» (Пермь, 2002, 2004, 2007 гг.), Фестиваль «Дни этнографического кино» (Москва, 2009), Московский международный фестиваль и конференция визуальной антропологии «Камера-посредник» (Москва, 2010, 2012) и т.д.

Юкся, Пукся, Бора, Мока и другие «чудские родители»

(о почитании первых насельников Верхнего Прикамья)¹

Фольклорные предания о *чудском народе* (чуди) широко известны на Русском Севере, Вятке, Урале, в Сибири. Сегодня исследователи традиционной культуры сходятся во мнении, что значительный пласт этих преданий связан с первыми насельниками края и отражает народное отношение к ним. Вопрос о связи

фольклорной чуди с народными культурами предков-первонасельников применительно к вепсской культуре был с достаточной определённостью поставлен в известной монографии В.В. Пименова «Вепсы» [Пименов 1965]; на более широком северорусском материале представления о чуди как аборигенном народе,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 16-34-0007а («История Северного Прикамья в зеркале фольклора (на материале публикаций XIX – начала XX вв.)»).

во многом мифологизированном, рассмотрены в работах Н.А. Криничной [Криничная 1988; Предания Русского Севера 1991 и др.]. О почитании чуди в качестве «первых жителей», а иногда и предков упоминала В.Н. Белицер в работах, посвящённых культуре коми и коми-пермяков [Белицер 1958: 355]; позднее множество конкретных фактов, дающих представление о характере локальных коми-пермяцких культов, собрала и ввела в научный оборот Л.С. Грибова [Грибова 2014: 101–116]. Различные аспекты «чудской» темы живо занимают специалистов и сегодня: ей продолжают уделять внимание фольклористы, этнографы, археологи, лингвисты². Связь чудских преданий с почитанием первых насельников представляется нам одним из тех ракурсов, который может привести исследователей к некоторым открытиям.

Прежде чем обратиться к конкретному материалу, остановимся на нескольких положениях, сформулированных В.В. Пименовым в уже упоминавшейся книге. Основываясь на большом количестве известных ему источников, он касается различных сюжетов о чудском народе; при этом принципиальное значение автор придаёт мотиву *родства с чудью*, поскольку видит в нём «один из очень существенных моментов отражения в фольклоре исторической концепции, созданной самим народом», а именно «стремление подчеркнуть ту мысль, что не вся Чудь погибла, часть её сохранилась, слилась с русскими (или вообще современным населением)» [Пименов 1965: 135]. По его наблюдениям, на севере этот мотив встречается у четырёх народов: вепсов, русских, коми-пермяков и коми-зырян. Однако степень родства не у всех мыслится одинаково: «Русское население, коми-зыряне и пермяки рас-

сказывают в преданиях <...> о происхождении отдельных групп или семей от Чуди, себя же в целом как отдельный народ считают отличным от Чуди, даже противоположным ей», – и лишь вепсы, на его взгляд, являются тем этносом, который «в целом считает себя идентичным Чуди, отождествляет себя с Чудью, говорит о Чуди как о своих собственных предках» [там же: 155]. Вывод исследователя – и одна из основных идей его книги – заключается в том, что первоначальные сюжеты преданий о чуди возникли у русского населения не позднее IX века в результате контактов с вепсами (которых и нужно считать «настоящей» чудью); на другие же территории чудские предания попали позднее уже в готовом виде и в этом смысле являются привнесёнными, как бы вторичными. Эта точка зрения, вызвавшая живую дискуссию, была полемически скорректирована другими специалистами, доказавшими, что формирование представлений о чуди – результат взаимоотношений новгородского населения с различными северными финно-угорскими народами и племенами, контакты с которыми пришлись на период формирования Древнерусского государства [Лашук 1969: 213–216].

Нельзя не заметить, что – при всём интересе В.В. Пименова к вепсской культуре – его внимание привлекли мотивы родства с чудью, зафиксированные у коми и коми-пермяков. Один из примеров он находит в описании «поминок по чуди», приведённом в этнографическом очерке И.Н. Смирнова (подробнее об этом см. далее). Подобные случаи автор рассматривает как единичные, однако, стремясь к объективности, констатирует, что вообще «восточная граница распространения преданий (имеются в виду территории

²Библиография вопроса настолько обширна, что мы вынуждены ограничиться самыми основными и наиболее близкими к нашей теме работами (см. список литературы в конце статьи).

проживания коми и коми-пермяков – С.К., Е.Ч.) – самая расплывчатая. Точных данных о ней очень немного. Сообщения о преданиях из этих районов чаще всего приблизительноны» [там же: 142–143].

Действительно, основная часть коми-пермяцких преданий о чуди была собрана и опубликована Л.С. Грибовой, В.В. Климовым и другими исследователями уже после выхода монографии В.В. Пименова, в конце 1960 х – 1990 х годах. В этих материалах встречаются и новые варианты мотива родства с чудью, и упоминания поминок по *чудским родителям*. Очевидно, что с продвижением русской крестьянской колонизации далее на восток «дрейфовал» и этноним «чудь», который переносился уже на другие финно-пермские народы – прежде всего зырян и пермяков. Вместе с этим (псевдо)этнонимом³ на осваиваемые земли приходили и ранее сложившиеся на Русском Севере фольклорные сюжеты о чудском народе. На этих территориях они обретали дальнейшую жизнь: здесь с их помощью могли осмыслиться уже новые реалии, связанные с межэтническими контактами, освоением незнакомого ландшафта, основанием новых поселений, а в ещё более позднее время – пребыванием тут беглых крепостных крестьян, старообрядцев, разбойников и прочих людей, по каким-либо причинам пытавшихся укрыться от властей в глухих таёжных лесах⁴.

В этой статье будут рассмотрены некоторые из коми-пермяцких преданий, где чудь выступает как первые насельники каких-либо мест. Значительная часть фольклорных текстов записана нами на территории Коми-Пермяцкого округа и Кировской области в 1999–2015 годах. Особенно интересны для нас случаи, когда *чудских людей* поминают современные жители, поскольку те первыми

поселились на какой-то территории и выступили основателями конкретных населённых пунктов. В подобных текстах *чудские родители* или *старые люди*, обычно безымянные, иногда фигурируют под личными именами. Определённый свет проливает на содержание и историческую основу этих преданий обращение к археологическим данным и письменным документам – писцовым и переписным книгам, ревизским сказкам.

1. Поминки по чуди.

П.Ф. Лимеров отмечает, что в культуре коми мотив родства с чудью получил наиболее яркое выражение в так называемых «поминках древних» – обычае поминовения чуди на местах их погребений (*чуд гуяс*); здесь «чудь поминается в качестве предков, но при этом осознаётся элемент некоторой отстранённости от них как от язычников» [Лимеров 2009: 83]. Сведения о поминальных обрядах коми на *чудских ямах* довольно лаконичны; их приводит археолог Э.А. Савельева: «...в деревне Божьюдор (современный Княжпогостский район Республики Коми – С.К., Е.Ч.) нам рассказали о том, что еще в 30-е годы <прошлого столетия> коми из соседних селений приходили на “чудские ямы”, расположенные в 4 км от этой деревни, помянуть своих предков. Эти ямы, как было нами установлено, представляют собой кладбище древних коми» [Савельева 1971: 15]. В другой книге автор уточняет, что кладбище датируется XI–XIV веками и местные жители поминали на нём *чудских бабушек и дедушек* [Савельева, Королёв 1990: 48]. Хотя локусы, называемые чудскими ямами, довольно многочисленны, и сообщения о них запи-

³ О встречающихся в фольклоре псевдоэтнонимах и формах коллективной памяти подробнее см.: [Панченко 2013].

⁴ Подобные культурно-исторические процессы отразились и в северорусских преданиях о чуди, так что определённую открытость этой группы сюжетов к новым реалиям можно считать их общей особенностью (до определённой степени присущей фольклорному преданию как таковому).

сываются по сей день, других упоминаний о подобных коми обрядах, кажется, не зафиксировано; обнаружить их было бы большой исследовательской удачей.

Коми-пермяцким «поминкам по чудским родителям» повезло значительно больше: они неоднократно описывались исследователями в конце XIX-го и на протяжении XX-го веков. В двух северных районах Коми-Пермяцкого округа – Кочёвском и Косинском – обряд этот бытует вплоть до сегодняшнего дня. При этом имеются некоторые сведения, что в более раннее время он был известен и в южных районах. Так, в очерке И.Н. Смирнова сообщается о том, что возле д. Ик Иньвенской волости существовало место, покрытое массой лошадиных и коровьих костей – *чучкое молитвище*. По местному преданию, не желая принимать христианство, чудские люди закололи и съели здесь 40 животных, сложили кости в кучу, а потом задавили себя землёй [Смирнов 1891: 262]. К сожалению, из приведённого этнографом описания невозможно однозначно понять, какого рода почитанием пользовалось это место и совершались ли здесь после «самопогребения» чуди обряды поминальной направленности. Более отчётливо об этом сообщается в случае другим сакрализованным местом – чудскими могилами близ д. Галюково Кудымкарского района: по-видимому, ещё в конце 1940 х гг. «старики ходили туда на поминки, чтоб не было падежа скота и болезней» [Белицер 1958: 355]. В 2007 году воспоминания об этом обряде записала этнограф С.В. Чугаева: «...мама рассказывала, маленький народ был, его на краю горы поминали, где похоронили. Как-то не пошли помянуть, так много коров в Велве утонуло. Сейчас не знаю, поминают или нет. Давно эти чучкие жили, у них находили обувку величиной с ладонь. <...> Говорили, что они жили только в Галюкове, Мелехино. Всегда старые говорили:

отразится на скотине, если поминать не будем» [Чугаева 2015: 168].

Старый народ, поминаемый на чудских местах, не всегда воспринимается населением как прямые («кровные») предки. Об этом свидетельствует рассказ о возникновении в начале XX в. почитаемого места Шойнаыб возле д. Войвыл современного Косинского района Пермского края. Здесь при рытье дорожных канав в 1908 г. жителями были открыты кости людей и найдены «чудские» изделия. Открытие могильника привело к установлению поминального дня погребённых тут людей. Женщины-пермячки, не зная имён умерших, при чтении молитв поминали так: «*Помяни старых дедушек и бабушек*». Духовенство тоже было вынуждено являться сюда для поминовения и «молиться об усопшей чуди» [Кривощёков 1914: 301–302]. Судя по тому, как быстро оформился этот микролокальный культ *старых людей*, жители распространили на него уже существующую в их культуре модель коллективных поминовений. Вызывают интерес и приведённые в источнике слова народной молитвы (либо вокативной формулы), которая направлена на поминовение «усопшей чуди».

Упоминание подобных народных молитв, включающее, по-видимому, передачу подлинных традиционных поминальных формул, встречается и в других работах второй половины XIX – начала XX веков. Примечательно, что ареал распространения этой традиции шире, чем территория проживания коми-пермяков, и выходит за пределы Пермского края. Подобные обряды и связанные с ними молитвенные тексты зафиксированы в материалах, собранных в современном Верхнекамском районе Кировской области (в т.ч. у населения, которое считало себя русским). В прошлом тут располагалось несколько волостей Слободского уезда, две из которых – Кайгородская и Трушниковская – неофициально имено-

Поминки на В. Чадзёв, 1964.

вались Кайским краем. Здесь, в с. Гидаево, был обнаружен такой обычай: в Семик дети носили на чудские кладбища блины и оставляли их со словами: «Помяни, Господи, чудского дедушку, чудскую бабушку» ([Смирнов 1891: 125]; здесь и далее курсив в цитатах наш – С.К., Е.Ч.). Аналогичным образом эта традиция описана в другом источнике: «С именем “чудь” здесь соединяется <...> представление о прошлых, вымерших поколениях людей. Это ясно подтверждает обычай, существующий в Лойнах, Гидаеве и, по всему вероятно, во многих других местах Слободского уезда». В Семик, когда взрослые крестьяне ходят поминать на кладбище своих родителей, подростки направляются на чудские места с брагой и пищей, говоря: – *Вот, чудь, мы принесли тебе хлеба и браги, пришли пировать с*

тобой! Или: Помяни, Господи, чудского дедушку и чудскую бабушку! Почти с именем каждого селения соединено воспоминание о прежде бывшем тут чудском поселении» [Иванов 1882]. Подобные обряды фиксировались в конце XIX века и в других селениях Кайского края, расположенных у чучковников – чудских кладбищ; во время поминок говорили так: «*Помяни, Господи, чучь (или чудаков)!; Помяни, Господи, дедушку чучка, бабушку чучиху!; Помяни, Господи, чучких родителей!; Помяни, Господи, чучкого дедушку и бабушку!*» [Сорокин 1895: 36].

Сходный обычай был известен также зюздинским коми-пермякам, которые проживают в смежном с Верхнекамским районе – Афанасьевском (в прошлом – Глазовский уезд)⁵: «В с. Зюздино <...> в

⁵ Как показали исследования, проведённые одним из авторов статьи в 2015 году, отдаленные воспоминания об обряде поминок по чуди сохраняются у жителей пгт Афанасьево и сегодня; так, сотрудник местного музея, краевед П.А. Харин рассказал, что знает о нем со слов своей бабушки: «Помяни бабушку мою, дедушка моего, чучку и бабушку чучиху...» У нас ассоциировали как предки пермяков, те, кто себя не успел самозахронить» (записала Е.М. Четина совместно с О.А. Колеговой и М.А. Брюхановой).

Чазёво, 2012.

семик <...> и в прочие поминальные дни <...> носят на чудские могильники яства, полагая их в берестяные коробочки <...>. Вешая эти коробочки на сосны и ели, растущие на могильниках, говорят: *“Помяни, Господи, Чудака NN”* (называют имя, которое переходит из рода в род)» [Смирнов 1891: 125]. В этом описании особенно интересно упоминание о том, что у чуди существовали личные имена, которые «переходили из рода в род» и произносились на поминках. Какие именно имена называли зюдинцы, исследователь не уточнил, однако перечни «чудских» имён встречаются в свидетельствах о других аналогичных обрядах.

2. Чудь с христианскими именами.

Остановимся на тех локальных традициях, о которых у нас имеются более

подробные данные. Одна из них бытовала раньше в Кайском крае, в зоне русско-коми-пермяцких контактов; поминание на *чучковнике*, или *чучковище* при д. Рубеж бывшей Трушниковской волости было детально описано вятским статистиком и этнографом П.М. Сорокиным в брошюре «Чудь Кайского края» (1895). Вторая традиция – пермская; это коми-пермяцкие поминки *старых людей* (*важ отир*) на Боринском (Мокинском) могильнике близ д. Борино Кочёвского района и на могильнике Важ Чадзёв, расположенном неподалеку от с. Чазёво Косинского района Коми-Пермяцкого округа. Обряды эти совершаются до сих пор и неоднократно описывались исследователями [Жуланова 2003; Чугаева 2008; она же 2015: 149–192]; сведения о коллективных поминках северных коми-пермяков целенаправленно собирают и авторы

Кладбище уд. Борино.

этой статьи, что нашло отражение в публикациях [Четина, Роготнев 2010: 40–42; Королёва, Четина, Роготнев 2013; Королёва 2014].

В северо-восточной части Вятской губернии жители некоторых селений устраивали поминки по чуди в Семик или Троицкую субботу; её могли поминать «по обязанности» – как родных и «по обету» – как сторонних [Сорокин 1895: 34]. Чучковники располагались возле селений, и каждый посещался только жителями определённых деревень. Они мотивировали необходимость поминок так: «Чудь жила до нас, место расчищала; как не помянуть!» Считалось, что в противном случае чудь может наказать пропажей скота: «Опять же, <...> помянешь, так спокойнее для скота, а то теряться будет»; «Поминаем затем, чтобы скот не терялся, чтобы скоту легче было, – чтобы скотин-

ка стояла (водилась). <...> Обещаемся, и идёт в действие, помогает» [там же: 35, 41]. Автор приводит рассказ о местном крестьянине, который решил, что поминать чудь не стоит, и та его наказала: у него пропала лучшая корова, которую нашли павшей на чучковнике – «и рога в землю уткнуты» [там же: 40–41].

Участники обряда утверждали, что *поминают родителей*, однако П.М. Сорокин выражает сомнение, что все местные жители действительно потомки инородцев, и видит причину в «боязливом отношении» к чуди. Ритуальные приношения для неё не отличались от того, что обычно несли на кладбище: блины, кисель, рыбный пирог, яйца, молоко, бражка; брагу наливали в ямки, выкопанные в чучковниках. Ко времени описания обряда традиция начала выходить из обихода: имелись селения, где перестали проводить

такие поминки; в некоторых деревнях к ним враждебно относилось мужское население; повсеместно участвовали только «старухи, женщины и дети», прочие же ограничивались посещением церкви и действующего кладбища, где поминали своих родных [там же: 36–37].

В двух местах *чучь поминали по обету* (т.е. как чужих). Менее известное располагалось близ д. Малый Каптол Кайской волости; сюда приходили только жители этой и соседних деревень. Более известным было чучковище при д. Рубеж Трушниковской волости, куда собирались поминающие как из соседних, так и из значительно удалённых селений обеих волостей Кайского края. Обряд совершался в Семик без участия духовенства. Место поминовений располагалось в покотине д. Рубеж, где находился *куст* – группа старых елей и сосна с раздвоенной верхушкой (сами по себе они не считались священными) [там же: 37–38]. Приведённые автором подробности могут свидетельствовать, что он сам присутствовал на таких поминках или беседовал с их участниками: «На поляне вблизи “куста” заметны небольшие ямки, как бы следы могил. К кусту <...> каждый приносит, кроме обычных на поминках яств, бражку, а также непременно восковую свечу. Свечи зажигаются и ставятся на ветви одной из ёлок. На этой ёлке висит икона, и ранее висел небольшой старинный медный крест грубой работы <...>. Он был найден на соседнем поле, где имеются ясные следы чучьего жилья. Здесь-то, по преданию, и жили поминаемые. Говорят, <...> что, хотя при пожарах кустарника <...> дважды огонь доходил до “куста”, однако не касался его. <...> Поминающий, затеплив свечу, молится, произнося обычную формулу поминовения с упоминанием имён чучи. <...> Помянув, каждый отходит в сторону <...> и садится с семейными и знакомыми за

принесённые припасы» [там же: 38–39].

Интересно, что произносившиеся здесь *чудские имена* оказываются христианскими: поминались *Фарафон* (ср.: Фарафонт – вариант имени Ферапонт [Петровский 1980: 213]), *Кирилл*, *Нистифер* или *Анцифер* (ср.: Нисифор и Анцифер – варианты имени Онисифор [там же: 53, 167]), вместо последнего иногда назывался *Захар*, изредка прибавлялась *бабушка Пахомовна* [Сорокин 1895: 39]. Исчезновение чуди из этих мест объяснялось её самопогребением. Причиной называли нежелание креститься; некоторые считали, что чудь была крещена, но «по-своему», и не захотела переходить в православие (это наталкивает автора на мысль о её сходстве с раскольниками); третий вариант приписывал убийство чуди *жидам*, т.е. разбойникам [там же: 39–40].

Из сведений, собранных П.М. Сорокиным, следует несколько важных выводов: во-первых, существование чудской деревни пришлось на не слишком отдалённое время, когда соседняя д. Рубеж уже существовала (по преданию, одна из чудских девушек вышла туда замуж); во-вторых, те, кого поминали на этом чучковнике, носили календарные имена, т.е. были крещёными; в-третьих, поминки чуди осуществлялись с использованием христианской атрибутики, возможно, старообрядческой (таковым представляется старый медный крест, найденный на месте чудского поселения).

Сходным образом осуществляются поминовения *старых людей* у коми-пермяков. Как и в Кайском крае, в северных районах Коми-Пермяцкого округа известно несколько мест, где осуществлялись или осуществляются коллективные поминки, обычно приуроченные к Троицкой субботе. Поминкам на чудских могильниках предшествует индивидуальное (семейное) поминовение

Боринский могильник.

умерших родственников, похороненных на действующих кладбищах. Устойчивость и значимость поминальной традиции отчасти объясняется верой в *мыжу* 'кару' – внезапную болезнь, которую похороненные на старых могильниках посылают за отсутствие положенных поминок; наказание это распространяется не только на людей, но и на домашний скот, который тоже болеет или теряется. Избавить от мыжи может поминовение *старых людей* – не только в ближайшую Троицкую субботу, но и в последующие годы, т.е. участие в этом обряде продолжается по овещанию – по обету [Жуланова 2003: 158].

Одно из мест, куда ходят *платить мыжу*, – лесное урочище Важ Чадзёв ('Старое Чазёво'); в последнее время его паломнический ареал составляет куст ближайших деревень, однако ранее жи-

тели приходили сюда за 40–50 вёрст [Вишневский 1928: 295]. Согласно устной традиции, здесь похоронен основатель д. Чазёво по имени *Чадч/Чач*; по другим вариантам, он сам захоронил себя здесь вместе с братом, которого звали *Бадч/Бач*, либо с тремя братьями. Место их «самозахоронения» было огорожено изгородью из жердей и отмечено деревянным столбом с «крышкой» (тип надмогильного сооружения, долгое время сохраняющийся в старообрядческой культуре). Любопытно, что по свидетельству учёного Б. Вишневского, видевшего этот могильник в 1917 году, к столбу была прикреплена «маленькая икона типа старообрядческих складней», а на земле был замечен «как бы след ямы». О посещаемости места свидетельствовали береста от бураков (в которых приносили напитки) и проржавевший железный ковш (возможно,

Поминки, 2011.

использовавшийся в качестве кадильницы). Кроме четырёх братьев, местное население поминало здесь безымянных старинных людей, наших дедушек, «грамотеи» читали Псалтирь [там же: 295]. По материалам Л.С. Грибовой, в 1950-х годах в столбе по-прежнему было углубление для иконы и свечей, недалеко от него лежала сумка с монетами; старожилы рассказывали, что раньше тут стояла чучкая деревня и чучкая часовня [Климов, Чагин 2005: 156]. В 1960-х годах во время пожара огонь дошёл до места, где когда-то проходила изгородь, и остановился, в чём некоторые из местных жителей увидели подтверждение особой «силы» этого

могильника (ПМА, Косинск., 2002)⁶.

Наиболее значимым местом, где поминают старых людей, является сегодня Боринский могильник (он же *Важ Мокин* 'Старое Мокино', *Сьёд Мокин* 'Чёрное Мокино', *Важ шойна* 'Старое кладбище', *Чучкой шойна* 'Чудское кладбище'). Почитаемое место расположено на небольшом лесистом холме возле д. Борино Кочёвского района. Некоторое время назад на Троицкую субботу сюда приходили не только из ближайших сёл и деревень, но и из соседнего Косинского района, а ещё ранее приезжали жители Гайнского района и даже те, кто выехал за пределы Коми-Пермяцкого округа и обосновался

⁶ Коллективные поминки на этом месте имеют усложнённую структуру: по дороге на Важ Чадзёв некоторые заходят на действующее кладбище помянуть родных, а после Важ Чадзёв идут на Кушдор – поляну на берегу маленькой речки, где поминают шойнаыбских девушек; вместо молебна здесь поют и водят хороводы, с собой несут брагу и пиво, в воду бросают куски пирогов (ПМА, Косинск., 2002). Из материалов Л.С. Грибовой следует, что раньше в речку бросали ещё монеты, кисти от платков и поясов, на деревья вешали полотенца и лоскутки одежды; считалось, что тут на берегу стоял дом первых чудских [Чугаева 2015: 179].

в городах.

Согласно описанию этномузыковеда Н.И. Жулановой, на рубеже 1980–1990-х годов посередине этого *важ места* ('старого места') стояла большая ель, вокруг которой были заметны небольшие углубления – *ямки*. «Чудесное свойство» могильника проявлялось, по мнению жителей, в том, что поляна не зарастала кустами и лесом, а ямы не исчезали, хотя их не чистили. Вплоть до 1930-х годов рядом с елью стояла деревянная часовня с множеством икон (еннэз) [Жуланова 2003: 151–152]. Обряд *важжезъс касьтылём/важ важжез касьтылём* 'помятие старых' начинался с того, что на старую ель прикрепляли бронзовый крест-распятие и часовенную икону, к которым подходили с поклонами и целованием участницы молебна. На ветви развешивали *козиннэз* 'дары' (бумажные деньги, полотенца, платки, самотканые пояса). К корням дерева клали металлические деньги и поминальную еду: пироги с рыбой, прочую выпечку, варёные яйца. Сюда же в открытых бидонах ставили пиво и брагу, втыкали в землю зажжённые свечи [там же: 152–153]. Участники обряда, пришедшие *платить мыжу*, старались подать *дары* (новый платок, полотенце) кому-нибудь из богомольных старушек. В 1989 году службу тут вела бывшая монахиня из местного монастыря, разрушенного в советское время; в дальнейшем её заменили пожилые верующие уроженки д. Борино.

В ходе молебна произносится народная поминальная молитва, в которой перечисляются имена *старых людей*. После молебна кто-то начинает *кадитны* 'кадить' – обходит присутствующих, окуривая дымом из консервной банки с тлеющими угольками, шишками, мхом. По окончании молебна другая участница обносит всех самогонкой; выпивая из рюмки, каждый должен произнести: «*Помяните, Господи, всех родителей*». «По-

сле окончания молебна атмосфера на поляне становится всё более оживлённой и праздничной. Начинается общая трапеза. Люди располагаются родовыми группами возле "ямок" своих предков», активно общаются, едят поминальную еду, угощают других [там же: 160–162]. В 2011 году один из авторов статьи наблюдал живое исполнение этого обряда, который проводился с незначительными отличиями. Вместо упавшей ели установлен большой деревянный крест и стол, на который и выкладывается поминальная еда. *Ямки* в земле теперь не просматриваются, поэтому, помятая *старых родителей*, участники находятся все вместе, ближе к центру поляны.

Согласимся с Н.И. Жулановой, предполагающей, что, скорее всего, «никаких древних дохристианских текстов, обслуживающих ритуал поминовения предков, вовсе не было» и что этот коми-пермяцкий обряд коллективного помятия родился при непосредственном влиянии православного чина заупокойных богослужений (панихид, отпеваний) [там же: 166]. В частности, ряд черт сближает его с Вселенской панихидой, которая направлена на поминовение «всех от века умерших христиан»; одна из двух таких панихид приходится как раз на субботу перед Троицей – день, когда народные поминальные молебны проводятся (или проводились) и на большинстве почитаемых *важ мест*. Из источников начала XX в. следует, что ранее в таких ритуалах могло участвовать духовенство, что не препятствовало сохранению народных преставлений и обрядовых практик – вере в *мыжу*, приношению поминальной еды с целью «накормить» души умерших и т.п.

Особый интерес представляют имена похороненных на Боринском чудском кладбище (их перечень сохраняется в неканонических поминальных молитвах и рассказах

участников обряда). В 1989–1995 годах тут поминали *Адама, Еву, Бору* (Бориса), *Моку* (Мокея), *Улиту* (Ульяну), *Политу* (Пелагию), *Агалью* (Агафию); иногда в качестве первых людей называли также *Потея* (Фотия), *Прола* и *Лаврея* (Флора и Лавра), Макара [там же: 156–157]. Молитва, записанная в 2011 г., начинается так: «*Помяни, Господи, Ева и Адама, Мока и Бориса, Улита и Полита, Кузьма, Кач, Бач, Портог и Домна...*» (ПМА, Кочёвск.)⁷. Значительная часть этих антропонимов – календарные (христианские) имена; присутствие некоторых из них в молитве поддаётся объяснению. Так, *Адам* и *Ева* – библейские первопродки, которые считаются персонажами локальной истории («Жили два человека – Ева да Адам. Зашли в яму, да столбы-то подпилили, да так и остались там, пропали... здесь в яме в Борино» [там же: 157]⁸); *Флор*, *Лавр*, *Макарий* – святые, покровители домашнего скота, которым были посвящены праздники в соседних с Борино сёлах и деревнях. Что касается *Боры*, *Моки*, *Улиты* и *Политы*, то это, по местному преданию, главные из *старых людей*, дающих мыжу; с ними также связывается чудской сюжет самопогребения, причиной которого называют то сильный голод, то эпидемию или бездетность: «*Мокей* и *Борис*, у них жёны были *Ульяна* и *Пелагия*. *Это первые люди тут. Самые первые*. <...> У них дети, говорят, не были, и они сами себя там похоронили» (ПМА, Кочёвск., 2011). По материалам Л.С. Грибовой, помянуть их стали после того, как они «вышли из земли и рассказали о себе» [Климов, Чагин 2005: 156].

Итак, очевидно, что пермские и вятские поминки по чуду имеют ряд сходных черт. На обеих территориях обряд

осуществляется в среде коми-пермяков или в зоне активных коми-пермяцко-русских межэтнических контактов. Почитаемые места (с *ямками*) располагаются поблизости от современных поселений и воспринимаются жителями как старые кладбища; к ним приурочивается сюжет самопогребения чудских людей. Традиция поддерживается верой в «силу» этих умерших, их способность наказывать человека за отказ участвовать в ритуале (болезнью, пропажей скота и т.п.). *Чудские могильники/чучковники* выступают центрами пересекающихся паломнических ареалов; сакральность места выражается в устных легендах о происходящих здесь «чудесах». Поминки (иногда по обету) приурочены к Троицкой неделе – Семику или субботе – и носят коллективный характер; в обряде задействуется традиционная поминальная еда и христианская атрибутика (кресты, иконы, свечи). Во время поминок перечисляются «чудские» имена, большая часть которых – нелитературные формы христианских антропонимов, присутствующих в русском именнике. Учитывая, что в прошлом эти смежные вятские и пермские земли были связаны миграционными потоками и интенсивными контактами, сходство зафиксированных здесь обрядов «чудских поминок» может носить генетический характер.

3. Чудские имена и исторические данные.

Исследователи преданий о чудском народе не раз отмечали, что обычно в фольклорных записях чудь безымянна

⁷ Ср. фрагмент молитвы, сохранившийся в записях Л.С. Грибовой: «Курит да Улит, Ева-Адам, отпустите моих грешных и правоверных родителей. Золотые ключики, золотые замки, Иван заключник, отпустите моих родителей, царь Давыт...» (цит. по [Чугаева 2015: 176]). Курит да Улит – вероятно, святые Кирик и Улита, которые могли быть изображены на одной из многочисленных часовенных икон, утраченных в 1930–1960-х годах.

⁸ Библейские первые люди появляются и в варианте предания о косинско-кочёвских первоначальниках: «Были Ева и Адам, у них было четыре сына: Чадз, Бадз, Юкси, Пукси. Один ушёл в Чадзёва, другой в Юксеево, Бачманово и Пукси пришёл сюда в Пуксибе осел» [Чугаева 2015: 163].

[Пименов 1965: 132; Рочев 1985]⁹. Исключения очень редки. Так, в Тихманском приходе Вытегорского уезда крестьяне указывали *Аминтову дорогу*, по которой бежали от местных жителей «толпы Чуди под предводительством вождя своего *Аминта*»; они были догнаны у озера Лача и вконец разбиты [Барсов 1894: 174]. На Верхней Вычегде чудские люди могли изображаться как шайка разбойников или ватага молодцов, которой руководит *Туннырьяк* – силач и колдун, персонаж местных преданий [Рочев 1985: 11]. Другим примером могут служить известные чудские богатыри *Пера* и *Мизя*. В этот же ряд должны быть включены предания о братьях *Юксе*, *Пуксе*, *Чадче* и *Бадче*, а также, по-видимому, бытующие в д. Борино и её окрестностях фольклорные рассказы о *Боре*, *Моке*, *Улите* и *Полите*¹⁰.

Для нас особенно интересны случаи, когда персонажи из числа чуди фигурируют в топонимических преданиях. В одной из северорусских записей говорится, к примеру, о «семействе чудского племени», расселившемся в окрестностях Холмогор: «На Матигорах жила мать, на Курострове – Кур-отец, на Курье – Курья-дочь, в Ухтострове – Ухт-сын, в Чухченеме – Чух – другой сын. Все они будто бы перекликались, если что нужно было делать сообща, например, сойтись в баню» ([Предания Русского Севера: электрон. ресурс]; см. № 17–18). По мнению Н.А. Криничной, в подобных преданиях имя основателя зачастую «не столько определяет топоним, сколько само с разной степенью вероят-

А.Г. Петрова, с. Юксево.

ности выявляется из этого топонима»; особенно часто чудские имена появляются как результат народной этимологии финноязычных географических названий [там же]. Однако исследователь справедливо замечает, что в каждом отдельном случае соотношение имени и топонима нуждается в конкретных разысканиях.

Нам кажется, что в некоторых случа-

⁹ Речь не идёт о сюжетах, в которых фигурируют потомки исчезнувшего народа, поскольку как раз для них характерно наличие антропонимов – как правило, это фамилий тех семей, которые, по местным преданиям, произошли от чуди.

¹⁰ Чудские имена могут восходить к христианскому именнику и в преданиях, не связанных с поминальными практиками. Одно из них находим в сборнике Н.А. Криничной: здесь в сюжете об изгнании и бегстве чуди упоминается чудская молешня, а погибший в дороге чудской переселенец носит имя Фатей (т.е. Фотей – разг. от Фотий [Петровский 1980: 227]): «Он же <отец> рассказывал <...>, как хоронили на Фатеевой горе Фатя, умершего в пути...» [Предания Русского Севера: электрон. ресурс]; текст № 120). В Кочёвском районе Пермского края рассказывали, что чудь жила в деревнях Воробьи и Петухово, где её сторожили свои богатыри: «Старики по именам их называли, одного Петра, другого – Перша» [Чагин 2009: 22], – т.е. чудских богатырей звали Пётр и Перфилий (Порфирий).

Поминки на Кушдоре, 1964.

ях антропоним, действительно, даёт возможность уточнить историческую основу устных преданий. Рассмотрим более подробно пласт фольклорных текстов, приуроченных к вышеописанным почитаемым местам Важ Чадзёв и Важ Мокин и соотнесём их с данными, извлечёнными из сохранившихся документов.

Как уже говорилось, поминаемые на Важ Чадзёв братья Юкся, Пукся, Чадч и Бадч выступают как основатели реально существующих двух сёл и двух деревень: «У них один топор был. Вот первый, Юкся, построил Юксеево и второму кинул, пуксибскому. Тот построил Пуксиб и кинул третьему, в Чазёво. Тот деревню построил и кинул четвёртому. А это наша деревня и есть, Бачманово» (ПМА, Косинск., 2000). В одном из вариантов братья названы ссыльными из Москвы: «Когда-то изгнали из Москвы или из другого места в ссылку отца с четырьмя сыновьями. Вот они

дошли до Юксеево и там остановились...»; на месте остановки родственники поставили часовню и посадили четыре ели, после чего разошлись в разные стороны, чтоб основать новые поселения [Антология 2013: 29]. В наших полевых материалах легендарные братья называются также беглыми крепостными крестьянами («Это был второй или третий гнёт, крепостное право называлось. И *чудные люди* приехали сюда семьями и здесь незарегистрированные жили...») и даже старообрядцами: «Юкся и Пукся братья были, в землянках себя похоронили. <...> Староверы они были. Староверы – это первые, мы для них были пришлые, как уже мирские, что ли» (ПМА, Кочёвск., 2000). Имена первых насельников до сих пор включаются в народные поминальные молитвы: «Помяни, Господи, все святые: Давыда да Данила <...>, дорожники, военнопленные, нищие, жаждущие, все

заблудившие, утопляющие, суседы, братья, сестры, старые, девицы, *Чадч*, *Бадч*, *Юксь*, *Пуксь*, мокинские, шойнаыбские, нюрмэдорские» (ПМА, Косинск., 2002).

Посетив Важ Чадзёв, Б. Вишневский предположил, что предание о братьях имеет историческую основу и эти четыре «старинных человека» действительно «играли в жизни пермяков какую-то видную роль». К такому выводу его подтолкнуло, в частности, наличие коми-пермяцких фамилий *Бачев*, *Бачманов*, *Чазев* [Вишневский 1928: 295, 297]. Как известно, многие названия поселений восходят к антропонимам, обычно – к имени или прозвищу одного из первых жителей; эти же имена и прозвища могли послужить основой для формирования фамилий.

Обращение к документам позволяет уточнить как характер легендарных антропонимов, так и приблизительное время основания связанных с ними населённых пунктов¹¹. В писцовой книге М. Кайсарова (1623–1624) читаем: «Деревня *Бачманова*¹² на Ключе, а в ней <...> Офон(ь)ка Иванов сын *Бачманов*, да пустых дворов <...> Д<вор> Олешки Иванова сына *Бачманова* умре, Д<вор> Илюшка *Бачманова* сошёл безвестно в 1616 году, <...> Д<вор> Фет(ь)ки *Бачманова* сошёл безвестно в 1619 году» [Кайсаров: 132-об]. Мы видим, что след героя фольклорных преданий по имени *Бадч* (*Бач*) обнаруживается в компоненте *Бачманов*, который выступает в качестве

патронима – наименования по отцу, или полуотчества (Илюшка *Бачманов*, Фетка *Бачманов*), а также формирующейся фамилии (Офон(ь)ка Иванов сын *Бачманов*, Олешка Иванов сын *Бачманов*). Фамилия *Бачманов*, по которой названа деревня Бачманово, скорее всего, происходит от прозвища *Бачман* – из тюркского *badzman* ‘собирателъ пошлин’ [Полякова 2005: 43].

Упомянуется в этом документе и деревня Чазёва (по-видимому, Старое Чазёво – *Важ Чадзёв*¹³): «Пус<т>, что была деревня *Чезева* на речке на Кичише» [Кайсаров: 139]; при этом компонент *Чаз* в антропонимах её бывших жителей отсутствует. Важно, однако, что имя или прозвище *Чаз* и полуотчество *Чазев* встречаются в более ранней писцовой книге И. Яхонтова (1579): здесь мы находим «починок *Чезев* на речке на Киве»¹⁴, где проживают «Гриша да Петруша *Чезевы*»; также в числе жителей деревни Кудымкар упоминаются «Рака да *Чаз* Дмитриевы» [Яхонтов: 40-об]. Документальная фиксация патронима *Чазев* и особенно имени *Чаз* (пусть в связи с другим населённым пунктом) свидетельствуют о том, что Старое Чазёво, вероятно всего, получило название по имени одного из первых поселенцев – мифологизированного Чадча, память о котором сохранил фольклор. Само же имя (прозвище) *Чаз* могло возникнуть из коми-пермяцкого или тюркского слова [Полякова 2005: 409–410].

Несколько сложнее обстоит дело с

¹¹ Выражаем глубокую признательность фольклористу А.Б. Ипполитовой, пермским коллегам Е.Н. Поляковой, А.А. Арустамовой, Е.А. Ключиковой и косинскому краеведу М.Е. Мартынову за содействие в работе с архивными источниками.

¹² В источнике – «Башланова», что является ошибкой переписчика (переписи И. Яхонтова и М. Кайсарова дошли в списках XIX в.).

¹³ Предположение принадлежит краеведу М.Е. Мартынову, который основывается на том, что почитаемый могильник Важ Чадзёв находится рядом с речкой Кыдыс (название которой русский писец передал как Кичиш) [Мартынов 2013: 7]. Новая деревня Чазева на роднике, соответствующая современному поселению, появляется в переписной книге П. Елизарова (1647).

¹⁴ Трудно сказать, является ли этот починок Чазево той самой деревней (Старое Чазёво), которая в писцовой книге М. Кайсарова значится как опустевшая. Некоторые исследователи полагают, что речь идёт об одном и том же поселении.

основателем современного села Юксево. Две самых ранних для Северного Прикамья писцовых книги содержат упоминание о деревне *Юксиевых на роднике*¹⁵ [Яхонтов: 40-об] и *Юксева на роднике* [Кайсаров: 129 об]. При этом в именах жителей отсутствует какой-либо компонент, соотносящийся с именем легендарного первоначальника (*Юкся* или *Юкси*). Однако сама форма топонима на -ых (деревня *Юксиевых*) содержит русский формант со значением принадлежности и свидетельствует о том, что название происходит от антропонима. В числе пермских фамилий, действительно, есть *Юксеевы* и *Юксиевы*; их образование лингвисты связывают именно с дохристианским именем *Юкси*. Имена на -си, не характерные для коми-пермяков, встречаются в удмуртской и башкирской антропонимии [Полякова 2005: 454].

Менее всего прослеживается в документах существование четвёртого легендарного брата-первоначальника – *Пукся/Пукси*, от имени которого производится топоним Пуксиб. Впервые это название упоминается в писцовой книге М. Кайсарова как «деревня *Пуксина*¹⁶, что была деревня Нестерова» [Кайсаров: 139]; в дальнейшем в переписных книгах П. Елизарова и Ф. Бельского она именуется *Куксинь* [Мартынов, Нилогов 2012: 50, 61]; в других источниках встречается написание *Пуксипи/Пуксяпи*. В некоторых вариантах предания Юкся выступает отцом трёх братьев; по-видимому, с этой версией соотносится зафиксированная народная этимология топонима Пуксиб: известно, что название трактовалось местными жителями как произошедшее от коми-пермяцкого *пукси*

'сел' и *пи 'сын'* – «сел на поле отделившийся сын» [Кривощёков 1914: 644]). Лингвист А.С. Кривощёкова-Гантман также считает форму топонима Пуксипи первоначальной, но переводит её как 'сын Пукси'; в свою очередь, происхождение антропонима *Пукси* связывается ею с удмуртским или башкирским языками, где встречаются имена на -си [Кривощёкова-Гантман 2006: 179]. Образованных от него пермских фамилий не известно.

Таким образом, обращение к писцовым книгам позволяет конкретизировать период времени, отражённый в коми-пермяцком предании: село Юксево и (возможно) деревня Чазёво впервые упоминаются в 1579 году, село Пуксиб и деревня Бачманово – в документе 1623–1624 годов. При этом три из четырёх «чудских» антропонимов более или менее прямо соотносятся с именами первых жителей. Обращает на себя внимание их иноэтничное – по отношению к коми-пермякам и русским – происхождение, связанное с удмуртским и тюркскими языками¹⁷.

Не менее результативным оказывается обращение к документальным источникам и в связи с именами первопоселенцев *Боры*, *Моки*, чья почитаемая могила находится на месте Важ Мокин близ д. Борино. Деревня эта впервые упоминается в первой трети XVIII в., причём сразу в нескольких документах, в том числе подушном списке жителей Соликамской провинции Чердынского уезда (представляющем собой копию Первой ревизии Чердынского уезда 1719–22 годов). Поскольку женские имена в Прикамье начали последовательно заноситься

¹⁵ В источнике ошибка переписчика: «Юскиевых».

¹⁶ В источнике ошибка переписчика: «Пуксипа».

¹⁷ Ср.: М.Е. Мартынов обращает внимание на то, что в числе выбывших из опустевшей (старой) д. Чазево жителей были Михалко и Белянко Салтановы; следующая перепись 1647 года снова упоминает Салтановых – уже в новом Чазево. Возвращение выбывших жителей отмечается и в переписи 1678 года, причём двое из вернувшихся в Чазево записаны с фамилией Салтановы, которой раньше не имели (но она могла служить их неофициальным родовым наименованием, не отражавшимся в документах) [Мартынов 2013: 7–8, 10]. Фамилия эта точно принадлежала первым жителям поселения (в 1623–24 гг. она записана ещё как патроним); некалендарное имя или прозвище Салтан имеет очевидное тюркское происхождение [Полякова 2005: 333].

в переписи только с середины XVIII в., то невозможно проверить, были ли среди жителей деревни *Улита* и *Полита* – жёны легендарных первых насельников. Что касается мужских антропонимов, то мы обнаруживаем их – пусть и не в виде собственно имён, а в составе патронимов: «Деревня Борина. Иван *Борисов сын* Хомяков (70). У него дети Левонт, Кирило, Иван. Аника *Мокиев сын* Хомяков (40), у него братья Трофим, Максим, Гаврило. У Аники дети Прокопей, Игнат» ([Подушный список: 171-об]; в скобках приведён возраст, указанный в первоисточнике в отдельном столбце). В качестве домовладельцев перепись фиксирует Ивана и Анику Хомяковых – сыновей *Бориса* и *Мокия*.

Оба эти имени послужили основой для топонимов: устная память местных жителей ещё хранит воспоминание, что Борино первоначально называлось Мокино, или *Сьöд Мокин* ('Чорное Мокино'): «Ой, плохо они жили. Звали даже это место Чорной Мокин, потом уж побогатели – новые дома построили. А где они себя похоронили, часовенка была, поломали» (ПМА, Кочёвск., 2000). По законам фольклорной компрессии, в устной традиции два имени сливаются иногда в одно – *Борис Мокин* [Жуланова 2003: 156].

Местные предания сохраняют ещё одну важную для наших разысканий деталь, а именно связь боринских перво-насельников с другой расположенной поблизости деревней: Бориса и Мокея называют иногда братьями, один из которых отделился и обосновался на месте д. Зуево (смутные сведения об этом содержат и записи Л.С. Грибовой) [Чугаева 2015: 175]. Обращение к материалам

переписей позволяет прояснить судьбу и родственные отношения Бориса и Мокея, чьих сыновей – Ивана и Анику – в 1719–22 годах мы обнаруживаем в Борино. Оказывается, в 1707 году оба они проживали в д. Зуево, о чём свидетельствует запись в Дозорной переписи Чердынского уезда: «*Иван Борисов сын* Хомяков, уроженец деревни, у него племянник *Аника Мокиев сын* Хомяков, у Аники детей Прокопей полутора году» (цит. по: [Мартынов, Нилогов 2012: 80]). В более раннем документе – переписной книге Ф. Бельского (1678 г.) – находим и самого Бориса: «*Бориско* Василев сын Хомяков, у него дети *Мокейко* да *Ивашко* 12 лет да *Ивашко* же 3 лет...» [там же: 60]. Борис, таким образом, оказывается не братом, а отцом Мокея¹⁸. При этом ни он, ни его сыновья не являлись основателями д. Зуево¹⁹ и, по-видимому, поселились там позднее.

Итак, в народном предании сохраняются имена крестьян Бориса и Мокея Хомяковых, чья жизнь пришлась на последнюю треть XVII – начало XVIII веков. Мы можем только догадываться, почему именно их легендарная могила пользовалась таким широким почитанием и маркировалась иногда как «чудская». Причиной могло быть этническое происхождение (русские в среде коми-пермяков?), а учитывая эпоху – принадлежность к старообрядчеству, которая, собственно, и могла вынудить их перебраться в глухую парму. Но это могли быть и коми-пермяки, одними из первых перенявшие «старую веру» и потому пользовавшиеся большим уважением других местных крестьян (тогда выражение *первые старые* может обозначать приверженность старообрядчеству и

¹⁸ Любопытно, что Мокей Борисов сын Хомяков ни в одной из переписей не фигурирует как глава семьи, но не значится он и в числе умерших или «сошедших неведомо куды»; его сын Аника будет расти в семье своего дяди, брата Мокея – Ивана Борисова сына Хомякова. Дядя и племянник и станут потом первыми жителями новой деревни Борино (Мокино).

¹⁹ Впервые она упоминается как починок Зуев в переписной книге П. Елизарова (1647), и проживал там крестьянин «Власко прозвищем Пьянко Емельянов сын Зуев» с родственниками [там же: 50].

особую религиозность). Одна из версий, которая возникает после знакомства с основными жизненными обстоятельствами Боры, Моки и их семьи, заключается в том, что отец и сын могли уйти из д. Зуево в лесной скит, т.е. жить обособленно в маленькой лесной избушке/землянке²⁰. (О существовании подобных тайных скитов кочёвские коми-пермяки хорошо помнили и рассказывали в середине XX века, о чём упоминает Л.С. Грибова.). Именно потому они не значатся в переписях как умершие или ушедшие в неизвестном направлении. Место, где они жили (и были по всей видимости, потом похоронены), получило название *Важ Мокино*; после смерти *первых старых* оно какое-то время играло роль первого кладбища при новой деревне. Деревню эту основали близкие родственники Моки и Бориса – Иван и Аника Хомяковы, перебравшиеся из Зуево ближе к лесному скиту, – вероятно, чтоб иметь возможность ухаживать за скитскими или за их могилой. Конечно, это лишь одна из гипотез. Могли, вероятно, быть и иные причины для возникновения локального посмертного культа Моки и Бориса²¹.

Для лучшего понимания историко-культурной ситуации, в которой формируются рассмотренные предания и ритуальные практики, упомянем данные, известные по источникам другого типа, а именно археологическим раскопкам.

Уже давно установлено, что большая часть сакрализуемых объектов, связанных с первопоселенцами – будь то фольклорная *чудь, литва, паны, забудущие родители* и т.п. – располагается вблизи различных археологических памятников. Это касается и всех известных нам *важ мест* ('старых мест'), почитавшихся коми-пермяками. Так, в центре с. Юкеево, чьё основание связывается с чудским первопоселенцем Юксей, обнаружено родановское поселение XII–XV вв. [Памятники истории 1996: 268]. В окрестностях д. Чазёво находится харинский курганный могильник и харинское же поселение Шойнаиб V–VII вв. [там же: 260–261], а рядом располагается коми-пермяцкое селище Кушдор XVI–XVIII вв. [там же: 262] – и именно так называется почитаемый локус, куда после Важ Чадзёв ходят поминать *шойнаибских девиц*²².

Особенно интересны такие случаи, когда поблизости от населённых пунктов, где зафиксированы почитаемые чудские места и предания о первооснователях, обнаруживаются памятники, относящиеся к различным археологическим культурам, одна из которых является более ранней, а другая – относительно поздней. Именно так обстоит дело с интересующими нас сёлами и деревнями. В 2 км от с. Пуксиб имеется родановский могильник IX–XII вв., а в центре совре-

²⁰ Ср.: практика, когда пожилые мужчины уходили из семьи и жили уединённо в дремучем лесу, была, к примеру, распространена в XIX веке у язьвинских коми-пермяков, перешедших в беглопоповство [Чагин 1997: 42].

²¹ Случаи, когда в народной культуре места погребения старообрядцев маркируются как «чудские», зафиксированы и на Русском Севере: так, один любитель древностей удивился, увидев на камнях «чудского некрополя» надписи на церковнославянском языке и обратился к местному прохожему: «Да помилуй, любезный, это русское и, по-видимому, не очень древнее кладбище, а вовсе не чудское? – “Нет, ваша милость, чудское: вишь, тут, в прежние годы, всё такая староверская чудь жила; её тутоки и клали”» ([Ефименко 1869: 37–39]; курсив автора – С.К.).

²² Возможно, что и в этом случае мы имеем дело со «старообрядческим следом», а именно народной памятью о существовании здесь женского лесного скита. Ср.: у тихвинских карел-старообрядцев дефками и давношными дефками называли незамужних староверок – старых дев и вдов, имевших высокий религиозный статус в общине [Фишман 2003: 93]. В Красновишерском районе Пермского края у язьвинских пермяков-старообрядцев существовала женская обитель возле д. Пудьва; после того, как скит сожгли, в обиходной речи его называли ближние старушки, а новую, ещё более отдаленную обитель, – дальние старушки или старушечье жильё [Чагин 1997: 44].

менного села – коми-пермяцкое поселение XVII–XVIII вв. [там же: 259]. В окрестностях д. Бачманово есть родановское селище X–XII вв. и родановский Средне-Бачмановский могильник XI–XV вв., при этом часть современной деревни (Большое Бачманово) располагается на месте русского поселения XVII–XVIII вв. [там же: 261]. В окрестностях д. Борино имеется ломоватовско-родановское поселение-городище VII–VIII вв., где обнаружены валы и «чудские вещи», а центр современного Борино – коми-пермяцкое поселение XVIII в. [там же: 264]. Важно, что во всех этих случаях данные о поздних археологических культурах относятся к XVII–XVIII векам, то есть тому же самому периоду, который отражён в переписях.

Соседство с локусами, сохраняющими следы культурно чуждой деятельности древних жителей, могло осмысляться коми-пермяцким и русским населением сквозь призму чудских сюжетов и актуализировать проведение соответствующих обрядов. В качестве «чудского» могло маркироваться всё чужое в этническом, конфессиональном или каком-либо другом отношении. Примечательно наличие на этих территориях русских поселений, подтверждаемое археологами, поскольку чудские сюжеты и практика их использования могли сложиться и распространиться здесь прежде всего под влиянием русских крестьян.

Таким образом, современные данные о чудских поминках, до сих пор бытующих в двух северных районах Коми-Пермяцкого округа, проливают некоторый свет на более ранние этнографические материалы. Они дают представление о природе тех имён чуди, «переходивших из рода в род», о которых писал профессор Императорского Казанского университета И.Н. Смирнов. Становится, пожалуй, чуть лучше понятно и то, кого под названием *чудских роди-*

телей поминали жители Кайского края и почему у них были христианские имена, перечень которых донёс до нас вятский статистик и этнограф П.М. Сорокин. Обращение к документам конца XVI – начала XVIII веков, фиксировавшим население Северного Прикамья, проясняет для нас природу преданий о *чудских/старых людях*, выступающих как легендарные основатели сёл и деревень. Оказывается, герои эти не полностью мифологические, вымышленные: в составе традиционных фольклорных сюжетов – о похоронившей себя чуди или о первооснователях с одним топором – сохраняются иногда реальные антропонимы первых жителей. Известны случаи, когда настоящие имена включаются и в другие сюжеты преданий – например, о силачах, перебрасывающихся камнями или палицами. Выявление и изучение подобных случаев на материале Северного Прикамья – ближайшая перспектива наших исследований, связанных с народным почитанием первых насельников края.

Литература:

Антология традиционного фольклора народов Прикамья / Сост. и вступ. ст. А.В. Черных. Пермь, 2013.

Барсов Е.В. Об олонечких древностях // Олонечкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонечкого края. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 170–186.

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. Труды Института этнографии АН СССР. Т. XLV. М., 1958.

Вишневский Б.Н. К топонимике Коми-Пермяцкого края // Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сб., посвящённый акад. А.И. Соболевскому. Т. 101. №3. Л., 1928. С. 295–298.

Грибова Л.С. Пермский звериный стиль: Проблемы семантики. Кудымкар, 2014.

Ефименко П.С. Заволоцкая чужь. Архангельск, 1896.

Жуланова Н.И. Поминание «старых» у коми-пермяков // Религиозный опыт народной культуры: Образы. Обычаи. Художественная практика. М., 2003. С. 149–172.

Иванов А.И. Доисторические следы человека на северо-восточной окраине Вятской губернии //

Вятские губернские ведомости. 1882. №52–53.

Кайсаров – Писцовая книга Перми Великой 1623–24 г., составленная М. Кайсаровым. Список 1877 г. (Рукопись). РГБ. Ф. 256. № 308. Л. 1–152.

Климов В.В., Чагин Г.Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар, 2005.

Королёва С.Ю. Народные поминальные молитвы коми-пермяков и мифо-ритуальный контекст их бытования // Коми-пермяцкий этнографический сборник / Под ред. А.В. Черных, А.С. Лобановой (Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. X). СПб., 2014. С. 115–162.

Королёва С.Ю., Четина Е.М., Роготнев И.Ю. Народные поминальные молитвы из Коми-Пермяцкого округа // Живая старина. 2013. №1. С. 53–56.

Кривощёков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914.

Кривощёкова-Гантман А.С. Собственные имена в преданиях коми-пермяков // Труды Института языка, истории и культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 4. Кривощёкова-Гантман А.С. Собрание сочинений в 2 х тт. Т. 2: Ономастика. Пермь, 2006. С. 217–220.

Криничная Н.А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988.

Лашук Л.П. Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. 1969. № 10. С. 208–216.

Лимеров П.Ф. Образ чуди в коми фольклоре // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2009. №1–2 (63). С. 81–90.

Мартынов М.Е. Преданье старины глубокой (Чадз, Бадз, Юкся, Пукся). Пермь, 2013.

Мартынов М.Е., Нилогов А.С. Косинско-Камское поречье в переписях и ревизиях XVI–XIX вв. Кудымкар, 2012.

Памятники истории и культуры Пермской области. Т. 1: Археология (Материалы к археологической карте Перм. обл.). Пермь, 1996.

Панченко А.А. Паны, литовцы, чудаки и прочие: кто все эти люди и что всё это значит? (Псевдоэтнонимы и коллективная память в русской крестьянской культуре) // Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре (Сер. «Россия – Запад – Восток: литературные и культурные связи») / Ин-т русской литературы (Пушкинский дом) РАН. СПб., 2013. С. 127–136.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имён. М., 1980.

Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М., Л., 1965.

Подушный список жителей мужского пола сёл, деревень и починков Соликамской провинции Чердынского уезда первой половины XVIII в. (Рукопись). Государственный архив Пермского края.

Ф. 13. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–190.

Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005.

Предания Русского Севера / Сост. Н.А. Криничная. СПб., 1991. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/> (дата обращения 01.07.2016).

Рочев Ю.Г. Национальная специфика коми преданий о чуди. Серия «Научные доклады» / Коми филиал АН СССР. Вып. 124. Сыктывкар, 1985.

Савельева Э.А. Пермь Вычегодская: К вопросу о происхождении народа коми. М.: 1971.

Савельева Э.А., Королёв К.С. По следам легендарной чуди. Сыктывкар, 1990.

Смирнов И.Н. Пермьяки: Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. IX. Вып. 2. Казань, 1891.

Сорокин П. Чудь Кайского края. Вятка, 1895.

Фишман О.М. Жизнь по вере: тихвинские карель-старообрядцы. М., 2003.

Чагин Г.Н. На земле-то было той, да на язьвинской. Пермь, 1997.

Чагин Г.Н. Чудь историческая и чудь мифологическая // Парма – земля чуди: правда и мифы / Сост. Г.Н. Чагин, В.В. Климов, Л.П. Ратегова. Кудымкар, 2009. С. 8–27.

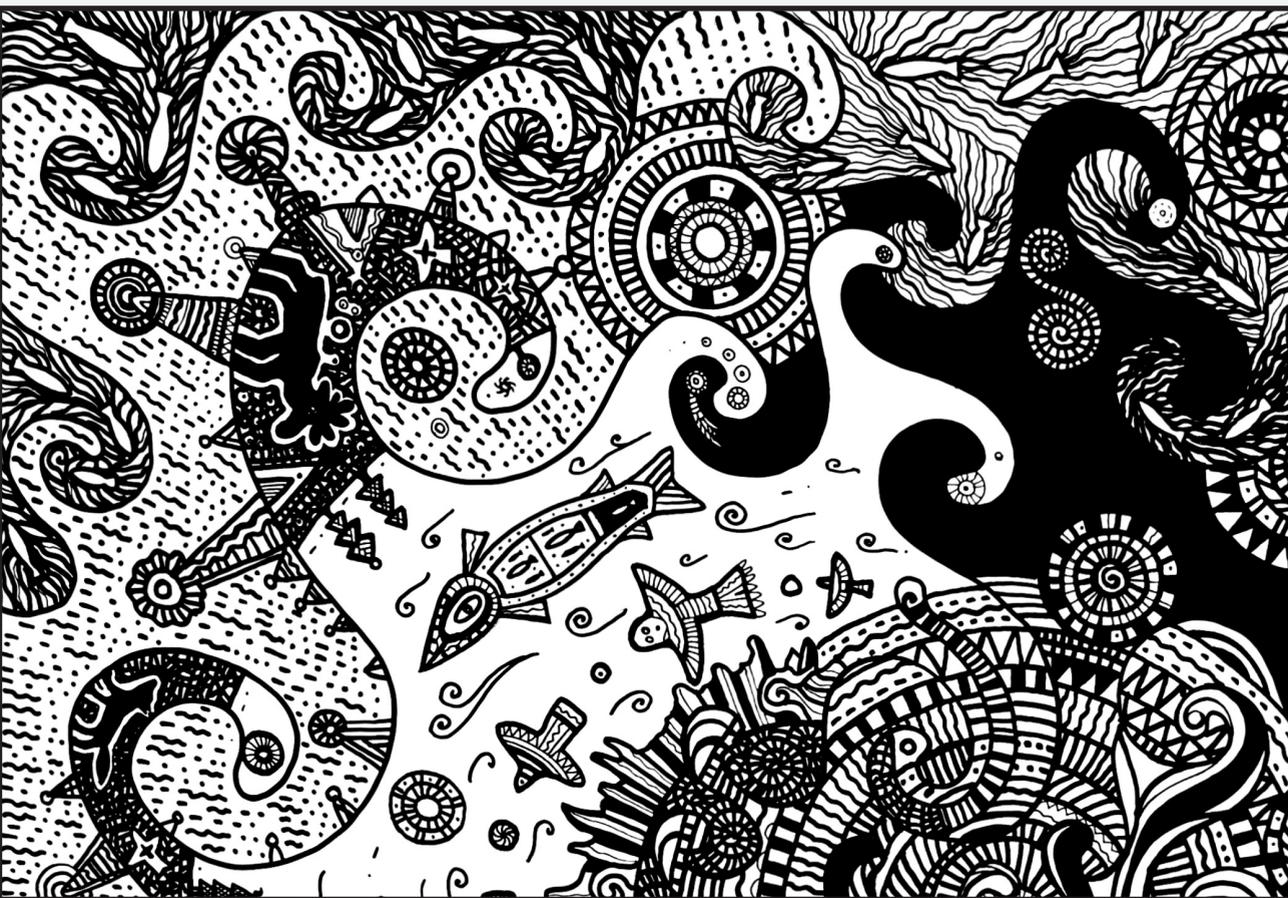
Четина Е.М., Роготнев И.Ю. Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь, 2010.

Чугаева С.В. Важ важжез касьтылём – поминание предков на культовых местах коми-пермяков // Сакральная география в славянской и еврейской культурных традициях. М., 2008. С. 260–271.

Чугаева С.В. Человек и Смерть (на материале погребальных и поминальных обрядов коми-пермяков). М., 2015.

Яхонтов – Писцовая книга Перми Великой 1579 г., составленная И. Яхонтовым. Список 1877 г. (Рукопись). РГБ. Ф. 256. № 308. Л. 46–152.

Арт-факт

Нина Носкова

Носкова Нина Васильевна. Родилась в городе Кудымкаре Пермского края. Окончила художественную школу, Сыктывкарский технологический техникум по специальности «конструктор-модельер». Распределение получила в город Рыбинск Ярославской области. Работала в экспериментальном цехе фабрики «Швейник» 9 лет художником-модельером. Этой профессии остаётся верна всю жизнь. Последние 16 лет – предприниматель и хозяйка ателье «Женская логика». Занимается народным костюмом, шьёт кукол. Интересуется коми-пермяцкой культурой.

Учитель из Кудымкара (Из воспоминаний о художнике Онькове В.Н.)

- 1 -

Прошло столько времени, а я постоянно вспоминаю те годы, когда была знакома с удивительным человеком, художником Оньковым Виталием Николаевичем...

Коми-Пермяцкий АО, вошедший в настоящее время в состав Пермского края – малая родина многих талантов.

Эта холмистая местность предгорья Урала как будто специально была создана как колыбель народных мастеров. А хвойные леса, Парма, с давних времён прятали разных мифических персонажей и героев эпоса.

Именно в этих местах посчастливилось мне родиться, в г. Кудымкар (Кудым-город), в месте слияния двух рек: Иньвы и Кувы. Здесь прошло моё детство, мои школьные годы.

Как и все девочки, я играла в куклы, наряжая их в красивую одежду, которую сама и шила, и мечтала стать художником-модельером.

Понимая, что для осуществления мечты надо учиться, я, хоть и поздно, поступила в художественную школу. Одновременно пошла заниматься в мастерскую под руководством Онькова В.Н. Повезло. Ведь из класса Виталий Николаевич пригласил только троих, в том числе меня.

В тот момент я ещё не могла оценить этого мастера по достоинству – я его плохо знала.

Оньков В.Н. закончил художественно-графическое отделение Ленинградского педагогического института им. Герцена. Прекрасное образование, занятия у замечательных педагогов В.И. Филиппова и М.А. Канеева, и, конечно же, природный дар, сделали своё дело. Его персональная выставка в г. Кудымкаре меня просто поразила! Я ничего подобного не видела ни раньше, ни позже.

Всего лишь тушь и перо, да ещё бумага, и невозможно оторваться от какого-то волшебства, которое исходит от каждой его работы. Его гравюры «Бабушка» и «Дру-

зья» стоят перед глазами и по сей день. Как мог человек, используя такие лаконичные средства, передать на одном листке целую жизнь, наполненную мудростью, философией и, одновременно, житейской простотой? Я стояла, как заворожённая, только теперь понимая, кто стал моим учителем.

Я очень захотела овладеть техникой графики и хоть немного приблизиться к уровню Виталия Николаевича.

А Оньков, тем временем, на занятиях, шаг за шагом, терпеливо и дружелюбно рассказывал нам, как надо правильно заточить карандаш, и что у штриха есть своя культура.

Оказалось, что штрих может быть коротким и длинным, что есть техника штриха, и что графика не терпит небрежности. Я начала сочетать разные штрихи. Это было так увлекательно!

Странно читать в других публикациях об Онькове, что он был «замкнутым» человеком. Его душа была открыта нам, а рассказы захватывали и погружали в нереальность.

Уже в зрелом возрасте я вновь рассматриваю гравюру «Бабушка» и думаю, насколько глубок был этот художник! Да, конечно, он любил свою бабушку, был признателен ей за многое. Она открыла для него мир, для многих невидимый – мир народных преданий, фольклора и единения человека с природой. Но как Виталий Николаевич понял душу старого человека, прожитую не его жизнь? Это дано не каждому!

При всём этом Онькову не давали помещение под мастерскую, и ему пришлось работать со своими учениками в полуподвальном помещении на правах кружка. И занятия у него были бесплатные!

Виталий Николаевич научил, как работать с композицией, как создать перспективу, с какой стороны смотреть, и как направить свет. Я узнала, что композиция может быть диагональной или замкнутая по кругу, научилась определять место главного действующего лица в композиции.

- 2 -

Я училась, и продолжала снова и снова рассматривать его работы уже другими глазами, находя в них всё новые грани. А Оньков не скупился на похвалу ученикам, тем самым подстёгивая наше желание идти по этому пути дальше.

Впервые я столкнулась с созданием натюрморта. Образцом для обучения была его картина «Деревенский натюрморт» с деревянной ладьёй, плоской и домотканым холстом.

Я изображала натюрморт красками, а Виталий Николаевич объяснял: «Смотри, как выполнена ладья: видно, как работал мастер, как он её изготавливал, превращая деревяшку в функциональную вещь». Работы Онькова для меня становились живыми. А ведь это были всего лишь уголь и картон! Но хотелось вглядываться ещё и ещё, и перед глазами уже стояли целые картины деревенского быта. А на тарелке время отобразилось так, что представлялись реальные люди за трапезой.

На занятиях мы разбирали гравюры в альбомах, а учитель комментировал, где какие штрихи использованы, где можно добиться результата лишь точками, и что является первостепенным, а что уходит на второй план.

В студии Виталия Николаевича была коллекция старинных предметов. Это были светцы (предметы из кованого металла, куда вставлялись лучины), а также деревянные предметы быта. А при входе на стене висела большая шкура бурого медведя.

Рядом со шкурой находилась картина «Таня» с портретом реально жившей девушки Тани Зубовой, в школьном платье, с длинной русой косой. Картина привлекла внимание, несмотря на отсутствие ярких красок. Фоном у девушки была опять же медвежья шкура. Девушка сидела вполборота. А глаза, опущенные вниз, и загадочная улыбка погружали в какие-то сладкие мечты.

В помещении, где мы занимались, было много книг и тетрадей с приклеенными рисунками. Я все подробности вспоминаю с такой теплотой, ведь на целых три года эта студия стала для меня вторым домом!

Виталий Николаевич много рассказывал нам про Врубеля, а для меня самой Врубель, Рерих и Оньков встали в один ряд по степени влияния на мою душу, на формирование моей личности.

Оньков был заядлый охотник. Его знание природы соединялось со знанием коми-пермяцкой жизни, куда вплетались и фольклор, и народные поверья, и сказания.

Я могу часами перелистывать альбом с его работами. Они такие разные! Вот картина «Ночные взгляды», где не устаешь рассматривать каждую из птиц, ведь тщательная проработка деталей делает их одушевленными. А вот «Натюрморт с черепами». Такой необычный выбор предметов для своей картины ещё раз подтверждает не поверхностность восприятия жизни, постоянные размышления мастера о смысле и предназначении всего живого.

Смотрю на портрет «Людмила». Её черты не только в этой графической работе, а и на иллюстрации к книге «Сказания о Кудым-Оше и Пере-охотнике», которую Оньков талантливо оформил своими работами. В тексте девушка предстаёт вначале в виде невесты:

«...К жениху она выходит,
Городзуль – цветок весенний,
А лицо её как утро,
А глаза – озёра света.
Звон ручья – её улыбка.
Обмер князь, её увидев...»

И действительно, образ девушки сравним с весенним первоцветом, городзуль, что в переводе означает «звонит бубенчик». Весной лога (поля), покрытые этими жёлтыми цветками – как символ радости, начала пробуждения природы. Так и у девушки – вся жизнь ещё впереди.

А на гравюре «Пэвсин и Костэ» она предстаёт перед нами уже женой Кудым-Оша, с маленьким ребёнком на руках. У Костэ на голове покров молодой женщины, волосы распущены. Со счастливой улыбкой, бережно держит она своё сокровище.

Её попутчица – Пэвсин, старая ведунья. У неё ярко выраженные национальные черты, седые волосы заплетены в косички, а на голове – волосник, характерный для уже повидавших жизнь. Поджатые губы и опущенный взгляд много знающего и по-

нимающего человека. Пэвсин опирается на посох с рукояткой в виде стилизованного оленя. А рога оленя композиционно дополняет задний план природы края. Красота этой природы проглядывается даже сквозь скупые краски!

Интересная гравюра «Кудым-Ош-землепашец». На богатыре лапти, сплетённые в традициях Северного Урала. Мозолистые крепкие руки подчёркивают мощь этого незаурядного человека. А многочисленные выкорчеванные пни вековых деревьев лишь подтверждают, с какой лёгкостью Кудым-Ош делает любую работу.

Моя любимая иллюстрация – «Кудым-Ош». На ней богатырь со старинным посохом и своими верными друзьями-медведями. За спиной – строящийся город. Взгляд у Кудым-Оша, сильного и справедливого защитника, который не даст слабого в обиду. И опять каждый миллиметр тщательно выверенной штриховки!

А маленький Кудым-Ош изображён у Онькова на картине «Кудым играет на пэлянах». Мальчик своей игрой собрал вокруг себя обитателей Пармы. Нисколько не боясь, они окружили его и даже подпевают, как могут. Пэляны – национальный музыкальный инструмент, который использовали, в основном, женщины и дети. Представляет собой несколько трубочек разной длины, сделанных из полых стволов растений и соединённых между собой. Считалось, что пока женщина могла играть на пэлянах, у неё была женская сила.

Другой богатырь – Пера, на картине «Пера-охотник». Здесь он стоит на лыжах, на плече у него – рысь. И опять мельчайшие штрихи коми-пермяцкого быта: и бляха в Пермском зверином стиле, и широкие лыжи-лямпы, подбитые шкурой оленя, и охотничий лузан, и ножны, и наконечник посоха. Все эти изображённые предметы – как из музея. Они реально использовались в жизни. И здесь Виталий Николаевич снова выступает как проводник истории для следующих поколений.

Персонажи тоже идут из природы, из эпоса, они наполнены любовью художника и его пониманием. Поэтому, наверное, творчество Онькова даёт такую сильную духовную подпитку.

А какая композиция везде! У Виталия Николаевича был дар композиционного мышления. Нет нигде ни пустоты, ни перегруженности. Всё на своих местах.

Из цветных картин интересна «Старая плотина». Живописный осенний пейзаж, залитый солнцем. На нём Кудымкарский пруд, плотина в месте слияния двух рек. «Красная Горка», почти мистическое место, куда Кудым-Ош привёл своё войско, и где был основан город Кудымкар. Над старой плотиной возвышается гора, где стоит храм, построенный по проекту архитектора Воронихина, бывшего крепостного графа Строганова.

И на всю эту красоту ракурс откуда-то снизу вверх, что делает пейзаж почти не реальным.

Одна из моих самых любимых картин: «Иньва». Иньва – это приток Камы. Значимая река, по которой сплавливали лес, и которая давала жизнь всему, что находилось рядом. Недаром, в переводе с коми-пермяцкого «Иньва» значит «живая вода». При лаконичности красок у этой картины удивительная перспектива, которая тянет взгляд за собой. Чистая красота девушки соединяется с мистикой и волшебством, образуя парадоксальную гармонию. И даже звери в темноте ночи не пугают, а будто зовут к себе. И уже видишь очертания неведомых существ даже в облаках.

Невозможно отвести взгляд от картины «Водяной». Фантастические герои заполняют пространство, пользуясь завесой ночи. В темноте высвечены белым цветом ру-

салки, кобыла где-то вдали, а также волосы и глаза водяного. Самого же водяного Виталий Николаевич изображает как гармонично существующего с внешним миром. В эту мифическую картину органично вписываются его страшные лапы с когтями, внутренности, лежащие рядом, на берегу, огромный хвост, заполняющий почти весь водоём. Тут же притаились щуки, поросшие мхом. Сколько же можно рассматривать эту картину! Какие открытия возникают при этом! Например, чешуя на разных участках туловища Водяного – и та разная! А чего стоят изображения причудливых деревьев!

-4-

И в который раз, затаив дыхание, я понимаю, что Виталий Николаевич видел то, что другим не открыто. Придумать такое невозможно. В этом надо жить и чувствовать так, как чувствовал Оньков. Как можно изобразить Чудов, таких разных? Чуд банный, Чуд подвальный, Чуд чердачный. Они все отличаются друг от друга, как представители разных видов.

Всё это талант непревзойдённого мастера, моего учителя Онькова В.Н.

Мой отец, Хозяшев Василий Филимонович, совсем недавно рассказал мне, что, когда работал на ремонтно-механическом заводе в г. Кудымкар термистом, вместе с Оньковым выполнял задания города по изготовлению памятников. Самыми значимыми были:

- барельеф с изображением группы воинов на стелле памяти павшим в годы ВОв;
- барельеф с портретом комсомольца на памятной плите героям гражданской войны рядом с к/т «Комсомолец»;
- скорбящая мать на городском кладбище близ захоронения воинов ВОв.

Последняя скульптура из белого металла, изображающая скорбящую женщину под длинным покрывалом, свисающим с головы, к сожалению, до настоящего времени не сохранилась – её попросту сдали в металлолом вандалы.

Эти и другие памятники Оньков с моим отцом делали по отработанной схеме: Виталий Николаевич, как художник, создавал проект, делал форму, а потом мой отец уже отливал памятник.

Они много общались, рассказывали друг другу про деревню, каждый про свою. Очень часто Оньков в разговоре упоминал свою бабушку Дарью. А однажды вдруг сказал, что надо бы меня послать учиться в Ленинград.

Как-то Виталий Николаевич попросил моего отца принести ему толстую бересту для изготовления масок. Возможно, это были ритуальные, или какие-то другие маски, но без сомнения, опять же являющиеся частью этнокультуры. Ведь древняя берестяная маска – это глубинный пласт истории, о котором должны знать следующие поколения.

Как много Оньков оставил для потомков! Помимо создания картин, он работал и на Ленинградской студии мультфильмов, и оформлял книги, и даже просто для ребятшек делал снежные городки. Но очень многое и не успел. В планах было около сотни картин, и, наверняка, много того, что не знали даже самые его близкие люди.

В настоящие дни уже начали открыто писать о таланте Онькова. Называют даже одним из выдающихся художников Коми-Пермяцкого округа. Но Виталия Николаевича уже нет с нами. А при жизни многие считали его чудаком. Чудаком, потому что большое количество работ посвятил чуди? Но как можно представить коми-пермяков

в отрыве от своих предков? По преданиям, чудь предшествовала христианам, была «дорусским» народом. А мифические чуды и по сей день могут запутать дорогу в лесу или испортить еду. Чудь была и есть. Она вписалась в историю происхождения народа, в его самобытность, культуру, мифологию. Видимый и тонкий миры сплелись между собой. Это легко почувствовать, приехав в Парму.

Был Оньков многим и не понятен, т.к. не умеют и не хотят у нас понимать истинно незаурядных людей. Вот и сейчас на словах говорят о его таланте, а на деле его работы «Шаманка» и «Пера-богатырь» висят в одном из ресторанов Кудымкара. Люди пьют и веселятся, даже не замечая этих картин. Разве там им место? От такого отношения щемит сердце. Конечно, радует хоть какое-то внимание к личности Виталия Николаевича. В свою последнюю поездку на родину, придя в новый драмтеатр, увидела на стене 2-го этажа портрет Онькова. И присела около него...

Воспоминания прошлых лет чередой проходят перед глазами. И среди них яркой полосой годы с моим учителем Оньковым В.Н., давшим путёвку в жизнь многим своим ученикам. Все три ученицы, включая меня, из нашего класса художественной школы, не изменили своей профессии, выбрав работу художника-модельера. И в этом тоже вклад Виталия Николаевича, истинно народного художника, посвятившего свою жизнь коми-пермяцкому эпосу и фольклору.

Ольга Орлова

Орлова Ольга Владимировна, заведующая музейно-исследовательским отделом Национальной галереи Республики Коми, куратор.

«Живописная мораль» христианских сюжетов

**Три полотна Фарука Бурангулова,
Вадима Кононова и Анжелы Размановой**

Статья посвящена проблеме символического в творчестве живописцев Коми края советского и постсоветского периода Фарука Бурангулова, Вадима Кононова и Анжелы Размановой. Методом сравнительного анализа рассматриваются произведения начала XXI века.

Художники более глобально воспринимая мир, через художественные образы, «возвращение назад» – возвращают зрителю утраченное качество духовности, продолжая традиции поколения прошлых десятилетий, формируют новый подход к изображению эмоционально-чувственного восприятия мира. Живописцы стремятся к обновлению тематического диапазона, столь свойственного «рубежным» ВРЕМЕНАМ. Религиозные темы и сюжеты сохраняют свою роль одного из важнейших средств достижения главной цели – стремление к репрезентационному идеалу, к высшему уровню мастерства передачи живописными средствами того, что видели их глаза. Христианские образы предстают (возвращаются) в своё духовное измерение как носители сакральных ценностей.

Сюжеты и образы произведений трёх сложившихся художников-живописцев разного поколения (45, 58, 76 лет): В.П. Кононов «Слеза раскаяния» (2015), Ф.Б. Бурангулов «Бегство из Содомы. Лот» (2010-2016), А.Р. Разманова «Архангел Михаил» (2015–2016), их специфика интерпретации и художественного воплощения христианских образов в современном искусстве Республики Коми начали формироваться одновременно.

Появление христианских образов связано с глубинными изменениями в политической и социокультурной жизни общества. Можно ли сказать, что корни этих изменений находятся в эстетической области? Одно – точно – в религиозной живописи нашли визуальное выражение сущностные аспекты художественного мышления, находящиеся вне пределов религиозного искусства. Не случайно, «возвращение»

«большой» сюжетно-тематической картины в творчестве художников Коми края в середине 2010-х гг. связано с Библейскими темами. Пространство станковой картины становится органичным и естественным для бытования христианских образов и сюжетов. Именно большой формат станковой картины (не скульптуры, не графики, не фрески) отвечает требованиям, которые художники предъявляют к религиозному высказыванию.

Нельзя не учитывать саму форму исповедования веры: в индивидуализированном религиозном чувстве. Все три художника «пришли» к православию в осознанном возрасте. Всех трёх художников «объединяет» освободившееся индивидуальное творческое начало в процессе визуализации религиозных смыслов. Текст и канон перестают соответствовать образу. В этом радикальное «разрушение» изобразительной традиции.

Соотношение образа и текста при анализе авторской интерпретации христианских мотивов приобретает особую актуальность. Религиозные образы, темы, сюжеты не предназначены для литургического пространства. Это – КАРТИНА, в которой происходит радикальная трансформация христианской иконографии. Из комментариев зрителей к работе А. Размановой «Архангел Михаил» (2015–2016): «Не соответствует иконографии...». Живописцы пост-постсоветского периода создают новое коммуникативное переживание.

В. Кононов («Слеза раскаяния» (2015) обращается к зрителю через текст: «Ты не из этих? Нет! Нет! Нет!». Художник, используя композиционный приём: приближение полуфигуры Петра к краю холста, срез по фигуре стражника, плакатность. Всё это придаёт работе ещё большую остроту и концептуальность. Все они, в той или иной степени, сохраняют показательные функции образа, с неизбежной «иллюстративностью». Ф. Бурангулов, В. Кононов, «переводя» текст (слово) в визуальный образ, интерпретируют его. Свобода провинциальных художников постмодернизма 2010-х от художников 1990-х, также обращавшихся к религиозным темам (живописцы Пунеговы Людмила и Анатолий, скульпторы В. Рохин, В. Мамченко, И. Пылаев – к образу Стефана Пермского), отличается – свободой в визуализации. Образы художников 2010-х гг. выходят за рамки текста и «погружаются» в сферы иного, нехристианского, размытая границы религиозного контекста.

Художниками создаётся «новое пространство» с этическими, физическими, культурными, социальными, политическими смыслами (Ф. Бурангулов и В. Кононов).

Вечное и важное: внутренняя потребность художника (заметим не каждого из СХ Коми) наделять пространство мастерской сакральными функциями и возводить в нём «АЛТАРЬ». А. Разманова – целый год писала полотно «Архангел Михаил». Стоящий в центре мольберт (монументальным образом (205x88 см) структурировал пространство мастерской. Ф. Бурангулов «отворачивал» от случайных посетителей своей студии полотно «Бегство из Содомы. Лот» (100x150). В экспозиционном пространстве «живописно-фресковая форма» «Архангела Михаила» доведена до предела диссонанса между традиционно-сакральной функцией и реальным контекстом, в который вписана волей автора и экспозиционера.

Во всех трёх работах отмечается возросший синдром актуальности самоидентификации, который всегда в рубежные столетия занимала не последнее место. Самоидентификация художника Анжелы Размановой с образом Архистратига Михаила, наделённого авторскими портретными чертами, не воспринимается как demonstra-

тивное покушение на культурные традиции, порядок, религиозные ценности и представления. Не случаен и цветок дудника (ангелика (Angélica) – у ног Архангела. Само имя художницы – Анжелика, образованное от angelicus — «ангельский» («вестник, ангел»). Отождествление себя со Святым Михаилом (у А. Размановой) и Апостолом Петром (у В. Кононова), с Лотом (у Ф. Бурангулова) – это естественное концептуальное поведение «избранного» – ХУДОЖНИКА, творящего своё ПРОСТРАНСТВО. Отсутствие автопортретных черт, жизненных параллелей не имеет значения.

У В. Кононова – это архитрагический образ Апостола Петра («Устами апостолов» назвал святитель Иоанн Златоуст Апостола Петра). «В эту ночь, прежде, прежде нежели пропоёт петух, трижды отречёшься от Меня» (Новый Завет. Мф. 26, 34). Пётр плакал горько (Мф. 26, 75) и, исполненный любви ко Христу, прибег к Его милосердию, покаялся, был прощён, получил Господне благословение, стал первоверховным апостолом и засвидетельствовал свою верность Господу мученической кончиной. Покаяние происходит исключительно перед лицом Господним, в преддверии приблизившегося Царства Небесного. «Покойтесь; ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4. 17). Полотно вызывает на физическом уровне неприятие, болезненные (боль) ощущения. Самоуверенность, самонадеянность, гордость, падение, но не разрушение – это «живописный текст» полотна. Все немощи – отражены на искажённом страданиями болью лице Петра. «Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?». Горький плач Петра, отрешившегося от любимого Господа и не смогшего противостоять искушению, исполнен подобного же сокрушения. ОБРУШЕНИЯ. «Образный художественный текст», созданный Кононовым, сохраняет свои символические функции, оставаясь знаком предательства, мессианства, спасения. Это новое-старое («возвращение назад») – представление о роли художника в искусстве.

Интерес художников Коми края не к традиционным библейским образам Христа, Богородицы и сюжетам Распятия, тайной вечери, а к образу Апостола Петра, Святого Михаила, Лота. Живописцы почти полностью вытеснили на задний план привычно-знакомые зрителю иконографические схемы и нормы (даже в изобразительной структуре произведения (не исключение и А. Разманова).

Психологизация канонического текста, слом традиционных правил, субъективизация выразительных и изобразительных средств и, самое главное, ПЕРЕЖИВАНИЕ на уровне экзистенциальной драмы – это ЦЕЛЬ.

Два полотна Бурангулова и Кононова демонстрируют это. Важно, оба художника вошли в тот творческий возраст, когда обращение и понимание к Библейским текстам нечто большее, чем иллюстрация. В картине Бурангулова конкретный исторический смысл «Бегство из Содома. Лот» утрачивается. Библейское повествование гласит: «Из Содома вышел только Лот, его жена и две дочери. Ангелы велели бежать на гору, нигде не останавливаясь и не оборачиваясь, чтобы спасти душу. Но Лот заявил, что на горе спастись не сможет и укроется в городе Сигор, на что Бог согласился и оставил Сигор целым. Выйдя из Сигора, Лот поселился в пещере под горой вместе со своими дочерьми. Дочери, оставшиеся без мужей, решили напоить своего отца и переспать с ним, чтобы родить от него потомков и восстановить своё племя. Сначала так поступила старшая, на следующий день – младшая; обе забеременели от своего отца. Старшая родила Моава, предка моавитян, а младшая – Бен-Амми, предка аммонитян». Фигуры скомпонованы плотно (они единое целое), их невозможно передвинуть. Фрагментарное изображение персонажей: зритель не видит лиц дочерей (исключе-

ние – профильное изображение одной из них с опущенной головой и прикрытыми глазами), склонённые головы и фигуры, очертания профиля Лота (спрятавшийся в предчувствии греха), его руку, твёрдо сжимающую посох (тесно связан с символикой фаллоса, мужской силой (в Библии с сотворением мира и плодородия). Иллюстративные свойства живописного произведения превращают сцену в ВИДЕНИЕ. Это иная реальность, достигнутая живописными средствами. Библейское СОБЫТИЕ обретает ценность СИМВОЛА и длится бесконечно. Искусственная преграда (рама) на пути их следования как бы останавливает событие для взора. Жена Лота в «спасительном» светлом коконе. Своим любопытством «спасённая» (превратившись в соляной столб) от «соучастия» в содомском кровосмесительном грехе. Интерес Ф. Бурангулова к этому сюжету, к женским образам Священного Писания – очень личная история (особенно мировоззрение восточного человека).

Таким образом, трактовка сюжета выходит за пределы смыслов, заложенных в религиозном тексте. Образы, само бегство из города греха в более тяжкий грех превращены в метафоры. Художник претендует на придание библейским женским образам новых смыслов. Пытается «проникнуть» в подсознание и посеять сомнение в традиционных христианских религиозных ценностях. Художник подсознательно, создавая визуальное художественное высказывание, демонстрирует саморефлексию на происходящее в середине 2010-х гг. Утверждение мужской власти в контексте эмансипации современной женщины, с другой – нового определения сексуальных ролей. Подчеркнём ещё раз, что следование за литературным (библейским) сюжетом в живописном произведении «эмансипировалось» (преодолелось, освободилось от зависимости).

Религиозные сюжеты достаточно хорошо закреплены в памяти, тем самым накладывая отпечаток на зрительское восприятие (вспоминание сюжета, затем РАС-СМОТРЕНИЕ живописного произведения). Диалог (знаемого и увиденного) не всегда заканчивается эстетическим переживанием. Ф. Бурангулов смог найти такие художественные средства, которые концентрируют внимание зрителя на визуальных качествах произведения.

Вадим Кононов ведёт агрессивный «диалог» со зрителем за счёт максимальной напряжённости, контрастности цветового диссонанса. Художник «обрушивает» на зрителя жёсткую силу открытого, без гармоничных переходов цвета. В цветовом отношении полотно построено на контрасте двух цветов. Положенная Кононовым рельефными мазками-пятнами кобальтовая синь и красный краплек обретают новую ипостась. За счёт палитры (интуитивно, подсознательно?) постигается драматический смысл происходящего. Тёмно-красный – «это зарево адского огня, огненного искушения, но вера и воля человека может превратить его в багряницу страдания, которую по обетованию пророческому Господь убелит как снег» (А. Белый). Бестелесная фигура с золотым нимбом Христа, парящая в руках «чёрных» стражников (живописно даже не прописанные, отмечены только открытым чёрным цветом), излучает голубой (у отца Павла Флоренского голубой цвет является символом вечной истины и бессмертия) «вечно-свечной» нереальный свет. Лицо самого Петра – цвета старости зелёно-жёлтое. Рассудочное прочтение сюжета, его узнавание произойдёт позже.

Так, у Бурангулова за счёт сложного колорита (использует всю цветовую палитру; каждый сантиметр полотна наполнен живописью) художник активизирует психо-эмоциональную сферу зрительского восприятия, выходит у Бурангулова за грани библейского рассказа: традиционные смыслы и новое содержание создают «новое про-

странство» в рамках картины. В силе и энергии, переданной и за счёт колорита, есть нечто холодное, тревожное, мертвенно-греховное. Бегство от греха приводит ещё к более тяжкому греху. Авторская живописная палитра порождает двусмысленность, неясность и пустоту – понятия, недопустимые в воспроизведении традиционных христианских сюжетов. Христианское повествование, визуализированное автором, превращается в символ – смешение добра и зла.

Анжела Разманова создала напряжение за счёт «естественной взаимосвязи «рисуночных» и «живописных» элементов. Синий (от небесно-голубого и до кобальтового) несёт в себе особое напряжение – выступить вперёд и уходить назад. Вертикально-монументальная фигура Святого – бесконечная возможность движения в ПРОСТРАНСТВЕ безмолвно-молчаливого Архистратига. Святой Архангел Михаил. Архистратиг» (2015–2016) – образ «князя», «вождя войска Господня», главного борца против зла, существующего в мире, написан Анжелой Размановой с пламенно-алым опущенным мечом херувимом. «И такового и божественного Архистратига Михаила... постави оттоле нам избранным христианам великого предстателя и Спаса». Архангел Михаил «прочно лежит на плоскости» холста с «внутренним кипением и напряжённостью» (как писал В.В. Кандинский) на страже райских врат. Вся композиция с огромным внутренним напряжением, с внутренним звучанием. Уверенно и просто, пользуясь живописными средствами, пренебрегая украшениями, художница с помощью цвета создаёт новую реалистику. Всё слилось с плоскостью. Нет покоя. Архангел Михаил с «радужными» крыльями, «залит» индийской жёлтой, наиболее близкий по спектру к золотому (цвет – высшей власти ангелов).

Во всех живописных полотнах художники не ставят целью боговдохновлять. Христианские образы становятся «символами ВРЕМЕНИ» 2010-х годов, его течения. Подсознательно художники трансформируют статус христианской религии, придавая этому статусу историко-культурные смыслы. В этом смысле художники становятся творцами и... оппозиционерами, т.к. «нарушают» фундаментальную традицию и её догмы. Через «острое» художественное решение, экспрессию возникает зрительская эмоция. Это не иллюстрации, привязанные к библейским текстам. В своих живописных воплощениях художники свободны в художественном смыслообразовании. Используя христианский сюжет лишь как важнейший смыслообразующий источник. Во всех трёх полотнах, в разных формах чётко визуализируются фундаментальные категории: НАЧАЛО и КОНЕЦ.

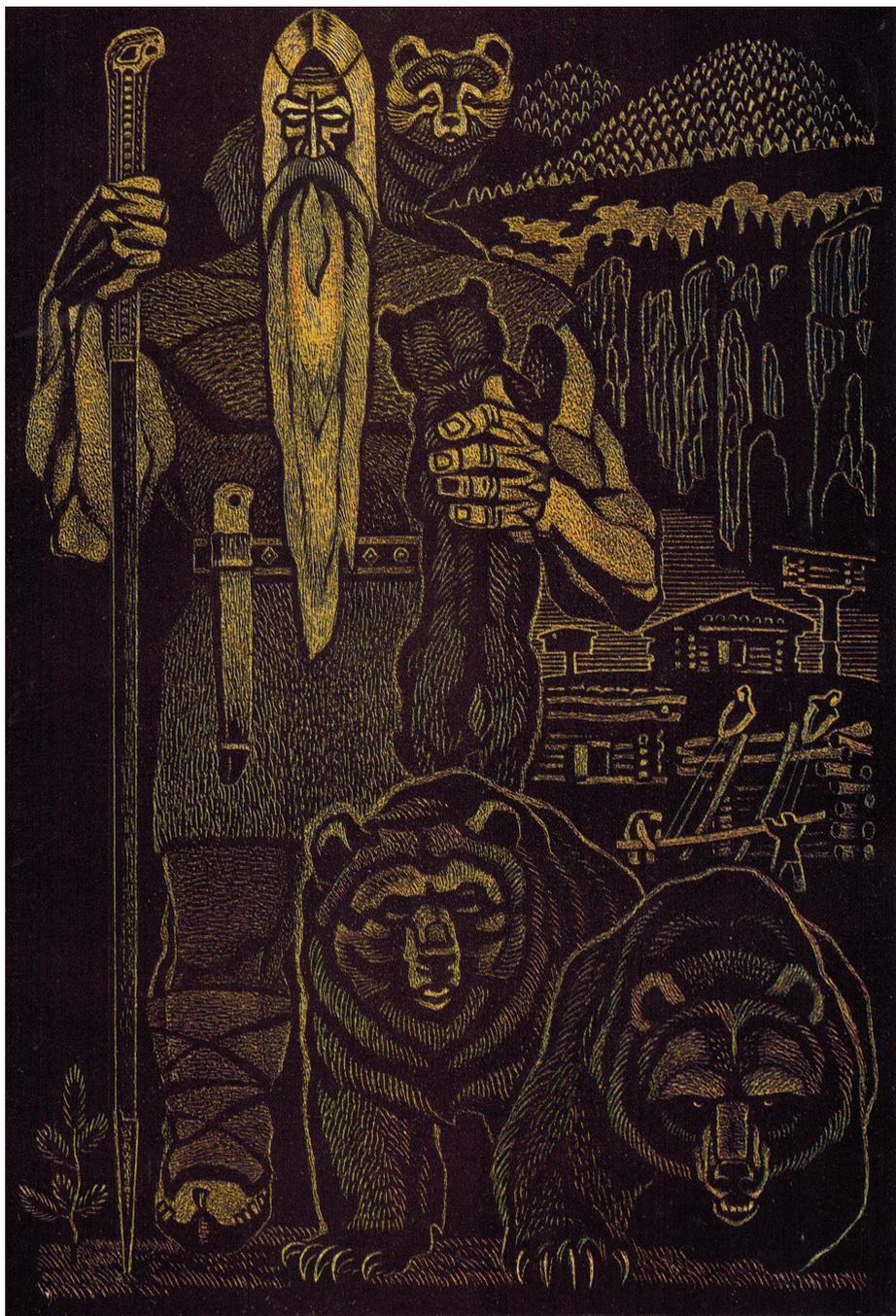
Художники с разными художественными манерами, легко «говорящие» живописным языком, создают собственные «художественные авторские тексты», «художественное пространство», наделяя его идеей, скрытым, глубинным смыслом, доступным для зрительского восприятия. Анжела Разманова, Фарук Бурангулов, Вадим Кононов, оставаясь глубоко индивидуальными, узнаваемыми, разными (по организации художественной формы в пространстве картины), создавая искусство, отражающее действительность, передают духовно-эмоциональную атмосферу ВРЕМЕНИ.

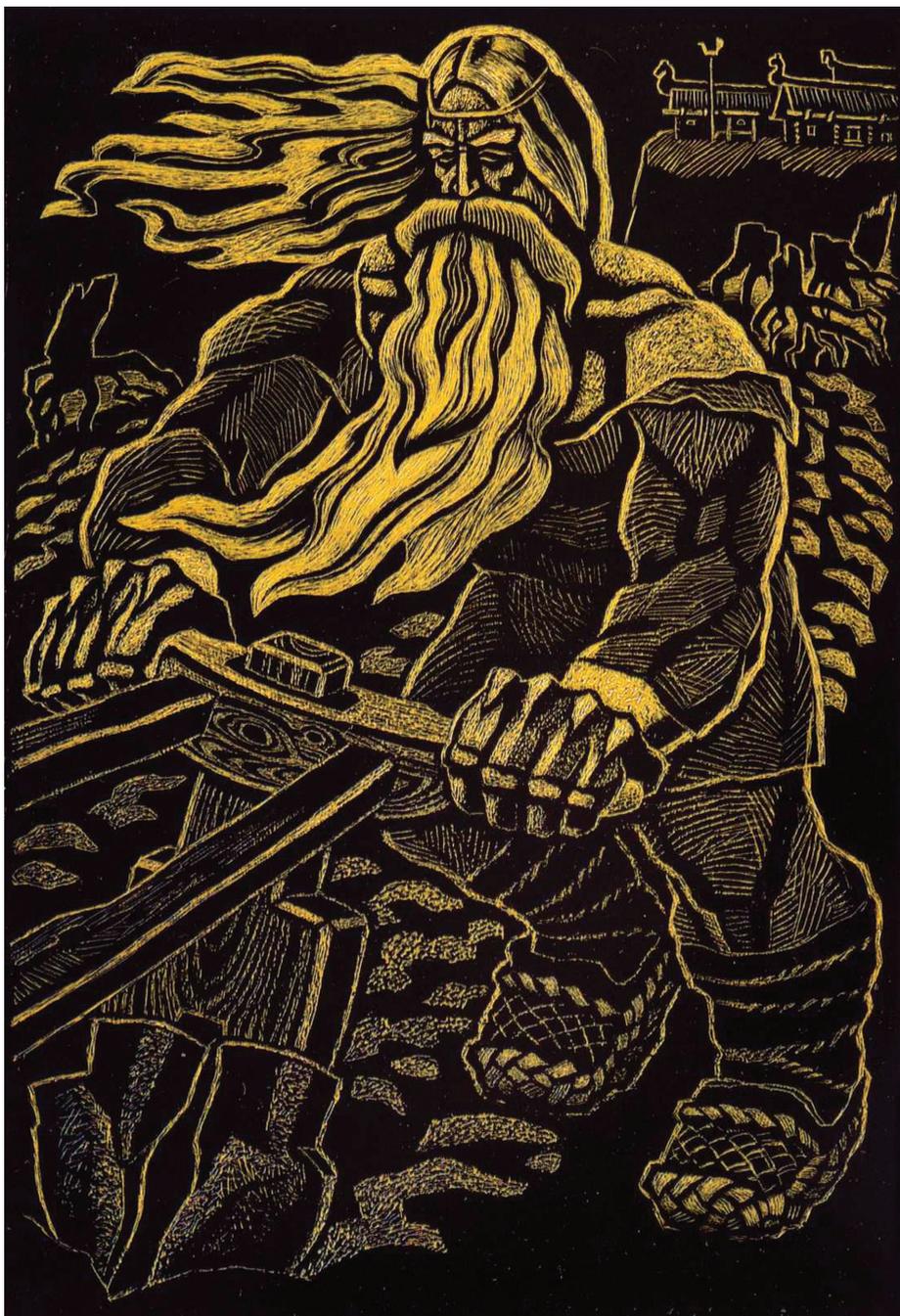
Виталий Николаевич Оньков (17 июня 1946, дер. Большие Они, Юсьвинский район, Коми-Пермяцкий округ – 13 октября 2008, Кудымкар) – коми-пермяцкий художник-график, скульптор, автор более чем 40 картин и около 100 графических произведений, педагог, профессор декоративной живописи.

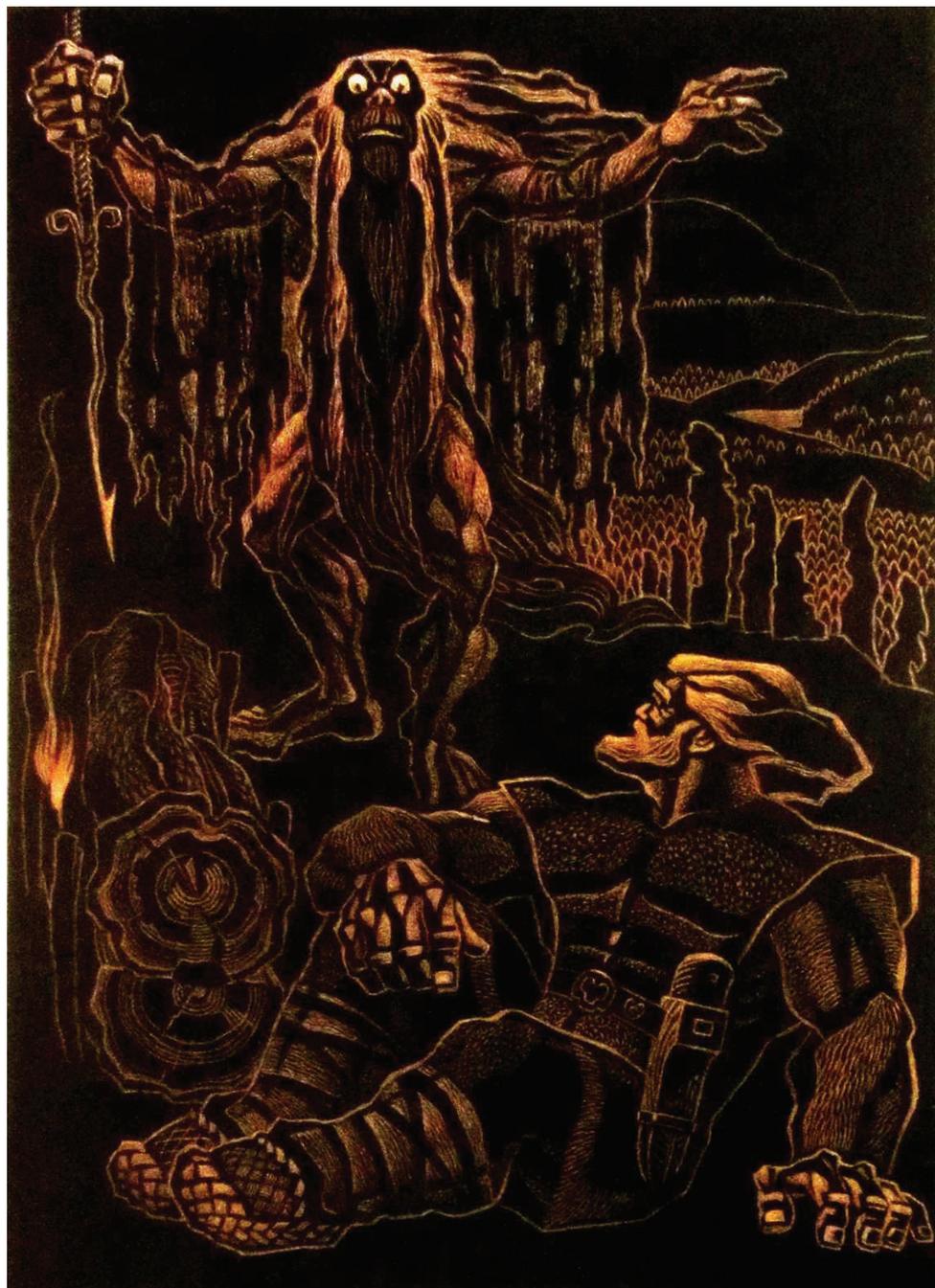
Пэвсин и Костэ.

Кудым-Ош.

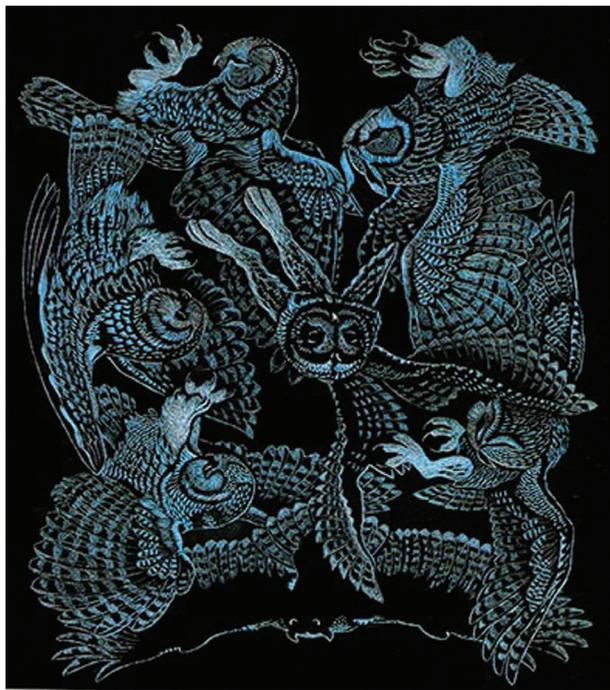
Кудым-Ош - землепашец.

Пера-богатырь.

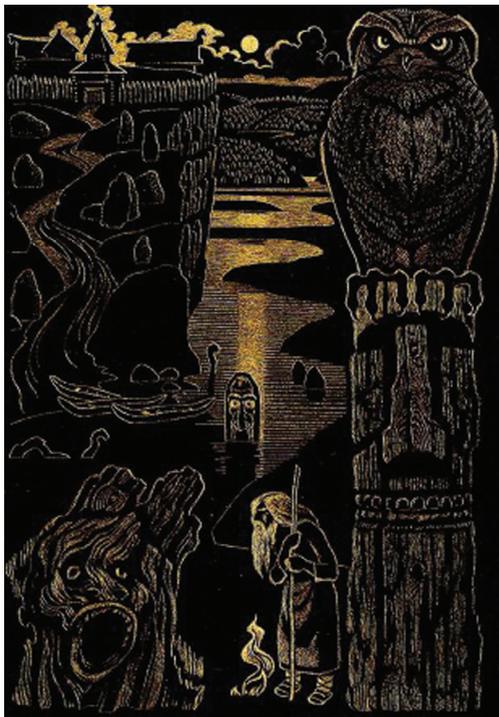
Пера-охотник.

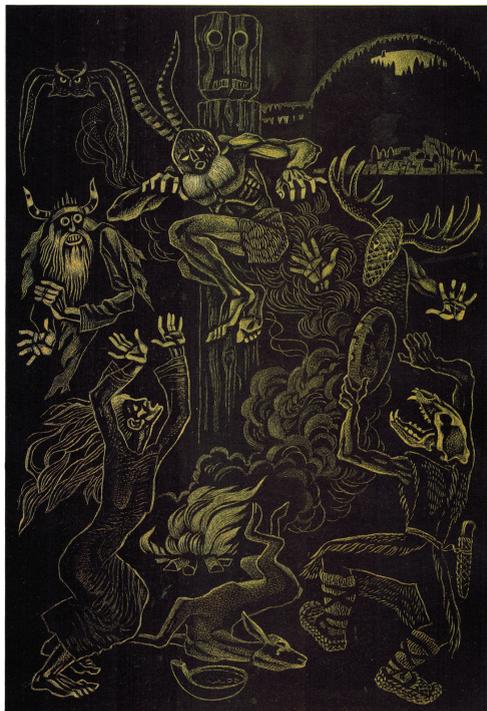
Тихие сумерки. Бумага, цветной карандаш. 1991 г.

Водяной. 1970. Картон, акварель, гуашь.

Пейзаж. Фронтиспис. 1989 г.

Ритуальный танец вокруг костра.

Ночные взгляды. Бумага, граттаж, 1994 г.

Деревья. бумага, акварель, тушь. 1982 г.

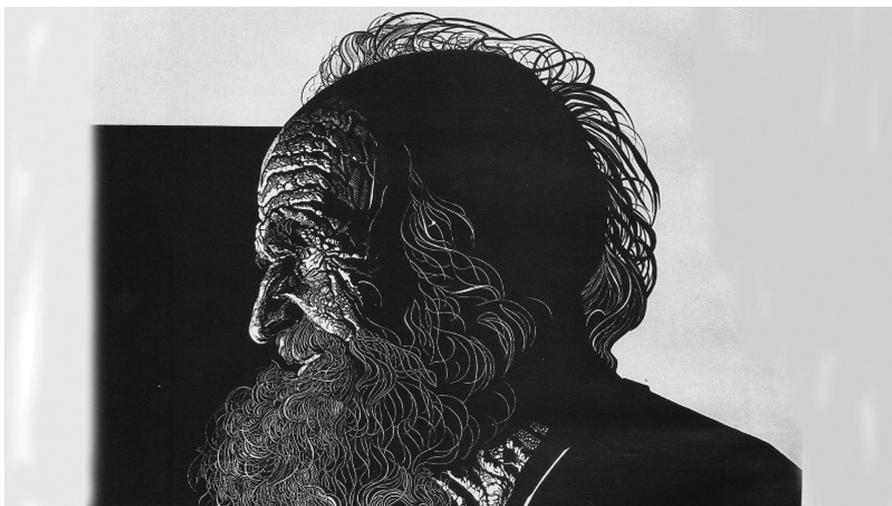
Друзья. Бумага, тушь. 1976 г.

Ночные дали.

Парма. Бумага, тушь, перо 1982 г.

Дед. Бумага, тушь, перо тростниковое, кисть., 1980 г.

Бабушка с кошкой. Бумага, фломастер, 1982.

Пера.

Шаманка и охотник.

Мужик.

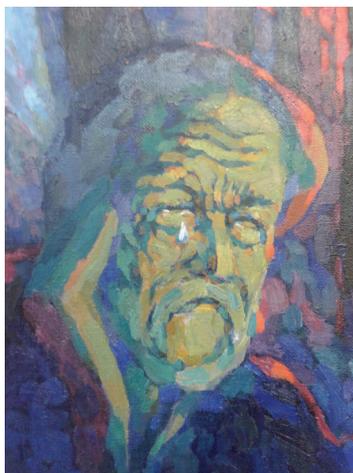
Кудым-Ош.

Кудым обращается к духам и к солнцу. 1993 г.

А. Разманова. «Архангел Михаил», 2015–2016.

В. Кононов. «Слеза раскаяния» (2015).

Ф. Бурангулов. «Бегство из Содома. Лот», 2010–2016.

**Празднику
«Коми книга» –
30 лет**

«Коми книга» – праздник читателей и писателей на Удоре

Тридцатый раз всколыхнулась Удорская земля, отметив-отгуляв праздник «Коми книги». Тридцатый раз встречала она гостей – именитых писателей Республики Коми и приграничных с ней областей, а вместе с ними других творческих и публичных людей – артистов, учёных, журналистов и чиновников. Со всех удорских дальних и ближних весей приехали в стольный Кослан хозяева края – удорачи, развернули свои подворья, разложили гостинцы – угощайтесь, дорогие гости, вот вам удорские курники с хариусом, вот вам и со щукой, а вот пироги да шанежки, а к ним и свежий сур – ешь, пей, веселись, приезжий народ, но о главном – не забывай! А главное – это Книга! Удивительное дело: в самом заброшенном уголке Республики Коми, куда и дороги-то проложены только пунктиром – кое-где и кое-как, – в этом забытом Богом и начальством крае люди раз в году собираются вместе, чтобы чествовать Книгу. В мире так устроено, что с писателями читатели почти не встречаются, разве что студенты-филологи, да и то едва ли часто. Властителями дум называли писателей в царской России, да и в Советском Союзе не сомневались в их духовной власти, и не их вина, что в постперестроечной России двери книжных магазинов оказались закрыты. Ну, нет ни одного книжного магазина в Удорском районе, а в каком есть? Но продолжают люди читать, интересоваться новыми книгами, и гордиться земляками-писателями.

В каждом районе есть свой праздник. Визинга гордится древним праздником «Гажа валяй», на Ижме сохранился «Луд»,

усть-цилёмы празднуют свою старинную «Горку», есть и другие более или менее интересные праздники в других районах республики. Но ни в одном районе, да и на всём земном шаре нет другого такого места, где праздновали бы встречу писателей с читателями. Почему Удора? Может быть оттого, что в 1444 году удорских пермян крестил четвёртый епископ Пермский Питирим, сам книжник, писатель-агиограф, автор «Жития святителя Алексия» и, возможно, знаменитой «Повести о Петре и Февронии». Как знать, возможно, привитые им – в то давнее время – духовные ценности взошли в удорской старообрядческой книжности и иконописании. Ведь не секрет, что вашкинские крестьяне свободно читали книги на церковнославянском языке, и не только читали, но и сами их переписывали красивыми старославянскими уставами, сами составляли «Духовные Цветники». Недаром Питирим Сорокин, вообще высоко оценивавший грамотность зырян начала XX века, считал, что на Удоре она несравненно выше, чем среднестатистическая для всего коми населения. Вспоминается случай, описанный этнографом Л.Жеребцовым. В 60-х гг. XIX века в с. Важгорт было решено открыть государственный кабак, но сельский мир выступил против этого, взамен предложив открыть в селе школу. Меняются времена, но и сегодняшние удорачи, познавшие сполна горький вкус постперестроечного безденежья и почти дармового стеклоочистителя «Трояр» – в сущности, остались теми же, – они отказались бы от кабака в селе ради школы.

Литературная жизнь Удору начинается с Владилена Васильевича Крюкова. В. Крюков родился 19 апреля 1925 года в с. Савкино Тохтинского сельсовета Ленского района Архангельской области. В 1934 году отец его, Василий Константинович Крюков, фельдшер по профессии, переехал с семьёй в Коми АССР, работал в Ёртомской сельской больнице с 1934 по 1956 годы. За многолетнюю и безупречную работу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 апреля 1951 года В.К. Крюков награждён орденом Ленина. Орден вручён ему 24 августа 1951 года в с. Кослане. С 1939 по 1943 гг. Владилен Крюков учится на отделении языка и литературы учительского института (будущий Коми государственный педагогический институт). Между прочим, одним из учителей Владилена в институте был знаменитый профессор Д.В. Бубрих, основоположник советского финно-угроведения, член-корреспондент АН СССР – в то время зав. кафедрой коми языка и литературы Сыктывкарского учительского института. Из-за плохого зрения Владилен не подлежал мобилизации, поэтому на войну не попал, его направили на Удору, в школу села Ёртома, а с 1944 года по 1956 гг. он преподавал литературу и язык в Косланской средней школе. Владилен рано обнаружил свой поэтический дар. По воспоминаниям, он начал писать стихи ещё в пятом классе, но вполне осознал своё поэтическое кредо только в студенческие годы. Его стихи военной тематики печатались в республиканской газете «За новый Север», сам же он определял своё призвание в шуточных строках:

Нет, не хочу себе я славы,
Поверь, мой друг, не славы, нет.
Моё искусство для забавы,
Я – романтический поэт.

Беззаветно влюблённый в поэзию, Владилен Крюков писал стихи на русском, коми и немецком языках, читал их своим ученикам, а в 1948 году организовал лите-

ратурный кружок «Пионеры Удору». В советских школах лозунг «Пионер – значит первый!» был известен всем от мала до велика. Питомцы В. Крюкова воистину стали первыми – первыми профессиональными писателями Удору. Это известные поэты и прозаики Альберт Ванеев, Юрий Васютов, Анатолий Афанасьев, Борис и Леонид Палкины, Валерий Муравьёв. Кроме того, кружок воспитал немало будущих учителей литературы, истории, просто хороших, образованных людей, в свою очередь передавших любовь к литературному творчеству, да и, просто, к чтению, своим ученикам, своим детям. И закономерно, что идея праздника Книги родилась в головах бывших «Пионеров Удору» – Альберта Ванеева и Юрия Васютова.

А.Е. Ванеев (1933–2001) был родом из д. Буткан на Мезени. В 1941 году он пришёл в первый класс Косланской школы, а 15-летним отроком в 1948 году активно включился в деятельность литературного кружка. А уже через год, его стихи, напечатанные в журнале «Войвыв кодзув» и в коллективном сборнике «Молодые голоса», возвестили о новом коми поэте. В 1951 году А.Ванеев, как ранее его учитель, поступает на отделение коми языка и литературы Педагогического института и заканчивает его с отличием. А. Ванеев не только поэт, но и учёный. Он учится в аспирантуре, в 1963 году защищает диссертацию «Вопросы мастерства в коми советской поэзии», работает научным сотрудником, затем – заведующим отдела языка и литературы Коми филиала АН СССР. Его литературоведческие труды принесли ему известность в научном мире. Но всё же, в первую очередь он – Поэт. Выход в свет очередной книги его стихов всегда был литературным событием, вызывал живой отклик в печати и кулуарные обсуждения. При жизни вышло более двадцати сборников стихотворений А. Ванеева, его охотно переводили на русский, украинский и другие языки на-

Концерт, посвящённый основоположникам праздника А. Ванееву и Ю. Васютову. с. Буткан. 2016 г.

родов СССР, он и сам был прекрасным переводчиком. С его лёгкого пера в коми поэзию вошли переводы стихов В. Шекспира, Ф. Петрарки, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Ахматовой, С. Есенина, А. Твардовского и многих других известных поэтов.

Литературная судьба Ю. Васютова (1931–2006) сложилась не сразу. В 1948 году он закончил восемь классов Косланской школы, затем были курсы радистов, после которых работал радистом в Удорском леспромпхозе, служил в армии, снова учился – заочно заканчивал среднюю школу, чтобы поступить в Высшую партийную школу (Институт политологии) в Ленинграде. С дипломом работника печати он работает журналистом, затем переходит на службу заместителем председателя правления Союза писателей РК. Ю. Васютов – автор более десяти книг стихов и прозы. Его герои – люди тайги, коми люди, среди которых он прожил жизнь и которых любил всем сердцем.

Не удивительно, что эти два человека, осенённые верой в то, что пока люди будут

читать, жизнь на этом маленьком участке планеты, называемом Удорой, не прекратится, оказались в начале движения, которое стало праздником Коми книги. Шёл 1986 год. В Советском Союзе начинался общественный подъём, вызванный лозунгами горбачёвской перестройки. Люди искренне верили, что вот-вот обретут небывалую доселе свободу и лучшую жизнь, и готовы были свернуть горы, чтобы в очередной раз начать строить новое общество, такой новый коммунизм с капиталистическим оттенком. Крах 1990-х произойдёт потом, но энтузиазм масс конца 1980-х можно сравнить лишь с энтузиазмом людей первых пятилеток. Все буквально жили идеями обновления, возрождения, реформ – во всех областях жизни: в экономике, образовании, культуре. Была упразднена цензура, и открылся доступ к ранее запрещённой литературе. Произошёл великий читательский бум, когда буквально вся страна взахлёб читала книги – весь список читаемых тогда авторов даже трудно представить, – не то, что опубликовать в рамках этой не-

большой статьи. Достаточно сказать, что книги и журналы того времени издавались миллионными тиражами. Праздник Коми книги родился как раз на волне этого читательского бума. Коми литература тоже ведь переживала свой расцвет. Один за другим выходят великие романы Г.А. Юшкова, повести И.Г. Торопова, Е.М. Рочева, стихотворения В.В. Тимина, ещё живы такие патриархи коми литературы, как С.А. Попов, Г.А. Фёдоров, Н.А. Фролов, и уже заметны ростки новой литературы в стихах Е.В. Козлова, О.И. Уляшева, в прозе А.В. Попова. Понятно, что в литературном процессе конца 1980-х гг. поэзия и проза А.Е. Ванеева и Ю.К. Васютова занимали далеко не последнее место. Авторитет их был огромен – в то время ещё верилось, что поэт в России больше, чем поэт. Поэтому организовать праздник оказалось сравнительно нетрудно.

Тогдашний секретарь райкома КПССА.Ф. Поташев идею поддержал, но главное – писатели нашли союзника в лице Нины Ивановны Прокопьевой, тогдашнего «министра культуры» Удорского района, человека неуёмной творческой энергии и огромного организаторского таланта. Если символическими «отцами» праздника можно назвать А. Ванеева и Ю. Васютова, то Нина Ивановна стала его «матерью». Именно ей принадлежит авторство сценарного хода праздника, в сюжете которого писатели и читатели словно бы обмениваются дарами: писатели представляют свои книги, читают стихи, беседуют с читателями, а читатели, в свою очередь, угощают писателей удорскими вкусностями, выступлениями художественной самодеятельности, в которых произведения писателей представлены тоже в немалой степени. Всё это происходит в формате весёлой ярмарки, участниками которой являются подворья всех удорских сёл, деревень и поселений. Иными словами, встреча читателей с писателями обрела уровень всеобщего празднества, фе-

стиваля. В значительной степени, в этом сценарии ощущается влияние идей 1960-х гг., когда чтение стихов перед большими аудиториями было почти обычным делом. Легендарные выступления А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной, Е. Евтушенко и других известных поэтов в конце восьмидесятых были, конечно, уже позабыты, но «отцы» праздника – А. Ванеев и Ю. Васютов сами были из той эпохи, их становление как писателей как раз тогда и происходило. Поэтому неудивительно, что публичное чтение стихов было и остаётся сегодня центральным событием праздника.

Первый праздник «Коми книга» состоялся в с. Кослан 5 декабря 1987 года. В качестве первых приглашённых на первый праздник Книги гостей были только писатели – сами уроженцы Удоры. В первую очередь, это сами А. Ванеев и Ю. Васютов, их Учитель, Владилен Крюков, а молодое поколение писателей представляли Евгений Афанасьев, Пётр Бушенев, Леонид Палкин, Антонина Гордеева, даже директор Коми книжного издательства, организовавший продажу книг на празднике, Михаил Васютов, тоже был родом из Кослана. Позднее, в статье о празднике для газеты «Югыд туй» (Светлый путь), Юрий Васютов так определял значение праздника: «Можно было бы пригласить и больше писателей, но нашей целью не было показать много писателей, а увеличить количество читающих, любящих книгу. Хотя что ни говори, но число коми читателей уменьшается. Даже в сельских детских садах учебные программы только русские. На родине Альберта Ванеева в Буткане, в школе не изучают коми язык. Я не против русского языка, сам в детстве говорил только по-русски, и в первом классе никак не хотел учить коми язык. Но я говорю огромное спасибо своей учительнице, своим родителям, которые учили меня и коми, и русскому, и даже немецкому. Я не хочу сказать, что коми книгу на Удоре не любят. Читают пока произведения коми пи-

Удорские писатели и поэты на первом празднике "Коми книги". Кослан. Декабрь 1987 г.

сателей. В район приходит 122 экземпляра журнала «Войвыв кодзув», читают в библиотеках, покупают в магазинах. Но в магазине райцентра лежит много книг коми авторов, и они не востребованы. И в Ёртомe, где я был в прошлом году – так же. Но школа и библиотека не учат детей любить язык своих родителей. Наверное, и поэтому ещё Центральная библиотека и Общество любителей книги собрали этот праздник, чтобы тронуть сердца тех, кто стал забывать о своей малой родине, о родном языке своего родного села, о своей родной земле».

Рождение нового праздника Удора встретила с восторгом. Оно и понятно – помнились ещё традиции хлебосольных престольных праздников, когда гости со всей округи съезжались в очередную гостеприимную деревню, и начиналось веселье. Новый праздник был привлекателен как раз своим гостеприимством: хороший повод для встреч друзей, родственников, знакомых, живущих в отдалённых деревнях, а также, и завести новые знакомства. Поэтому и было решено сделать праздник ежегодным, а проводить его в разных сёлах

по очереди. Тогда же стало понятно, что писательский круг надо расширять – коми книги пишут не только удорские писатели.

Следующий праздник был в старинном селе Глотово 19 июля 1988 года, богатом народными легендами и культурными традициями. По легенде, место под село было отвоёвано первопоселенцами у обитавшего в водах Мезени чудовищного Глота – то ли дракона, то ли кита – славился он огромной пастью. Но вот не стало чудовища, и открылись в селе с его именем церковь, школа, библиотека, закипела культурная жизнь. А в 1920 г. в Глотовской школе учился и народный поэт Коми АССР Серафим Попов. Его-то и пригласили в качестве почётного гостя на праздник Коми книги. Участницей этого праздника была и уроженка села, студентка Нина Обрезкова. Для Нины Серафим Алексеевич человек не чужой, он одноклассник её бабушки, Ольги Фёдоровны Коноваловой, и нередко бывал в их доме. Но именно на этом празднике Нина увидела в нём Поэта, и это определило её литературную судьбу. В 1992 году праздник Книги снова встретят в Глотово,

и снова приедет Серафим Попов, и будет Нина Обрезкова, уже в числе приглашённых – как молодой поэт. А в 2012 году она издаст книгу «Войвыв кодзувлань туй – Дорога к Полярной звезде», в которую войдут воспоминания разных людей о Поэте и его стихотворения. Но в 1989 году Серафим Попов, Юрий Васютов и Евгений Афанасьев встречались со своими читателями, отвечали на их вопросы, глотовцы кормили их яствами удорской кухни, а вечером на сцене сельского клуба был показан великолепный концерт.

Каждая встреча читателей с писателями в контексте праздника «Коми книги» была по-своему неповторимой – приглашали всё новых и новых гостей. Так, на следующий праздник в 1989 г. в село Чернутьево, кроме удорских писателей Юрия Васютова, Леонида Палкина, Петра Бушенева и Эраста Ванеева, приезжали детский писатель Елена Габова и коми прозаик и драматург Алексей Попов. В круг приглашаемых вовлекались всё новые и новые писатели. На праздник в Большой Пыссе приезжала сказочница Соломония Пылаева, в Ёртоме участвовали Александр Лужиков и Алексей Тарабукин, впервые приняла участие и уроженка села, поэтесса Галина Бутырева. За 30 лет праздника на Удоре побывали многие писатели Республики Коми, включая и пишущих на русском языке: Елена Козлова, Владимир Тимин, Надежда Мирошниченко, Егор Рочев, Пётр Столповский, Евгений Козлов, Андрей Попов, Александр Суворов, Алексей Вурдов, Елена Афанасьева, Алёна Ельцова, Валерий Вьюхин, Александр Журавлёв, Иван Белых, Григорий Спичак, Олег Уляшев, Алексей Полугрудов, Юрий Яковлев, Любовь Ануфриева, Алёна Шомысова, Андрей Канев, приезжал из Санкт-Петербурга Николай Коняев, а в последние годы желанным гостем стал поэт Павел Черкашин из Ханты-Мансийска. Кажется, каждый из них приобрёл и свой, неповторимый образ Удоры.

Вот что говорит поэтесса Галина Бутырева о празднике:

– Довольно просто ответить на вопрос, почему праздник «Горка» проходит в Усть-Цильме, или почему Василей празднуют в Усть-Куломе. А знаете ли вы ответ, как возник, а главное, почему, и почему именно на Удоре – праздник Коми книги? А потому что Удора с незапамятных времён связана с книжными традициями! Немного найдётся регионов не только в Республике, а даже и в стране, где простыми крестьянами-переписчиками создавались целые «библиотеки». Как правило, кто-то начинал, а завершали этот труд уже другие, и в результате появлялись сборники духовных стихов, книги Священного Писания, рукописи, по которым строилась жизнь старообрядческих общин на Удоре... Одна из последних представительниц Удорских книжников была Ольга Петровна Коровина, не только искусная переписчица, но и прекрасный книжный график. В частных собраниях удорчан и сегодня хранятся немало рукописных и старопечатных книг.

И я думаю, была ещё одна немаловажная причина для возникновения праздника, где главным героем стала Книга. Это сами удорские писатели, а прежде всего один из них – Альберт Егорович Ванеев. Это был не только Поэт с большой буквы, но и очень серьёзный учёный финно-угровед, исследователь творчества Ивана Куратова. Праздник книги на Удоре – это его идея, и другого нашего земляка, поэта и прозаика Юрия Васютова. Это их щедрый дар землякам, и не только им, но и для всех гостей – писателей, артистов, учителей и библиотечарей со всех концов республики...

На один-два дня вместе с односельчанами (а праздник проходит каждый раз на новом месте – за 30 лет он успел побывать в каждом селе, а в некоторых – не по одному разу...) они оказываются в атмосфере Слова, Поэзии или Прозы, одним словом – Литературы. И это прекрасно! Я люблю

Нина Обрезкова, Алёна Ельцова и Галина Бутырева. Кослан. 2016 г.

наши праздники Книги, горжусь, что они вот уже 31-й раз снова, в конце июня будут проходить на моей родине, на Удоре. И я верю – у нашего праздника счастливое будущее!

Елена Васильевна Козлова, председатель правления Союза писателей, приехала на «Коми книгу» первый раз в 2005 году и безоговорочно полюбила праздник:

– Не каждое семечко, брошенное в почву, произрастает. А вот идея наших именитых писателей, Альберта Егоровича Ванеева и Юрия Константиновича Васютова, о проведении праздника «Коми книга» на Удорской земле нашла благодатную почву. Тридцать лет общественность Удоры проводит этот праздник, который давно уже стал республиканским. Почему, именно, на Удоре и почему посвящён книге? Ведь существует масса праздников песни и танца в других районах. А тут именно книга.

Наверное, потому, что удорчане, истинные хранители и создатели (переписчики) древних книг, на протяжении нескольких

веков воспитали в детях и внуках бережное отношение к духовному богатству. И современные удорчане чтят древние традиции предков и вносят свой вклад в сокровищницу истории Удоры. Не могу сказать, как проводились праздники тридцать лет тому назад, но в последнее десятилетие этот праздник стал поистине народным. Есть большой смысл в том, что это событие проходит каждый год на новом месте, путешествуя по Удорской земле. В подготовке праздника принимают участие все жители села, вспоминают древние мифы, обычаи, которые обязательно потом расскажут приезжим гостям. Обихаживают село: ремонтируют мосты, подкрашивают фасады, достают из сундуков старинные наряды.

И вот сам праздник. Многолюдный, красочный. С гостями из Сыктывкара и других районов республики, и даже из-за её пределов. Стихи, песни, презентации новых книг, кинофильмов, викторины, награждение участников разных конкурсов. В последние годы диапазон праздника су-

Л.А. Королёва и А.Р. Ванеева – организаторы праздника "Коми книга".

щественно расширился. Кроме традиционных композиций появились новые элементы, умело вплетённые организаторами в общую канву праздника. Это и выставка древних духовных книг, это подведение итогов конкурса «Увлечённые чтением», проведение «Круглых столов» по вопросам литературы и творчества. Знаменательным было проведение «Круглого стола» в Кослане в 2015 году, посвящённого детской литературе. Этот разговор о проблемах литературы для самых маленьких был продолжен в Сыктывкаре, куда были приглашены все заинтересованные стороны: писатели, учёные, издатели, библиотекари, работники детских учреждений. По итогам этого мероприятия был создан Общественный Совет по детской литературе и от имени Общественного Совета были обращения в Правительство о дополнительном финансировании детской литературы. Итак, праздник «Коми книга» становится не только площадкой дебюта новых стихов и

песен, не только добрых встреч писателей с читателями, но и местом обсуждения насущных проблем литературы, издания книг и их востребованности. Хочется от души поблагодарить организаторов праздника, всех работников культуры за многолетний труд, за неиссякаемый задор, за душевную щедрость.

Праздник «Коми книги» набирал обороты постепенно, в его орбиту включались новые и новые темы, а с ними и новые мероприятия. Так, изюминкой праздника 1989 г. в село Чернутьево стала книжная выставка «Старинная книга Удоры», которую привезли сотрудники библиотеки Сыктывкарского государственного университета. Для многих коренных жителей Удоры, особенно жителей мезенских сёл, выставка старообрядческих книг была просто откровением. Конечно, к концу 1980-х гг. вашкинское старообрядчество уже ослабло – дети и внуки староверов, воспитанные в советских школах, были совсем не религиозными людьми, и, в большинстве своём, едва ли осознавали культурную ценность толстых старинных книг в переплётах из тёмной кожи. Выставка словно бы открыла глаза: оказалось, что эти книги – не наследие тёмного дореволюционного прошлого, а совсем наоборот, показатель высокой духовности удорских старожилов; что была на Удоре своя, самобытная рукописно-книжная культура, свои книжники и писатели-староверы, и что нужно дорожить этим наследием, сохранять его и гордиться. Выставка проходила на протяжении ряда лет, привлекая к себе внимание как удорчан, так и гостей. В последние годы этой выставки нет, но выставляют свои книги сами держатели, потомки старообрядцев-книжников. В 1992 году в селе Глотова прошёл праздник, посвящённый 620-летию Коми письменности, приуроченный ко Дню Святой Троицы. Праздник начался с поминания усопших на кладбище, а затем развернулся в центре

села. Впервые на этом празднике проводилась выставка самобытного удорского художника Владимира Худякова. В 1993 году в деревне Буткан, на родине Альберта Ванеева, прошёл праздник в честь его 60-летия. Памятным был праздник 1995 года в деревне Сёльыб на Мезени. Он был приурочен к будущему в следующем году 600-летию со дня блаженной кончины святого Стефана Пермского. По местной легенде, Стефан (Штепан) проплывал на каменном плоту по Мезени и остановился возле будущей деревни. Он крестил местную чудь и испил воды из ключа. С тех пор ключ называют его именем – Штепан ключ или ключ Стефана. В память о Стефане возле ключа был установлен и освящён крест, а в бывшей церкви организована выставка старинных книг и икон. Надо признать, что удорачи отметили 600-летие памяти Стефана Пермского первыми в стране.

С другой стороны, заметно усилилась и театрално-музыкальная часть праздника. Кроме традиционных фольклорных и клубных самодеятельных коллективов стали показывать и постановки пьес коми авторов. Причём, постановки самодеятельных артистов нередко оказывались настолько яркими, что вызвали восторженные аплодисменты зрителей и помнились долго. К примеру, в 1997 году на юбилейном празднике писатель Евгений Афанасьев под взрывы смеха и гром аплодисментов читал со сцены свой рассказ «Коза Муза», а в 2000 году в селе Важгорте силами драмкружка был поставлен спектакль по этому рассказу и поставлен настолько впечатляюще, что зрители встречали почти каждую фразу местных артистов В. Бозовой и Т. Остаповой хохотом и бурными овациями. В 1996 году в празднике приняла участие знаменитая коми певица Лидия Логинова, словно бы открывшая праздник известным в республике исполнителям – с тех пор на праздник приезжали Любовь Розе из Ухты, Альфия Коротаева, а Ольга Сосновская

и Владимир Юрковский (сам уроженец с.Ёртома) стали постоянными его участниками.

В 1998 году на праздник в с. Чернутьево, посвящённый 90-летию сельской библиотеки, кроме писателей, приехали и высокие гости: Галина Бутырева – тогда в статусе зам. главы Республики Коми, зам. председателя Госсовета Валерий Марков, министр культуры Алексей Безносиков и глава района Алексей Елисеев. Приезд их был не случаен – именно в Чернутьево праздник «Коми книга» получил республиканский статус. С этого времени республиканские чиновники, особенно из Министерства по делам национальностей и Министерства культуры, стали обязательными участниками праздников. Они неизменные участники ставших традиционными Круглых столов по вопросам книгоиздания, статуса родного языка, детской литературы на коми языке и др. В формате этих Круглых столов были рождены многие насыщенные проекты, в частности, здесь родилась идея сайта аудиокниг на коми языке, поддержанная Анатолием Родовым. В течение года сайт «Ловья кыв – Живое Слово» был создан на базе редакции журнала «Арт». Автором идеи нового переиздания коми пословиц также стал Анатолий Родов. Буквально через год силами журнала «Арт» (составитель и редактор П. Лимеров, художник Ю. Лисовский) и Республиканской типографии прекрасная книга «Коми пословицы и поговорки» Ф. Плесовского в новом формате вышла в свет.

Девятнадцать лет праздник «Коми книги» проводила её организатор и главный режиссёр Нина Ивановна Прокопьева. С 2005 года на место руководителя отделом культуры района была назначена Лариса Александровна Королёва, и с этого времени она стала, по долгу службы, проводить праздники «Коми книги». Мы попросили её сказать несколько слов о празднике.

– Лариса Александровна, какое значение праздник «Коми книги» имеет для района?

Л.К.: Коми книга – это главное событие нашего района. И даже годовой цикл у нас начинается не с Нового года, а с праздника «Коми книга» – он проходит, и мы начинаем думать, как будем проводить следующий. Что нам придумать новое, что нам придумать интересное. И все учреждения культуры живут по этому циклу: от праздника до праздника. Это основное событие, где мы показываем своё творчество, своих артистов, свои культурные достижения. А в целом для района этот праздник важен уже тем, что где бы он ни проходил, там сразу начинаются работы по благоустройству территории: чинятся дороги, мосты, тротуары, красятся дома. Очень хорошо отзывается о празднике население, к примеру, в Пыссе, Глотова к празднику отремонтировали все изгороди, все стараются, чтобы их село на праздник «Коми книги» выглядело достойно и привлекательно.

– А как культурное явление как Вы его оцениваете?

Л.К.: Ну, я уже сказала, что мы стараемся показать самое лучшее на этом празднике. А среди писателей – я так думаю, что для них – это тоже определённый этап в достижениях. Определённый этап и для детей: участвуя в конкурсе «Увлечённые чтением», они из года в год совершенствуют свои навыки в письме, в написании сочинений, а также декоративно-прикладном творчестве, фотографировании: «В этом году я получил только диплом за участие, значит, я должен что-то лучше сделать, чтобы получить призовое место». Мы проводим конкурс по старообрядческой литературе. Люди находят уникальные книги (конкурс называется «Уникальная книга»), не только старообрядческие, но и с автографами различных авторов – это тоже приветствуется. Далее – библиотеки. Каждая библиотека в течение года совер-

шенствует свою деятельность с тем, чтобы привлечь детей к конкурсу «Увлечённые чтением». Из культурных достижений – Десятый фестиваль Павленковских библиотек проходил у нас, на Удоре. Прошли уже Третьи Ванеевские чтения – толчок им дал тоже праздник «Коми книга», на празднике родился и Фестиваль именных библиотек. Все эти идеи рождаются во время праздников и, конечно, сразу реализовать мы их не можем.

– Из чего праздник состоит? Из каких этапов, элементов?

Л.К.: Мы всегда стараемся, чтобы в начале праздника был очень серьёзный Круглый стол, прошло общение участников, где поднимались бы различные вопросы. Особенно нравится то, что проходит в последние два года, потому что мы сами постоянно в поисках тем, в поисках проблемных вопросов. Вот прошёл круглый стол по вопросам книгоиздания – столько появилось идей, столько различных мыслей, которые в конце концов превращаются в какие-то конкретные дела. В этом году круглый стол был очень важным и посвящён был языку. Мне очень понравился круглый стол в Пыссе, когда ставился вопрос, что значит для тебя книга? Выступали разные люди, не только писатели, и их мысли – это напутствие нашим детям, новому поколению, что не всё зависит от компьютера, и насколько значима книга. Всегда подводим итоги конкурса «Увлечённые чтением». Дети, из года в год участвуя в этом конкурсе, подтягиваются писать профессионально. Может быть, некоторых из них вскоре мы будем встречать как гостей праздника «Коми книга». Обязательно должны участвовать в празднике наши фольклорные и самодеятельные коллективы, которые украшают праздник своими песнями, постановками. Мы отслеживаем репертуар коллективов, чтобы он был именно по творчеству наших писателей.

– Темы праздников – как подбираются? Какие темы были наиболее значимыми?

Л.К.: Меня очень затронули темы, связанные с духовностью, связь литературы и духовности. Был праздник в Ёртомe, приезжал епископ Питирим. Мы думаем, что духовность может быть только в церковной литературе, в чтении молитв. Полный зал в Ёртомe был заполнен людьми, когда о духовности говорили как о любви к Родине, как о любви к ближнему, о любви к языку, о любви к своим родителям. Это настолько впечатляет, что мне кажется, что литература и духовность – это настолько важная тема, что её надо каждый раз повторять. В этом году мне понравился круглый стол, где были затронуты проблемы родного языка. Я русский человек, и мне всегда обидно, когда говорят плохо о русском языке. Также любят свой родной язык и коми, и молдаванин, и болгарин. То, что в этом году обсуждались проблемы коми языка – это очень важно.

– Встреча с каким из писателей, приезжавших сюда, произвела наибольшее впечатление?

Л.К.: До сих пор я восхищена Павлом Черкашиным, он стал уже нашим постоянным гостем. Мне нравится простота его стихов. И очень мне нравится Татьяна Канова. Когда она читает свои стихи – у меня слёзы на глазах. Очень нравится Елена Афанасьева. У неё всё настолько просто, ёмко и образно, что у меня мурашки бегут, когда её слушаю. Мне очень нравится Галина Васильевна Бутырева, она пишет как на коми, так и на русском хорошо. Любое её стихотворение – это такая ностальгия по родине, такая любовь к своей малой родине, что мне кажется, я начала даже больше любить свою родину – Вологду.

– Не было такой мысли, чтобы создать музей праздника «Коми книга»?

Л.К.: В этом году мы решили, что будем делать фотоальбом праздника, и уже сей-

час ведём работу – собираем старые фотографии 1980-х – 1990-х гг. Музей «Коми книги» создавать надо, и это правильно. В этом отношении мне нравится деятельность нашей Центральной библиотеки и её директора – Алины Робертовны Ванеевой, когда они собирают библиотеку автографов. Меня поразило, когда они в Буткане показали баннеры с автографами, насколько большой они вызвали интерес у гостей – они узнавали чью-то подпись, чьё-то пожелание, чей-то почерк – людей, которых уже нет в живых, а автограф сохранился – это великое чудо. Вот это уже готовые экспонаты для музея. Музей надо создавать, и скоро мы придумаем, как это сделать.

Изначально большое значение в проведении праздника имели библиотеки. Это понятно, потому, что где, как не в библиотеке происходит первая встреча Читателя с Писателем и его книгой. С самого рождения праздника Центральной библиотекой Удорского района в с. Кослан руководит Алина Робертовна Ванеева. С самого рождения праздника она принимает активное участие в его проведении.

– Алина Робертовна, с чего начинался праздник?

А.В.: Альберт Ванеев и Юрий Васютов пришли в администрацию и предложили отмечать этот праздник и выбрали ему название – «Коми книга». Это было в 1987 году, и с тех пор он проходит каждый год в разных сёлах.

– Понятна идея праздника: установить связи между читателями и писателями. Как Вы думаете, эта идея решается? Люди начинают больше читать? Нужен ли читателям этот праздник?

А.В.: Праздник нужен. Если говорить о детях, то, увидев писателя, они сразу говорят: «Ого, живой писатель!» – в их понимании того, кто написал книгу, уже давно нет на свете. Одно дело, когда он прочитал книгу, другое – когда увидел писателя своими

глазами. Это живое общение очень интересно и важно для ребёнка. И когда мы проводим конкурс «Увлечённые чтением», мы соблюдаем эту линию, чтобы ребёнок увиделся с писателем, общался с ним. Я не скажу, чтобы был ажиотаж вокруг наших писателей, но вот сельские библиотекари говорят, что интерес к коми книгам, к коми журналам есть и во многом благодаря празднику.

– Немного скажите о структуре праздника: какой она была раньше, и какая она сейчас?

А.В.: Я думаю, что в последние три года праздник существенно изменился, он как будто всё больше приобретает книжное направление. Раньше, я помню, роль библиотеки в празднике вообще была маленькой, были праздники, когда мы только и мыли посуду. Мы всё оформляли, делали свою работу, и всё. А теперь библиотекарь сам задействован в празднике: он знакомит с писателями, которые приедут на праздник. То есть его роль – просветительская, а это совсем другое дело. Одно время мы проводили только фольклорные мероприятия. Село организуем, украсим, и фольклорных мероприятий больше. А теперь стало больше общения с писателями – то, что и нужно было. Это началось где-то с 2012 года. Не хочу сказать, что мероприятия, которые мы проводили раньше, были плохими или хорошими, я не оцениваю их. Но то общение, которое сейчас есть, очень подняло уровень праздника. Сейчас мы имеем связь с Союзом писателей. Был какой-то момент, когда мы перестали понимать, как нам делать праздник книги. Вроде делаем всё, а непосредственного диалога с писателями, которого все ждут – не получается. Это важно людям, приходящим на праздник – они вступают в общение с писателями, это важно и для писателей, потому что так они находят своё место в празднике. А в этом году сколько было новшеств на празднике! Эти площадки мне очень понравились, да и люди говорили, что это было что-то новое, неформальное общение.

Народный поэт Надежда Мирошниченко встречается с косланскими детьми.

– О площадках расскажите подробнее...

А.В.: Во-первых, людей привлекло непосредственное общение. Если в зале общение с писателем всё же носит официальный характер, то здесь ты можешь подойти к любой площадке и поговорить с кем хочешь из писателей, журналистов, издателей книг. Все площадки представили себя как-то по-новому. Были площадки журналов: «Арт», «Войвыв кодзув», были четыре библиотеки, была площадка Союза писателей. Нам было интересно посмотреть, как библиотеки будут работать в этом формате. И посетители, прежде всего, отметили Вашу площадку: и редакция, и картины Ю. Лисовского, ваша книга «Твои письма» – всё это впечатлило. Отметим Союз писателей: было тоже интересно. Было интересно общаться с Усть-Вымской библиотекой. Они рассказывали о своих усть-вымских писателях, и был у них и гармонист, и люди говорят, что они очень многое узнали об этом районе.

– А раньше библиотеки меньше участвовали в празднике?

А.В.: Мы приглашали директоров. А потом библиотекари-директора стали говорить мне: проходит праздник книги, а постоянной площадки библиотек на нём нет. Она должна быть постоянной, потому что весь праздник проходит вокруг книги. И вот мы выиграли грант на проведение фестиваля библиотек. Шесть библиотек участвовало в фестивале, сколько труда мы вложили, чтобы показать свои библиотеки, а также и увидели сам праздник! Они только один день участвовали, а надо было бы и оба дня, в первый день было общение с писателями, а у них на самом деле к писателям были бы вопросы. Всего двадцать шесть библиотечарей приехали на праздник.

– Конечно, это правильно. Кто, как не библиотекари знают, кого читают сегодня читатели, конечно, у них должны быть к ним и вопросы, и пожелания. И связь между библиотеками и писателями должна быть.

А.В.: Я сравниваю прошлогодний круглый стол с нынешним. Прошлогодний был удачнее, потому что были библиотекари, писатели, чиновники из Агентства по делам печати – разговор был серьёзным, и он добавил статусности празднику.

– В этом году был круглый стол по вопросам сохранения языка. Есть какие-то ощутимые результаты от этих мероприятий?

А.В.: Конечно, есть. В этом году было принято решение об открытии класса обучения коми литературы и языка по национальной программе. Уже подано семнадцать заявлений. Когда-то ведь был коми класс, потом один директор его уничтожил. И вот в этом году он снова открывается. Было ведь трудно его открыть. В мае ещё неизвестно было, откроют или нет, даже родители ко мне подходили. Вот на круглом столе мы и сконцентрировали внимание на этой проблеме, и это помогло. И больше

вопросов уже не возникало, откроем или нет. А до этого всё было во взвешенном состоянии: один чиновник говорит – откроем, а другой – нет, не откроем. Мы специально вынесли вопрос на обсуждение. И хорошо, что в круглом столе участвуют чиновники из правительства – пусть слышат, о чём заботятся люди. Может, и не примут никакого решения, но пусть слышат людей. Те же учителя – я их всё время настраиваю. Тридцать лет уже проводим праздник, а учительский состав не воспитали, чтобы учитель понимал – ведь идёт праздник «Коми книга», и я в нём должен участвовать. Ты можешь не выступать, но ты должен слышать, о чём здесь говорят, какие есть новые направления в литературе, о чём пишут нынешние писатели. А для этого я бы организовала ещё одну площадку, где учитель мог бы включиться в диалог с писателем. Вот с образованием у нас пока нет точек соприкосновения. Есть учителя, такие как Ирина Калинина из Важгорта, Анна Политова из Глотова, у которых глаза горят на всё это, мы с ними проводим мероприятия. А с остальными трудно. Я думаю, что подобный круглый стол проводить должно образование. Они ведь лучше знают, какая ситуация в школе, что нужно делать.

– Какие темы праздников Вам больше всего пришлись по душе?

А.В.: С 2012 года помню. В Ёртомте была тема духовности, духовности и литературы. В 2013 году мы проводили Всероссийский форум Павленковских библиотек, тогда у нас тема называлась «Книжная культура». В 2015 году в Пучкоме была тема книгоиздания – был ряд изданных в этом году книг, и проводить праздник было легко. В этом году формат праздника определил фестиваль именных библиотек, это конечно же, новшество. В следующем году Национальная библиотека собирается проводить фестиваль Российских именных библиотек, наш фестиваль вроде как бы площадкой для этого был.

– Как Вы приглашаете писателей: они сами к Вам едут или есть проблемы?

А.В.: С этим очень трудно. Союз писателей нам всегда говорит в последний момент: вот те-то и те-то приедут. А нам ведь надо готовиться. Если мы, к примеру, будем с января месяца знать, кто к нам едет, то у нас вся наша библиотечная система будет крутиться вокруг этого писателя: конференции, круглые столы вокруг этого писателя – знакомить будем читателя с ним, давать читать его произведения людям. Форма работы может быть разная. В этом году хоть в марте определились, кто приедет. Другой вопрос, что читатели хотят встретиться с тем или иным писателем, а они не приезжают. Вот в этом году усюгорские читатели очень желали встретиться с Еленой Габовой, но не приехала. И ведь долго готовились к встрече с ней. А теперь у меня вот такая идея возникла. Мы откуда-то из России приглашаем гостей. А вот в этом году я ездила по соседнему Лешуконскому району, была в Пинеге, на родине Фёдора Абрамова. Я просто была изумлена, я всегда думала, что это где-то далеко, а это рядом! И я думаю, почему бы нам архангельских не принимать, они рядом, а мы их не знаем.

– Тем более, что их культура нам очень близка.

А.В.: И люди все там одухотворенные, деревня буквально пропитана духом его произведений – покажут дом, в котором жил тот или иной герой. Обязательно повезу туда своих коллег. И я сказала пинегжанам: – Вы должны обязательно к нам приехать.

– Очень хорошая мысль, я думаю, что можно приглашать вологодских, устюжских писателей, они ведь тоже соседи.

А.В.: Я эту идею тоже когда-то проговаривала. Мы говорили об этом с Еленой Васильевной Козловой. Я думаю, мы обязательно пригласим их на праздник.

– Празднику 30 лет. Что приносит праздник в жизнь удорачан?

А.В.: Конечно, праздник не воспитал плеяду удорских писателей. Есть писатели, как, к примеру, А. Бушенева, но они пишут независимо от праздника. Но значение праздника в том, что если ребёнку или взрослому наша мысль о книге западёт в душу, и если он о жизни будет думать немного иначе, чем прежде – я думаю, что это будет великое дело. Потому что в нашем празднике заложено много нравственных точек. Не только выращивать писателей. Вот, например, журнал «Арт» у нас читают. Значит, какой-то плюс от праздника уже есть. В Усогорске читают «Наш современник», а у нас читают журнал «Арт». Читатель приходит и берёт журнал, может быть, эта мысль ему пришла в ходе праздника. Вот, ещё пример: в Ёртомe в рамках праздника Галина Васильевна открыла Литературную гостиную. Я в этом году была там не как директор, а просто в гостях, как читатель. Мне было интересно посмотреть, что Галина Васильевна читает, чем интересуется, какие книги ей дарили. И я столько литературы себе нашла. Многие авторов и в нашей библиотеке нет. А ёртомские, которые там берут книги, переговариваются друг с другом: «Ты эту книгу читал?» – «А эту?» – «Вот эту прочитай, интересная...». Пока была в Ёртомe, всё и читала. Тогда я и поняла, что такое Литературная гостиная. Удобства все сделаны, даже моя племянница, в общем, малочитающая девушка, мне сказала: «Тетья Алина, там такой диван, я на нём столько книг прочитала...». Показатель. Человеку создали уют, он находится в гостиной, его никто не тревожит, и он читает. Я думаю, в каждой библиотеке надо открыть специальные фонды чьих-то книг. Читатель приходит, и думает: «Вот, он эту книгу читал, и мне она тоже нравится...».

– Если издать книгу о празднике «Коми книга», о чём она бы была?

А.В.: Я думаю, что главными героями

Гости праздника. Село Большая Пучкома. 2015 г.

этой книги должны быть люди. Я хотела бы видеть в этой книге мысли тех, кто проводит этот праздник, писателей, которые в нём участвовали, сельских жителей. Такая вот цепочка: организаторы – писатели – сельчане – как они видят праздник.

– Что Вы думаете о музее праздника «Коми книга»?

А.В.: Мысль эта у меня была, но в полном объёме я её ещё не представляла. У нас в библиотеке собрано уже достаточно много материалов.

– Из всех событий праздника, какое для Вас было наиболее впечатляющим?

А.В.: Когда читали стихи Елена Афанасьева и Павел Черкашин в Буткане. Это было поразительно: сочетание коми и русских стихов. Я потом спросила Елену Евгеньевну: «Вы это специально репетировали?» Она ответила: «Нет, это всё как-то само собой получилось, спонтанно». Из более ранних, помню, как в 2000-ном году в Важгорте на сцене играли «Козу Музу» Евгения Афанасьева. Было очень ярко, весело. Потом ставили и в других сёлах, но так, как в

Важгорте, уже не получалось. На празднике участвовал министр по делам национальностей, он сказал, что с этим и на Россию можно выходить. Весь зал был просто поглощён этим спектаклем.

Всегда интересно выступал Владимир Тимин. Он умел так расположить к себе аудиторию, что после хотелось обязательно прочитать его книги. Вот ради таких встреч и надо проводить праздник.

Фестивали книг проводят во всём мире. Как правило, это книжные ярмарки, где книгоиздатели предлагают покупателям свою продукцию. Проходят там и презентации новых книг, на которых авторы рассказывают о своих книгах, но тоже с тем, чтобы читатель книгу купил. Оно и понятно, книга такой же товар, как и другие, и автор заинтересован в её продаже, особенно если под издание взят кредит. В этом смысле Удора бескорыстна. Здесь Праздником является встреча Читателя с Писателем. И когда это происходит, мир становится лучше.

Павел Лимеров

